

Беседы о главном

ГЕННАДИЙ ЧЕРНУШКИН
ОСНОВАТЕЛЬ ШКОЛЫ «РЕПНОЕ»

В мае 2020 года нашей Школе «Репное» исполнилось 10 лет. Десять лет назад в Воронеже мы выступили катализаторами возрождения интереса к культурному наследию и к просветительским практикам. Актуальные знания из разных областей наук, беседы, собственные социальные проекты, поиск единомышленников, встречи с экспертами — это суть деятельности Школы. Она существует в первую очередь благодаря людям, добившимся в своей деятельности колоссальных успехов и готовым щедро делиться своими достижениями с окружающими. Химия, физика, астрономия, математика, литература или лингвистика, театр или живопись, социальные науки и политика — не столь важно. Важнее умение видеть за направлением науки или культуры нечто большее. Как и десять лет назад, я считаю, что активные, равнодушные люди, стремящиеся менять себя и мир вокруг, желающие развиваться не только в рамках своей профессии, должны держаться вместе. За годы существования проекта в Воронеже образовалось целое сообщество из сотен таких людей, и я счастлив и горд быть его частью. Диалоги наших экспертов с нашими выпускниками — это многообразие мнений, и оно вне времени.

ИРИНА КАРПОВА
ДИРЕКТОР ШКОЛЫ «РЕПНОЕ»

Десять лет — ранний подростковый возраст, возраст кризиса, который вызван внешними и внутренними переменами. Старые способы взаимодействия с миром и прежние интересы чаще всего не приносят желаемого результата, не удовлетворяют потребности. Почти то же самое можно сказать и про нас, участников проекта «Школа «Репное».

Перед нами стоит сложная задача: искать ответы на вызовы внешнего мира. Нас ждут новые системы обучения и просвещения, новые взаимоотношения, новые технологии, новые возможности и новые трудности. Мы будем искать правильные решения и будем продолжать работать, чтобы давать выпускникам и слушателям пищу для размышлений на очень длительный промежуток времени.

Мы переходим из своего «несовершеннолетия» к более зрелому возрасту, и уже готовы воспользоваться призывом Канта «*Sapere aude!*» (в пер. с лат. «Имейте мужество пользоваться собственным умом!»). И надеюсь, что все наши выпускники никогда не произнесут популярную во все времена фразу «Мне нет надобности мыслить, если я в состоянии платить».

Сегодня мы особенно активно движемся в лучшую сторону, находясь в постоянной динамике. Просвещение, на мой взгляд, состоит в отбрасывании догматов как формы. Нет ничего, что можно постулировать навсегда, и именно поэтому просвещение должно происходить постепенно, скорее эволюционным путем.

Сборник бесед наших выпускников с экспертами — это и есть небольшая часть нашего пути.

10 ЛЕТ В ДИАЛОГАХ

Ровно 10 лет назад просветительский проект набрал своих первых слушателей и пригласил в деловой центр «Ангстрем» в Репном первых экспертов. За это время через Школу прошло более 300 жителей Воронежа, Москвы, Липецка, Тамбова. Экспертный состав превысил 100 человек — и продолжает расширяться.

Это рубеж, который соединяет достижения Школы с ее будущим, о котором самое время задуматься. В честь значимой даты мы решили провести ряд бесед в формате «выпускник — эксперт». В них мы предлагаем собеседникам поразмышлять о разных аспектах современного мира в контексте тем семинаров — и о месте Школы в этом мире.

Это диалоги, в которых встречаются учителя и ученики, люди разных профессий и взглядов, объединенные дискурсом «Репного». Образование и интуиция, преемственность и инновации, государство и просвещение, сознание и коммуникация — все эти, на первый взгляд, довольно разные сферы при совокупном рассмотрении дают синергетический

эффект, позволяя глубже понять действительность, исследовать знакомые вещи с непривычных ракурсов.

Изначально предполагалось, что бесед будет 10 — в соответствии с возрастом Школы. Однако впоследствии их стало 11 — ведь мы не собираемся останавливаться, да и разговор о будущем невозможно завершить, он бесконечен. Фигура модератора включена в некоторые беседы и исключена из других, в которых показалась лишней.

*Мария Старикова
модератор бесед, редактор сборника;
кандидат филологических наук,
журналист, заместитель главного
редактора газеты «Коммерсантъ»
в Черноземье, выпускница Школы «Репное»
2015–2016 просветительского года*

01 05 Елена Меньшикова Сергей Филонович
Возможности в образовании растут вместе с ответственностью обучающегося

02 13 Анна Щедрина Константин Мильчин
Учитель должен быть лидером

03 21 Ксения Голубович Мария Старикова
Жизнь между поколениями

04 31 Игорь Задорин Елена Корельская
Счастье познать

05 40 Александр Архангельский Артем Столяров
Регулирование образовательных практик

06 48 Генрих Эрлих Любовь Стрельникова Олег Григоренко
Популяризация науки: кому и зачем это нужно

07 59 Ольга Сварник Елена Денежкина
Обучение – это изменение поведения

08 69 Юлия Голубева Максим Кронгауз
Нужно ли спасать русский язык и от кого

09 78 Фуад Алескеров Дмитрий Соловьев Данила Филатов
Образование и выбор

10 86 Александр Пиперски Александр Мазалов
Технологии побеждают необходимость в универсальном языке

11 96 Иван Микиртумов Юрий Долгих Лия Ищенко
Философы и философия современного мира

Люди будут задумываться о том, какую специальность нужно получить, чем нужно заниматься, чтобы тебя за время твоей жизни машины не вытеснили.

Сергей Филонович

Возможности в образовании растут вместе с ответственностью обучающегося

Елена Меньшикова
выпускница Школы «Репное»
2017–2018 просветительского года,
генеральный директор и владелец
IT-компании MITLabs

Сергей Филонович
эксперт Школы «Репное»,
доктор физико-математических наук,
профессор и декан Высшей школы
менеджмента Национального иссле-
довательского университета «Высшая
школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Сергей Филонович

Родился 25.03.1952 в Ленинграде. Учился, а затем работал и преподавал на физическом факультете МГПИ им. В.И. Ленина. В 1992 году сменил сферу деятельности, став заместителем заведующего кафедрой социологии организаций на социологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1999 году участвует в создании одной из ведущих на сегодняшний день бизнес-школ России – Высшей школы менеджмента НИУ ВШЭ. Помимо преподавательской деятельности занимается коучингом, консалтингом в области менеджмента и организационного развития; имеет большой опыт организационной и управленческой деятельности; внес большой вклад в создание и становление системы бизнес-образования в современной России.

Елена Меньшикова

Родилась 25.08.1988 в Ленинске (сейчас Байконур). Конфуций говорил: «Выбери себе работу по душе, и тебе не придется работать ни одного дня в своей жизни». Мне повезло, и я работаю в том месте, которое сделала сама, которое люблю, от которого получаю радость. Работа – мое основное хобби, которое приносит неплохой доход. По моим внутренним измерительным приборам самое важное достижение в жизни на сегодня – это великолепная коллекция людей, которую мне удалось собрать в том числе и благодаря ШЭК «Репное». Без них не было бы меня такой, какая есть сейчас. Я больше не знаю таких пространств, во всех смыслах этого слова, в которых человек получал бы такое разностороннее развитие.

ОБРАЗОВАНИЕ

ОБРАЗОВАНИЕ НЕПРЕРЫВНО МЕНЯЕТСЯ ВМЕСТЕ С МИРОМ – И ЧАСТО ВСЛЕДСТВИЕ ПРОИСХОДЯЩИХ С НИМ ПЕРЕМЕН. ОНО СТАНОВИТСЯ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, ВСЕ БОЛЕЕ ВСЕОБЪЕМЛЮЩИМ, А С ДРУГОЙ ЗАЧАСТУЮ ВСЕ БОЛЕЕ УЗКОСПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫМ. О ТОМ, ЧЕМУ И КАК НАДО УЧИТЬСЯ, ЧТОБЫ СОХРАНЯТЬ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ НА РЫНКЕ ТРУДА, ЗАЧЕМ СЕГОДНЯ НУЖНО ВУЗОВСКОЕ ОФЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ И ПОЧЕМУ ОНО ВСЕГДА БУДЕТ КАЧЕСТВЕННЕЕ УДАЛЕННОГО ОБУЧЕНИЯ, ПОБЕСЕДОВАЛИ ЭКСПЕРТ «РЕПНОГО» ДОКТОР ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР И ДЕКАН ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ МЕНЕДЖМЕНТА НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ» СЕРГЕЙ ФИЛОНОВИЧ И ВЫПУСКНИЦА ШКОЛЫ 2017–2018 ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ГОДА ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР И ВЛАДЕЛЕЦ IT-КОМПАНИИ MITLABS ЕЛЕНА МЕНЬШИКОВА.

БУДУЩЕЕ ГДЕ-ТО РЯДОМ

Мария Старикова (М.С.), модератор: Будущее пугает своей неопределенностью. Об этом всерьез начали задумываться футурологи в XX веке, когда технологический и социальный прогресс стал особенно стремительным. Элвин Тоффлер ввел даже понятие футурошока как боязни этих изменений из-за невозможности быстро к ним приспособиться. Мир продолжает ускоряться. Как вам кажется, что важно сегодня для личности, чтобы соответствовать этому темпу, чтобы оставаться на волне, участвовать в будущем, а не бояться того, как его творят окружающие?

Сергей Филонович (С.Ф.): Мне кажется, эти страхи придуманы самим человеком. Мир менялся всегда, с древнейших времен, а человеку приходилось подстраиваться. Сейчас это просто происходит быстрее. Предсказать, как будет выглядеть наше будущее, мы не можем, потому что это чистое гадание на кофейной гуще. Но мы можем простроить для себя видение того, в каком будущем хотели бы жить. И строить свою жизнь таким образом, чтобы оказаться именно в этом будущем — естественно, соотносясь с тем, что происходит в мире.

Елена Меньшикова (Е.М.): На текущий момент я слышу несколько опасений, касающихся будущего. Первое связано с сокращением людей из-за тотальной автоматизации многих видов деятельности — например, в банковской сфере. Люди, которые раньше работали диспетчерами, лишаются своей работы. Например, Сбербанк сократил порядка 20-30% сотрудников в колл-центрах, их заменяют роботы. Им приходится адаптироваться, необходимость адаптации в любом случае пугает. У людей была специальность, сейчас ее заменяет программный алгоритм.

При этом в моей сфере главной ценностью являются люди, личности, команда. Крупные IT-компании, в том числе в РФ, начинают окучивать кадры со школы. Конечный результат любой компании действительно зависит от людей — их настроения, вовлеченности в процесс, поэтому я считаю, что в будущем личность определенно останется.

По моим ощущениям, сейчас индивид не только продает товары и услуги. Он и сам является товаром, фактически продает свою личность. Если человек обладает теми качествами, которые сейчас востребованы рынком, то он будет успешен. Чтобы быть востребованным, нужно постоянно адаптироваться. Но подготавливаться к адаптации сложно, потому что часто мы не знаем, к чему готовиться.

Например, я недавно просматривала свою рабочую документацию четырехлетней давности, обычные технические задания на разработку. И заметила, насколько они изменились как структурно, так и идеологически — старые сейчас абсолютно не актуальны. При этом, хочу отметить, что у меня не было цели каждый год актуализировать эти документы, а перемены происходили естественным образом, как бы сами собой. Рынок диктует изменения: некоторые услуги продаются лучше, на что-то новое появляется спрос — на услугу или определенную технологию. Разбираясь в этом естественным путем, мы переходим от старого к новому.

ОБРАЗОВАНИЕ БУДУЩЕГО

М.С.: Образование, которое сейчас существует, способствует формированию менеджеров, способных быстро адаптироваться?

Е.М.: Мне кажется, в системе высшего образования большой выбор.

С.Ф.: Образование становится все более и более разнообразным — и будет становиться еще более разнообразным в будущем. Кто-то предпочтет учиться online, кто-то предпочтет учиться как и прежде, общаясь с учителями, а кто-то будет комбинировать. Выбор способа обучения будет зависеть от многих обстоятельств — от того, где вы живете, например. Если вы хотите в Якутске получить приличное образование и у вас нет возможности регулярно ездить в Москву, вы волей-неволей будете использовать Coursera и другие обучающие online-ресурсы.

Психологи уже давно доказали, что online-образование и по качеству хуже, чем прямое общение с преподавателем, потому что труднее поддерживать осознанное внимание, даже при отличном качестве видеозаписи.

Мало того, что в любой момент можно остановить эту говорящую голову. Еще нужно заставить себя сидеть и слушать! Рядом нет людей, с которыми тут же можно поделиться впечатлениями, короче говоря, скучно. Сколько бы мне ни рассказывали, что online-образование перспективно...

Е.М.: Я тоже в него не верю.

С.Ф.: Это хорошее дополнение, но не более. Кроме того, мы должны понимать, что разные по психотипам люди учатся по-разному. Кто-то лучше воспринимает материал, читая, кто-то — со слуха. Есть интересная технология — flip-класс (перевернутый класс). Если согласно традиционной схеме мы сначала воспринимаем материал во время лекции, а затем читаем

учебник и выполняем задания для самостоятельной работы, то перевернутый класс устроен наоборот. Всю теорию нужно изучить по книгам, а потом прийти в класс, чтобы поупражняться и обсудить изученное. При таком подходе возникает две проблемы. Первая: все существующие учебники написаны для традиционной системы образования. Предполагается, что прежде чем человек начнет читать учебник, ему расскажут какие-то вводные вещи, базовые понятия введут. А если использовать flip-класс, учебник нужно переписать, понимая, что человек с этими понятиями будет в первый раз сталкиваться. Второе — это проблема вычленения знаний из книг.

Есть люди, которые лучше воспринимают все на слух, есть визуалы, которым нужны слайды, иллюстрации. И насколько flip-класс будет эффективен для таких людей, тоже не очень понятно.

С другой стороны, мне эта идея очень нравится. Она позволяет сэкономить море времени, не рассказывая какие-то совсем уж простые вещи, которые можно просто прочитать. Но с другой стороны, преподаватель должен быть уверен, что все прочли, иначе непонятно, как проводить занятия.

Е.М.: Даже если два человека начали задавать вопросы, структура урока может быть нарушена.

С.Ф.: Спектр образовательных возможностей будет расти в том числе благодаря технологиям, и это хорошо. Но живой преподаватель не умрет, я в свою профессию свято верю.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК УСЛУГА

Е.М.: На мой взгляд, за пределами высшей школы проводится не очень большое количество мероприятий, которые были бы действительно практически полезными. Мне хватит пальцев на одной руке, чтобы озвучить полезные события по темам менеджмента и командообразования. Я говорю о том, что выходит за рамки высшего образования и доступно за определенную цену всем желающим. При этом есть большое количество псевдоэкспертов — сейчас только ленивый не пишет в блоги. Качество образования, которое они несут в массы, весьма сомнительное

С.Ф.: Я ленивый, у меня нет блога.

Е.М.: Я тоже не пишу, но читаю огромное количество текстов. А обучающие двух-трехдневные практикумы, как правило, коммерциализированы: компании-спонсоры оплачивают определенные темы, и люди, покупая билеты, не получают за это качественных, всесторонних, структурированных знаний. Это огорчает. С другой стороны, есть большое количество разрозненной информации в интернете — например, online-курсы, их очень много по различным специализациям. Я иногда занимаюсь их мониторингом, если они кажутся интересными, мы их приобретаем. С начала 2019 года стали появляться очень качественные, хорошие статьи, которые отвечают моей идеологии и принципам моей компании. В итоге, мне кажется, образование станет услугой, которая должна давать результаты. Человек покупает услугу. Даже высшее образование должно перерасти в разряд услуги, которую ты купил и должен гарантированно получить результат.

С.Ф.: В такой постановке вопроса это невозможно. Я могу быть совершенно гениальным преподавателем, но

если человек приходит с позицией «я заплатил деньги, и вы мне, пожалуйста, что-то дайте, но я напрягаться не хочу», то ничего не выйдет. У нас была такая слушательница на программе МВА. Она приходила и ничего не делала. Я спрашиваю: «Почему вы ничего не делаете?» Она отвечает: «Я так на работе устаю, что еще и здесь напрягаться — это не для меня. Я говорю: «Тогда эта программа не для вас». И мы ее отчислили. В образовании всякий результат — это дорога с двусторонним движением. Это дорога учащихся и учителей, и они должны где-то найти общую точку. И гарантированно это невозможно даже при самых лучших учителях. Нужны усилия с обеих сторон.

Нехорошо, может, приводить героический пример про себя, но я заканчивал педагогический институт, физфак. Я стал доктором физико-математических наук, известным историком науки, я был квалифицированным экспериментатором, никогда не комплексовал, встречаясь с выпускниками МФТИ, МИФИ, МГУ. Почему? Я учился для себя. К началу сессии у меня все экзамены были давно сданы, и я это время использовал для работы в исследовательской лаборатории. Я всегда был не просто готов к экзамену, а знал по любой дисциплине гораздо больше, чем требовала программа. И я не понимаю, почему люди так не могут учиться сами.

Е.М.: Зачем тогда вуз?

С.Ф.: Вуз направляет. Учителя могут что-то посоветовать, могут помочь выбрать книгу. Рядом со мной в годы учебы было двое приятелей, мы до сих пор работаем вместе: один из них преподает, а вторая стала менеджером у меня в школе. Уже 50 лет мы с ними общаемся. Мы всегда могли что-то обсудить, поспорить. Среда нужна. В одиночку учиться не очень продуктивно.

Е.М.: И не всем подвластно, наверное.

С.Ф.: И не всем подвластно. И потом, люди же смотрят на вещи с разных сторон, и это очень ценно. Какие-то вопросы тебе в голову не приходят, их задают другие. Эта среда необходима, очень нужна. Поэтому я думаю, что из-за того, что спектр возможностей в образовании будет расти, индивидуальная ответственность обучающегося тоже будет нарастать. Какую методику вы выберете, чему вы будете учиться? И вопрос об автоматизации труда очень правильный. Люди будут задумываться о том, какую специальность нужно получить, чем нужно заниматься, чтобы тебя за время твоей жизни машины не вытеснили.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФОРМА ПОСТОЯННОГО РАЗВИТИЯ

С.Ф.: Люди, которые будут слишком заужать свои компетенции, которые будут говорить: вот художественная литература мне не нужна, потому что я технарь, меня интересует только мое направление, — такие люди не будут востребованы. Если не будешь развиваться духовно, то через некоторое время будешь никому не нужен.

Е.М.: Мозг нужно тренировать разносторонне.

С.Ф.: И нужны разные формы познания — интуитивная, аналитическая, а их развивают разные учебные дисциплины. Поэтому отказ от любой дисциплины и ранняя специализация — я называю это прагматизацией образования — даром не проходят и будут вызывать тревожность в будущем, потому что если я шел по одному каналу и он стал невостребованным, то у меня нету навыков, чтобы перейти в другую область. В матшколе, которую я оканчивал, одной из лучших в стране, все предметы были на очень высоком уровне, даже гуманитарные. Поэтому я в 40 лет из физики перешел в социологию, в менеджмент и с тех пор занимался

только гуманитарными вещами, никаких формул не пишу уже много лет. У меня это получается, потому что меня этому научили в школе еще тогда, и у нас не было прагматизации, хотя школа была физико-математической.

Е.М.: Абсолютно с этим согласна. Я училась по направлению «прикладная математика и информатика». За пять лет обучения у нас были разные дисциплины. Например, нам преподавали целый семестр историю белого движения. Не очень понятно, зачем она была нужна на ПММ на 3 курсе, но она была. И я вспоминаю об этом, когда меня спрашивают, почему после ПММ кто-то отлично работает, а кто-то не может устроиться даже продавцом в магазин, закончив обучение с хорошими оценками.

Главное, чему я научилась в университете, это умение принимать решения и находить способы справиться с проблемами.

Например, ты не знаешь, как решить дифференциальное уравнение. Ходишь 8 раз на зачет. Думаешь: как бы решить эту задачу проще? Начинаешь сокращать свой путь. И понимаешь: ага, мне нужно подойти к этому мальчику, с ним о чем-то поговорить, попросить, чтобы он мне объяснил. Он мне объясняет, я иду и сдаю. Или были моменты, когда мы приходили, например, повесить картины в музее, и за это тоже ставили какие-то зачеты. Ты не очень силен в какой-то области, например, не очень хорошо разбираешься в преобразовании Радона в банаховом пространстве, но при этом преподаватель, который тебе читает, прекрасный человек, и вы с ним находите общий язык, ты ходишь на все лекции, у тебя где-то что-то откладывается. Ты думаешь: где

вообще это может в жизни пригодиться? А потом приходишь через 5-6 лет на какой-нибудь форум об открытых инновациях и видишь, что уже есть технологии, созданные на основе теоретической части, которую тебе преподавали. И понимаешь: ценность действительно есть. Это возможность мыслить широко, а не в рамках каких-то конкретных алгоритмов: решил тест, получил оценку.

С.Ф.: Пример с историей белого движения отличный. Она заставляет тебя задуматься о том, почему, что и как происходит, какова роль личности в истории, какова роль масс. Ты живешь в мире и не можешь быть свободен от общества. Эти знания дают возможность потом взаимодействовать с людьми. Вот Лена стала гендиректором, ей с людьми приходится взаимодействовать, поэтому это необходимый универсальный навык. Конечно, бывают такие, как Григорий Перельман, доказавший гипотезу Пуанкаре. Но он социальный аутист в этом смысле. Гений — это болезнь. Все не могут быть гениями.

У меня был великий учитель — Анатолий Александрович Яковсон. Он был и диссидентом, и критиком, и поэтом, и переводчиком. Когда мы учились в 8 классе, он пришел к нам на замену, урока не было, и разговор пошел за жизнь. Я от него услышал мысль, которая меня поразила. Он сказал: «Ребята, имейте в виду: мы — учителя ваши, родители — можем только вам в чем-то помочь. Но кем вы станете в будущем, целиком зависит от вас». Мне было лет 14, я это запомнил на всю жизнь и всегда следовал этому принципу.

LIFE LONG LEARNING

М.С.: Каково место «Репного» в образовании будущего?

С.Ф.: Есть понятие Life Long Learning — образование на протяжении всей жизни, на которое мы все обре-

Сергей Филонович

О роли искусства в формировании лидера

О психологических проблемах восприятия изменений

О теории множественного интеллекта

Об образовании и культуре

чен. Есть школа, есть университет, и должна быть масса разных учреждений послевузовского образования, которые будут работать с взрослыми и пожилыми людьми. Вы мне сегодня рассказывали, что возраст приходящих на собеседования в «Репное» растет. Люди уже осознали, что такое Life Long Learning. Поколение Z, как говорят биологи и медики сейчас, будет жить до 100 лет. Это означает, что люди уже не будут в 60 лет уходить на пенсию. Вы меня простите, 40 лет коптить небо, чем заниматься?

Возникнут школы, которые будут работать с людьми нынешнего пенсионного возраста. Переучивать людей в 65, в 60 лет, потому что им нужно будет оставаться при деле, но заниматься тем, чем занимались до этого, будет, может быть, скучно, может быть, уже невозможно по каким-то физическим причинам. Поэтому еще раз говорю: такие школы, как «Репное», в самых разных вариантах должны будут существовать. Может быть, и профиль «Репного» поменяется через некоторое время — расширится, например, потому что есть запрос от все более и более зрелых людей.

Е.М.: Я определенно считаю, что Школа будет существовать. Мне без нее уже достаточно сложно представить свою жизнь. Школа помогает держать мозг в тонусе. Формат ее проведения очень интересен — чередование встреч на абсолютно разные темы, в которых ты можешь быть совсем не профи. Когда мы работаем, ходим в кино и делаем что-то автоматически, мозг почти не работает. Нет активной фазы, не за что зацепиться и пожевать. Когда приходишь на семинар по теме, в которой ты плаваешь априори, начинаешь думать. Мозг тренируется, начинаешь более правильно оценивать реальность. Мне, к примеру, стали понятны какие-то сферы, которые ранее были для меня на уровне научной фантастики.

Уверена, что Школа будет существовать, а формат — уже нюансы. Но мне кажется, что сильной трансформации не произойдет.

Школа будет поступательно развиваться, возможно, станет более масштабной, больше людей захотят пройти программу, поймут, что это не только расширение кругозора и новые контакты.

М.С.: Да, в Школу часто приходят с неопределенными целями. Люди, которые чувствуют то, о чем ты говоришь: что мозг «закостеневаает», и неясно, как его развивать. Но нет такого, что человек говорит: я пришел учиться, чтобы быть более востребованным на рынке труда, потому что я понял, что я IT-шник, но мне необходимы литература и другие направления, чтобы существовать, чтобы развиваться. Нет осознания того, что это необходимость из разряда жизненно важных, а не просто развлечение и разнообразие досуга. В этом смысле мне очень интересно, какой результат может быть для Школы положительным? Как любой проект, она должна иметь результат. Конечно, тут он менее определенный, поскольку, во-первых, нет коммерческой составляющей, во-вторых, он просветительский. Вуз может оценивать свою эффективность по тому, сколько человек и куда трудоустроилось после него, сколько работают по специальности. А эффективность просветительского проекта какова? Как понять — зря или не зря? Ясно, что раз приходят и возвращаются — уже не зря, но все же.

С.Ф.: Я думаю, возвращение людей — это лучший индикатор успеха. Например, в школе, которую я заканчивал, есть примеры последовательного обучения трех поколений подряд. У нас и директор с момента моей

учебы не изменился, ему в прошлом году 90 лет исполнилось. И это рекомендация — желание поступить туда, хороший признак того, что школа продолжает жить и удовлетворять потребности людей. В этом году исполняется 20 лет моей бизнес-школе. Когда исполнялось 10 лет, мы строили празднование в виде цепочки лекций по 4 направлениям: стратегия, маркетинг, финансы и человеческие ресурсы. Каждый из нас в рамках своего направления читал лекции о том, что произошло за последние десять лет в этих сферах. И сейчас мы будем делать то же самое, но уже за последние 20 лет. И это вызвало большой интерес. «Репное» тоже могло бы о чем-то подобном задуматься. Можно использовать метафору, которую Лена предложила: если это услуга, то есть повторные продажи. Что можно предложить людям, которые закончили школу десять лет назад? И тогда «Репное» будет встраиваться в систему Life Long Learning, и тогда у Школы точно есть светлое будущее.

Еще раз говорю: такие школы, как «Репное», в самых разных вариантах должны будут существовать. Может быть, и профиль «Репного» поменяется через некоторое время — расширится, например, потому что есть запрос от все более и более зрелых людей.

2010/11 ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ГОД ✨

Креативность переоценена. Ее в себе можно воспитать. А вот если ты не умеешь самоорганизовываться, не спать по ночам, не поможет никакая креативность.

Константин Мильчин

Учитель должен быть лидером

Анна Щедрина
выпускница Школы «Репное»
2015–2016 просветительского года,
координатор фестиваля детской
и юношеской литературы
«Читай–Болтай» им. С.Я. Маршака.

Константин Мильчин
эксперт Школы «Репное»,
литературный критик

Константин Мильчин

Родился 21.05.1980 в Москве. Окончил историко-филологический факультет Российского государственного гуманитарного университета по специальности «История». В разное время работал обозревателем газеты «Ведомости. Пятница», вёл телепередачу «Переплёт» (канал «Style TV») и постоянную рубрику на радиостанции «Business FM», возглавлял отдел культуры журнала «Русский репортер», вел рубрику «Книги по назначению» на радио «Культура». В 2009 и 2010 годах был приглашённым экспертом, в 2011-м входил в состав жюри литературной премии «НОС», а в 2012 и 2013 годах возглавлял его. Куратор Иркутского международного книжного фестиваля. Член жюри чемпионата по чтению вслух «Открой рот». Куратор литературной премии «Будущее время».

Анна Щедрина

Родилась в старинном и красивом городе Елец. В детстве было очень много увлечений – хотела все попробовать. Но сильнее всего захватывали спортивный туризм, танцевальная аэробика и, конечно же, чтение книг. После школы я поступила Воронежский государственный аграрный университет им. К. Д. Глинки на экономический факультет. Помимо учебы, сразу погрузилась в общественную жизнь. Вошла в редколлегию газеты, прошла кастинг в университетскую команду КВН, актив факультета. Окончив «Репное», мы с сокурсницами открыли проект «Мама делает бизнес», параллельно родился семейный клуб «Репка», а затем большой детский книжный праздник под названием «Читай-Болтай», который мы делаем с 2018 года уже третий раз.

НАСТАВНИКИ

ДОЛЖЕН ЛИ УЧИТЕЛЬ МЕНЯТЬСЯ ВСЛЕД ЗА УЧЕНИКОМ? БЕЗУСЛОВНО. НО КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ СЕГОДНЯ УЧИТЕЛЬ, КОГДА И ДЛЯ ЧЕГО ОН ОСОБЕННО НУЖЕН? В КАКИЕ МОМЕНТЫ УЧИТЕЛЬ СТАНОВИТСЯ НАСТАВНИКОМ, И В ЧЕМ ЗДЕСЬ МОЖЕТ ЗАКЛЮЧАТЬСЯ ОПАСНОСТЬ? ОБ ЭТОМ В РАМКАХ ЮБИЛЕЙНОГО ЦИКЛА БЕСЕД ФОРМАТА «ЭКСПЕРТ – ВЫПУСКНИК» «РЕПНОГО» ПОГОВОРИЛИ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК КОНСТАНТИН МИЛЬЧИН И ОРГАНИЗАТОР ВОРОНЕЖСКОГО КНИЖНОГО ФЕСТИВАЛЯ «ЧИТАЙ-БОЛТАЙ» АННА ЩЕДРИНА. ПОМИМО ПРОЧЕГО СОБЕСЕДНИКИ ВЫЯСНИЛИ, ЧЕМ УЧАСТНИКИ КНИЖНОГО ФЕСТИВАЛЯ ПОХОЖИ НА БАЙКЕРОВ ИЛИ ОРГАНИЗАТОРОВ ТОТАЛЬНОГО ДИКТАНТА, А ТАКЖЕ ОБСУДИЛИ ТО И ТЕХ, КТО ВДОХНОВЛЯЛ ИХ САМИХ – И НЕ ТОЛЬКО НА ФЕСТИВАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

О РОЛИ УЧИТЕЛЯ

Мария Старикова (М.С.): Мне кажется, роль учителя нивелируется как ретранслятора какого-то знания, а роль учителя как наставника, как своего рода проводника наоборот возрастает. В мире, где много информации, нужен путеводный маячок, который будет показывать, что хорошо, что плохо. Согласны с этим?

Константин Мильчин (К.М.): У меня были вполне хорошие учителя в школе — например, по истории и литературе. Но я не могу сказать, что я стал критиком, потому что мне в школе хорошо преподавали литературу, и историком я хотел стать скорее вопреки — я с учительницей истории все время ругался, подозревая ее в худшем знании предмета, чем у меня. Мы все ходили к репетиторам по литературе, которые были университетскими преподавателями. Поэтому к нашей несчастной учительнице литературы, которая закончила педагогический вуз и может быть даже в пределах этого знала предмет, мы относились с глубочайшим презрением: нам-то профессора рассказывают о предмете, а она что нам может дать?

Спустя годы я понимаю, что ничего хорошего в этом не было в плане нас — людей, которые над ней издевались и не ставили ее ни во что. Но тем не менее в плане истории и литературы я не могу сказать, что школа была важна, а вот университет был очень важен. Все равно есть школа, где учитель может заинтересовать детей, но таких не очень много. У Малкольма Гладуэлла, известного канадского мудреца, есть такая теория, что очень повезло детям, которые учились в обычных школах в Нью-Йорке в 30-х годах, потому что их учили те, кто из-за великой депрессии потерял работу в банках, ведомствах. Прекрасные математики, статистики пошли преподавать в школу естественные дисциплины, и отчасти послевоенное преуспевание Америки свя-

зано с тем, что выпускники школ Нью-Йорка учились у очень хороших педагогов. Но это спекулятивная вещь, я не очень понимаю, как все это измерить.

Не знаю, кто это сказал — возможно, Бисмарк: «Франко-прусскую войну выиграла учителя прусской гимназии». Другое дело, что мы до сих пор в рамках нынешнего школьного образования почти везде по-прежнему занимаемся подготовкой фабричных рабочих и рядовых солдат массовых призывных армий. Из девочек готовят домохозяек и младших бухгалтеров, что, прямо скажем, совсем не соответствует тем запросам, которые существуют. Прошла эпоха призывных армий. Даже современный солдат — это специалист довольно узкого профиля: оператор беспилотника, к примеру, стрелок из высокотехнологичной пушки, логист. Что такое современная сфера обслуживания? Это сотрудники колл-центра. Это тоже, конечно, сексизм, но это в основном женская работа.

Анна Щедрина (А.Щ.): Не соглашусь. Я работала в такой компании, в основном, это студенты. И мальчиков, и девочек хватает.

К.М.: В любом случае, современному миру не требуются чернорабочие, а требуются инженеры, которые могут проектировать станки и работать с ними. Этому миру не нужны люди, которые будут бежать стрелковой цепью на окопы соседа. Этому миру не нужны домохозяйки, потому что еду все умеют готовить, ее можно разогреть в микроволновой печи.

Понятно, что работа кузнеца очень востребована, он очень много получает. Но это не тот кузнец, который был 50 лет назад или 2 тысячи лет назад. Точнее, тот, но роль у него другая.

А.Щ.: Если говорить про школьных учителей и наставников, то для меня как мамы первоклассника эта

тема наиболее острая. С большой теплотой вспоминаю свою первую учительницу. Очень хочется, чтобы Ване так же повезло. Речь, конечно, в первую очередь не о знаниях, а об адаптации. И если я сейчас думаю о своих школьных учителях, то вспоминаю не о знаниях (хотя они, безусловно, были), которые они давали мне и моим одноклассникам, а о том добром, что они вложили в наши головы.

Я была тем счастливым ребенком, который очень хотел ходить в школу, это заслуга наших учителей. Даже спустя много лет я помню всех по фамилии, имени, отчеству и не забываю поздравлять с праздниками.

Но как ни странно, главным человеком для меня в этом смысле стал учитель физкультуры, наш классный руководитель Александр Валентинович Петров. В 8 классе от нас отказались все. Наш класс был дружным, но неуправляемым. И туда боялись заходить любые учителя. И вот молодого специалиста послали в эпицентр боевых действий. Он сумел направить нашу энергию в мирное русло, носился с нами круглосуточно, привил правильное отношение к жизни. Он прекрасный человек, мы общаемся до сих пор.

Мы стали увлекаться пешеходным туризмом, ходили в походы, много тренировались. Заразил он нас и своей любовью к КВН. Научить ребенка дружелюбно принимать окружающий мир, видеть в людях хорошее и относиться к любой ситуации с долей юмора — это дорогого стоит. Те, кто рос в 90-е, как никто другой это поймет.

Я думаю, что нужные знания в конечном итоге получают все. Все зависит от самого желания человека.

А вот уметь дружить, иметь правильное представление о жизни. Кто его заложит? Только родители и учителя.

К.М.: Я сейчас скажу, наверное, банальную вещь, но учитель должен быть лидером. 20–30 лет назад это было не обязательно. Сейчас обязательно. Он должен думать, а не знать. Но надо отметить, что то, что можно найти в интернете, не совсем верно, потому что учебник, по которому учит учитель сейчас и по которому учили раньше, он проходит некоторые стадии согласований и проверок. И даже если это ложь, то это ложь, достигнутая определенным общественным консенсусом. То, что в интернете, не прошло даже и такой проверки. И в этом смысле интернет ничего не решает. А учитель должен объяснить, почему в интернете не всегда объективная информация.

УЧИТЕЛЬ НЕ РАВЕН НАСТАВНИКУ

М.С.: В какой момент учитель, преподаватель становится наставником? Когда понимаешь, что этот человек — он твой наставник, что должно произойти?

К.М.: Давайте обратимся к громкому скандалу сексуального характера трехлетней давности в школе № 57. Там тот самый педагог, который спал со своей ученицей, был для нее безусловно наставником с большой буквы. И до сих пор люди, которые проходят по этому делу как жертвы, в него влюблены, включая одну из девушек, которая с ним бежала в другую страну. Но в этом смысле же еще хорошая школа с учителем-наставником имеет очень большую потенцию скатиться к сектантству.

Проблема в том, что именно хорошая школа по сути представляет собой в рамках самопиара. Она активно пропагандируется как некое особенное учебное заведение с особыми отношениями между учениками и учителями, быстро переходит к объяснению ученикам, что

они особенные и отличаются от учеников других школ, и где-то в этом месте довольно стремительно возникают сексуальные отношения между учителем и учеником, групповые насилия, сексуальные обряды и прочее. Как это происходит, не очень понятно, но оно всегда неизбежно. Любая эротизация всегда заканчивается сексуальным скандалом. Так устроен мир. Сегодня ты говоришь, что кто-то лучше остальных, а завтра кто-то кого-то насилует. Секс между учителем и даже совершеннолетним студентом — это не очень законно, потому что они находятся в разных положениях. Эта ситуация всегда несет в себе какую-то манипуляцию, и это неправильно. Но почему-то так происходит.

А.Щ.: Это, конечно, какой-то крайний случай, но ведь может быть, наверное, наставничество и без этой составляющей. А у вас были наставники? Не в вышеуказанном смысле, конечно. Но есть ли в вашей жизни человек, которого вы могли бы так назвать?

К.М.: Если говорить о людях, не считая моей семьи, которые повлияли на мое профессиональное становление, то это, конечно, Александр Феликсович Гаврилов. Это человек, которого я могу считать наставником в профессиональном смысле. Это первый мой главный редактор и мой основной педагог. Если мы называем учителей университетских, то это Игорь Николаевич Данилевский — человек, который научил меня мыслить критически. Научил некоторой правильной гибкости сознания — не в смысле прогибаться, а в смысле смотреть на вещи не очень стандартно, подвергать сомнению устоявшиеся догмы, не впадая в беспощадный оппортунизм. Хотя и Александр Феликсович учил меня примерно тому же.

А.Щ.: Я по образованию экономист, но так сложилось, что не пошла по этому пути. Сначала работала в HR,

а сейчас делаю книжный фестиваль. Но экономическое образование и математическое мышление помогает структурировать многие вещи. Это очень важно в фестивальной работе.

И если говорить про университет, то для меня, наверное, наставником стал профессор, доктор экономических наук, ныне замминистра экономики в Армении Артак Каджикович Камалян. Он в то время учился в США и передавал своим студентам полученный опыт. Необычное ведение лекций, диалог на равных. Он создал независимую факультетскую газету, в которой мне посчастливилось работать. Всегда говорил, что не надо бояться говорить о проблемах. Газета имела большой успех среди студентов и просуществовала более 10 лет. Когда я пришла сдавать экзамен, он спросил: «Зачем ты пришла вообще?» Я отлично знала его предмет, блестяще подготовилась от и до, и мне было бы стыдно, если бы я что-то не знала, стыдно было бы оплошать перед ним.

Еще одним наставником для меня, безусловно, является Ирина Михайловна Карпова, директор Школы «Репное», которая что-то важное рассмотрела во мне. Она самый мой большой мотиватор и источник знаний. Она верила в нашу команду с самого начала, верила, даже когда мы сами не верили. Иногда очень важно просто услышать, что ты сможешь.

О БАЙКЕРАХ И КНИЖНЫХ ФЕСТИВАЛЯХ

М.С.: Константин, Анна, вы оба участвуете в организации книжных фестивалей. Зачем?

К.М.: Для меня это продолжение основной работы. Я рассказываю о книжках, о писателях, литературных трендах, о том, что читать — это круто. Для меня по сути просто меняется формат, и я перехожу на него с бумаги и аудиотреков. Фестиваль чрезвычайно важен, потому

что литература — это искусство с усложненным фидбэком. Отзыв на роман, конечно, всегда существовал в виде того, что писателя избивали на улице или бесплатно поили. Джеффри Чосеру полагался литр вина в день из королевских запасов. Но все равно автору охота поговорить со своими читателями и понять, что их реально волнует. А читателям — спросить: у вас в 38 главе корова написано через «а» — это вы неграмотный или так и должно быть? И услышать ответ: так и должно быть. Это я утрирую. С другой стороны, любой книжный фестиваль — это некоторая правильная имитация единства читателей с писателями, единства писателей и издателей, писателей и писателей и так далее.

Некоторое создание иллюзии единой тусовки очень нужно. Она объединяет фестиваль, позволяет всем собраться в одном месте.

Страна большая. Фестиваль — это возможность для писателей посмотреть страну, понять, как она устроена, познакомиться с читателями в других регионах. А есть же случаи, когда вы делаете фестиваль в Новосибирске, и туда приезжает некоторый писатель, которого очень любит человек из Кургана — и он приезжает туда тоже. Работает то, что скрепляет страну. Это

важно в равной степени и для тех, кто приезжает, и для тех, к кому приезжают.

Книжные фестивали укрепляют нашу страну, делают ее единой, как и любые культурные фестивали. Они помогают налаживанию горизонтальных связей между гражданами. Мне кажется, что одно из самых интересных явлений последних 10 лет — это разного рода

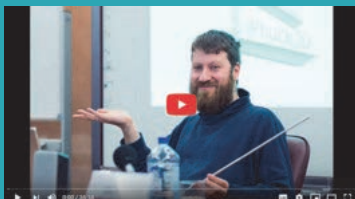
Как рождается книга: фильм
о фестивале «Читай-Болтай»

Константин Мильчин
О неординарных учителях

О литературных трендах

О тенденциях в литературе

новые типы странных ассоциаций. Это, например, организаторы тотального диктанта.

А.Ш.: Или «Открой рот!» (чемпионат по чтению вслух, в котором непосредственное участие принимает Константин Мильчин. — Прим. ред.)?

К.М.: Да, это еще более яркий пример. И в итоге когда организатор тотального диктанта из Тамбова оказывается в Братске, к примеру, местный представитель тотального диктанта обязательно поводит его по городу и, возможно, тамбовский гость даже сможет у него остановиться. И так далее. Образуется такая вот странная, нигде не регистрируемая связь граждан с гражданами.

Ту же функцию выполняют игроки в «Что? Где? Когда?» или в «Мафию», волонтеры «Лиза Алерт», байкеры. Это люди, которые водят мотоциклы и помогают друг другу, когда кто-то попадает в беду. У кого-то ломается машина, кто-то хочет остановиться в городе или не знает, где перекусить.

Это в разной степени существовало в России царской, но там оно было разделено очень сложным иерархическим сословным устройством государства, в советское время было заменено на спущенные сверху организации, которые работали, как и положено организациям, которые спущены сверху. А теперь их заменили другие, добровольные. Что может быть смешнее, чем организаторы откровенно шутовского чемпионата тех, кто читает вслух? Но на самом деле они тоже скрепляют страну и информируют одни регионы о проблемах других. Мне кажется, что это очень хорошо.

А.Ш.: Для меня очень важно, чтобы ребенок рос в просвещенном обществе, я сама люблю читать, важно, чтобы и он полюбил. Работая над фестивалем, думаешь в первую очередь о том, как заинтересовать

детей и рассказать об увлекательном книжном мире. Хочется возродить традиции семейного чтения.

Хочется рассказать о хороших современных авторах, показать последние книжные новинки, создать уютную, веселую, познавательную атмосферу.

Также меня сильно беспокоит погружение людей в виртуальный мир. Фестиваль — это возможность вырваться и весело провести время офлайн. Приятно, что сын гордится тем, что делает мама. Всех своих друзей на фестиваль он пригласил заранее, за полгода.

СРЕДА КАК НАСТАВНИК

М.С.: Вернемся к теме наставничества: для детей важны какие-то средовые факторы, может, даже важнее, чем личностные. Может быть, наличие фестиваля важнее, чем хороший учитель литературы?

К.М.: И то, и другое хорошо. Но фестивалей должно быть больше, они должны быть регулярными. Учитель литературы — это обязательно. А на фестиваль мама может притащить, а может и нет. А дети сами на фестиваль не придут, у нас не принято выпускать детей на улицу, хотя опасность сильно преувеличена. Но так устроено, мы боимся выпускать детей во взрослую жизнь. Может быть, и правильно, не знаю. А раньше детей просто оставляли расти — и неплохими выросли в навозе.

М.С.: А вы допускаете, что формат встречи в «Репном» может стать наставническим? Ну что вот вы, приехав раз в год, к примеру...

К.М.: Я человек слишком скромный для этого. Когда меня зовут читать лекции и просят рассказать о своем успехе, мне всегда хочется спросить: «Вы считаете, что я достиг успеха?». Я занимаюсь довольно узкой сферой, о существовании которой не все даже подозревают. Если б я был бы волонтером «Лиза Алерт», то я бы хотел, чтобы все были, как я. Но я не хочу, чтобы кто-то еще был книжным критиком, у нас нет недобора, зачем?

Но если та страстность, с которой я стараюсь рассказывать о книгах, рецензиях или трактовках истории, о которых мне рассказывали мои дорогие педагоги и которые я пытаюсь с меньшей страстностью и криво донести до слушателей Школы, кого-то вдохновит, кто-то загорится к своему делу и ремеслу огнем, я буду

рад. Но не знаю, был ли я на лекциях в «Репном» для этого достаточно красноречив или нет.

Какой можно извлечь урок из меня?
Если 20 лет заниматься одним и тем же,
то через 20 лет ты чего-то немногого
добьешься.

В Тюмени я читал лекции про креативный капитал. И я говорил, что креативность переоценена. Ее в себе можно воспитать. А вот если ты не умеешь самоорганизовываться, не спать по ночам, не поможет никакая креативность. В этом смысле мне кажется, что без каторжного труда ничего не получится. Я не могу сказать, что у меня каторжный труд, я не работаю на домне или в шахте. Но да, были моменты, когда у меня свободное время было один раз в неделю в субботу после 16-00. И так не очень хорошо было жить. И на четырех работах я работал. Еще раз говорю: я не жалею. Я не знал боли, голода, холода, как и абсолютное большинство жителей современных городов. Не хочу изображать из себя какого-то мученика и трудоголика. Но я никогда не расстаюсь с ноутбуком, и то, что я сейчас не работаю, совершенно не означает, что я не должен верстать текст.

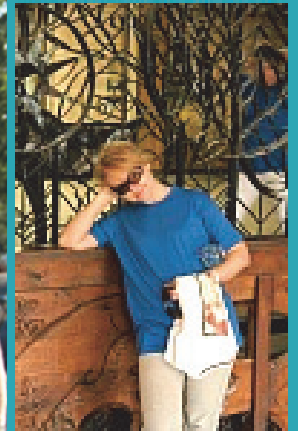
А.Ш.: Для меня Школа «Репное», школьная среда и правда стала наставником, если можно так выразиться. С поступлением в Школу моя жизнь стала круто меняться. Это про то, как экономист/HR может сделать книжный фестиваль. Это вдохновение, в первую очередь. Я бы никогда нигде не послушала тех, кого слушаю здесь. Это расширяет границы, ты начинаешь мыслить по-другому, и это, конечно, приводит к результату. «Репное» для меня — это сообщество единомышленников.

Фестиваль внутри — это и немного о том, как важно уметь мечтать и воплощать мечты, это дружба и взаимовыручка, и да, это иногда не спать, но это и радость от сделанного. Это о том, что если чего-то очень хочешь, то делаешь, не смотря ни на что.

К.М.: В основе все равно лежит ваше трудолюбие, ваша самоорганизация, ваша готовность вкладываться полностью в проект, который любому разумному человеку изначально кажется более чем сомнительным. А от Школы важно, что она вам рассказывает, как еще можно это применить. Но если бы в основе не лежали некоторые ваши умения и навыки, ничего бы не вышло.

Я думаю, что нужные знания в конечном итоге получают все. Все зависит от самого желания человека. А вот уметь дружить, иметь правильное представление о жизни. Кто его заложит? Только родители и учителя.

2011/12 ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ГОД ✨

Время – само по себе тоже схема, может быть устаревшая. В современности нас больше волнует энергия, сила, счастье, чем время.

Ксения Голубович

ЖИЗНЬ МЕЖДУ ПОКОЛЕНИЯМИ

Ксения Голубович
эксперт Школы «Репное»,
кандидат филологических наук,
писатель, переводчик, культуролог,
председатель жюри литературной
премии имени Александра Пятигор-
ского, литературный критик, редак-
тор издательства «Логос»

Мария Старикова
выпускница Школы «Репное»
2015–2016 просветительского года,
кандидат филологических наук,
журналист, заместитель главного
редактора газеты
«Коммерсантъ» в Черноземье

2010-
2020

[к содержанию](#)

Ксения Голубович

Родилась 28.08.1972 в Москве. Окончила филологический факультет Московского государственного университета с красным дипломом. Стажировалась в Кембридже. Специалист по модернизму. Переводчик У.Б. Йейтса, Ч.-С. Пирса, Р. Якобсона и др. Одна из переводчиков и соредатор сборника стихов и прозы Ольги Седаковой «In Praise of Poetry» (США, 2014), вошедшего в long list лучших американских переводов. Автор поэтического сборника «Personae», трэвелога «Сербские притчи», романа «Исполнение желаний» (номинарован на русского Букера). Публиковалась в журналах «Новое литературное обозрение», «Дружба народов», «Октябрь», «Новое время». С 1998 года работает в издательстве интеллектуальной литературы «Логос». Председатель жюри литературной премии имени Александра Пятигорского.

Мария Старикова

Родилась 27.03.1983 в Воронеже. С детства мечтала работать с текстами. Так и вышло: закончила факультет журналистики ВГУ, в 2009 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Историко-типологическое исследование провинциального городского журнала» и ни дня официально не работала не по специальности. Прошла через работу на радио, на телевидении, в журнале, на интернет-портале и в итоге с 2011 года осела в газете «Коммерсантъ» в Черноземье. Работаю там и по сей день, являясь заместителем главного редактора. Школа «Репное» появилась в моей жизни в 2015 году. С 2019 года я присоединилась к проекту, вместе с командой ШЭК занимаюсь ее продвижением. Убедлена, что совмещать просветительские проекты и журналистику не только возможно, но и необходимо.

ПОКОЛЕНИЯ

ЛИТЕРАТУРА – ЭТО ВЫИГРАННОЕ СРАЖЕНИЕ, ПОЛАГАЕТ ПИСАТЕЛЬ И ПЕРЕВОДЧИК КСЕНИЯ ГОЛУБОВИЧ, ПРИ УСЛОВИИ, ЧТО ВРЕМЕННАЯ ШКАЛА ДВИЖЕТСЯ ОДНОВРЕМЕННО И В ПРОШЛОЕ, И В БУДУЩЕЕ, А НА ИХ ПЕРЕСЕЧЕНИИ МОЛОДОСТЬ ПОСТОЯННО ВЕДЕТ БОРЬБУ СО СТАРОСТЬЮ, А АВАНГАРДНОЕ – С ТРАДИЦИОННЫМ. ВСЮ ЖИЗНЬ МЫ ОБУЧАЕМСЯ ПРАВИЛЬНО ПОНИМАТЬ ДРУГ ДРУГА И СЛЫШАТЬ ТО, ЧТО СКРЫВАЕТСЯ ЗА СЛОВАМИ. ЭТО СЛОЖНЫЙ ПУТЬ, НО ПОСТЕПЕННО ОН ПРИБЛИЖАЕТ НАС К ПОНИМАНИЮ ИСТИНЫ – ЕДИНОЙ НА ВСЕ ВРЕМЕНА И СУЩЕСТВУЮЩЕЙ ВО ВСЕХ НИХ ОДНОВРЕМЕННО. ПОДРОБНЕЕ ОБ ЭТОМ – В ОЧЕРЕДНОЙ БЕСЕДЕ ИЗ СЕРИИ «ЭКСПЕРТ – ВЫПУСКНИК», ПОСВЯЩЕННОЙ 10-ЛЕТИЮ ШКОЛЫ «РЕПНОЕ».

Мария Старикова (М.С.): Поколенческие теории начали возникать в XVII–XVIII веке. Сначала их очерчивали просто как некую общность людей одного возраста, потом стало ясно, что для поколения характерен не только возраст, но и какие-то общие черты личности, теории стали трансформироваться в соответствии с этим. В какой-то момент появилась теория Хоува–Штрауса, которая была популярной в 90-е годы — о классификации поколений XX века, вы с ней наверняка знакомы. Мне стало интересно, насколько можно эту классификацию наложить на литературу. Делите ли вы как-то литературу на литературу поколений? Ясно, что условно это всегда можно сделать, ведь каждый человек в любом случае существует в контексте истории как человек своего поколения, но любой писатель — это часто надпоколенческая история, особенно когда речь идет о гениальных писателях, о которых часто говорят, что они опередили свое время, родились не в свою эпоху. Но тем не менее, как вы считаете, эти вещи, которые формируют поколения — х, у, z и другие, — революция, война, сталинские репрессии или распад Советского Союза, разница в отношении ко всему вышеперечисленному у людей из разных поколений, насколько все это сильно влияет на автора, можно ли авторов и литературу по этому критерию делить?

Ксения Голубович (К.Г.): Когда мы говорим о том, что есть разные поколения, мы не должны использовать это как какую-то дразнилку, превращать в парад поколений, где каждый из них идет друг за другом с каким-то своим предметом — 60-к в клешах и с гитарой, 70-к с запрещенной литературой в кармане и туалетными рулонами на шее. Сейчас кругом я вижу моду на 90-е и понимаю, что и моя юность уже беспощадно опредмечена для моих младших братьев, сестер, детей. Однако поколения — это не только про XX век, поколения были всегда, потому что у нас всегда есть зна-

чимая смысловая переменная, которая разносит людей во времени. Но именно потому что все переменные не бессмысленны мы можем продолжать собеседование. Меня до сих пор увлекает идея «путешествия во времени» — чтобы пройдя столько-то смысловых перемен я могла бы, например, собеседовать с людьми прошлого, слышать их, понимать, в чем они «точно такие же». Есть замечательная книга «В 1926 году. На острове времени» Ханса Ульриха Гумбрехта, где он, выбрав произвольную дату «например, 1926», путем точных гуманитарных ходов «восстанавливает» для нас ощущение одного года, после чего оставляет у нас чувство, что это год «все решил», все определил — в том числе и для нас. Мы можем брать его как точку отсчета самих себя. Но и каждый год — таков.

Как-то я попала на выставку костюма XVIII века. Всего 100 лет — и они брали каждые десять лет, наблюдая

смену. Любопытно видеть, как из роскошного, яркого, расписного камзола XVIII века постепенно, изменяясь каждые 5 лет, получается черный фрак. Это происходит по чуть-чуть, и получаешь в конце этого процесса перемены нечто совершенно другое.

Ты понимаешь, что у тебя с одной стороны спектра — старая дворянская сословная и придворная культура. А на другом — костюм независимого человека, который должен сесть на лошадь и поехать куда-то по своим делам. Он не служащий, он не придворный. Но они глубоко связаны... как дед и внук. И если дед служил явно воплощенному «помазаннику», «суверену», и его формальная пышность — это определенный тип разделения королевской славы, то «внук» — тоже служит, но уже чему-то невоплощенному: чести, отечеству, нации. Отсюда и более строгий, абстрактный цвет.

Но и те, и другие «служат», и это надо понимать. И между ними не разрыв, а тонкий переговорный процесс. Особенно если сюда еще добавить концепцию отцов и детей, где отец — стадия отрицания посередине.

М.С.: Да, с ней был связан мой следующий вопрос, Концепция отцов и детей, когда то, что утверждают отцы, дети воспринимают как само собой разумеющееся, а затем уходят в отрицание, отбрасывают то, что утверждают отцы, повторяя то, что утверждали деды. Насколько это существует сегодня в мире? Говорят, что скорость смены поколений увеличивается, становится более частой, чем триада дед-отец-внук.

К.Г.: Конечно, это все схемы, которые мы накладываем на действительность. Время — само по себе тоже схема, может быть устаревшая. В современности нас больше волнует энергия, сила, счастье, чем время. Последняя эпоха, которую время и трагедия бытия волновали всерьез — это модерн.

И все же можно вывести диалектику поколений: мы не согласны с тем, в соответствии с чем мы сами и сформированы, и мы должны это использовать как почву, от которой мы отталкиваемся, шагая в будущее.

Можно сказать, что так вообще работает схема трех времен «прошлое — настоящее — будущее», которые нередко изображаются Стариком — Взрослым — Ребенком.

Когда я была в США, я как-то задала вопрос: а как азиаты, которые стали потом индейцами, дошли до американского континента? И одна из теорий была очень проста. Дед охотился в одном месте. Сын охотился в этом же месте и немного захватывал территорию подальше, куда дед заходил лишь изредка. А внук охотится уже там, где дед не охотился никогда, но что видел издали и примечал. А вот где охотился правнук, тех территорий дед уже и не видел. Так они «проели» всю Азию, перешли через перешеек и оказались вообще на другом континенте. И, наконец, стали индейцами, и поменяли полностью идентичность. Ну и можно предположить, что когда сын своего отца сам становится дедом, то и совершается окончательный разрыв с его отцом, ставшим прадедом.

Это звучит как схема, но эмоционально, экзистенциально это довольно важные вещи для людей. Но в целом я хотела сказать, что в человеке в принципе заложено вот это деление на три и история поколений есть всегда, даже если это будет просто история охоты. А когда мы покинули мир природный, где изменения требуют столетий, и скорости убабываются, когда мы помчались галопом по истории, эти различия контрастней, споры активней, проговоренней, задоку-

ментированной в материальной культуре. И мы еще даже способны отслеживать общий вектор развития, ту самую «цепь времен» на многие поколения вперед — от камзола к фраку и дальше. Шаг за шагом.

ОТЦЫ, ДЕТИ И ВНУКИ

М.С.: Мы и до сих пор так обучаемся. Любой урок построен на шагах, повторении предыдущего и добавлении нового знания, причем существует некая пропорция, некая доля известного знания, необходимая для добавления нового. Любое новое понятие определяется через уже известные.

К.Г.: Да, таково и обучение, и самообучение человека. Ты взял, усвоил — и добавил, взял, усвоил — и добавил. Немного похоже на процесс «усвоения пищи». Быть может, время и устроено так же, как наши системы пищеварения, кровообращения и так далее. Мы же живем в единых условиях.

Мы постоянно обучаемся,
и с периодичностью мы должны
изменять всю сетку своих понятий —
совершать тот самый шаг, который
оторвет нас от предыдущего.

Но точно так же в нашей жизни обязательно возникает точка, на которой неожиданно время размыкается, и ты способен, разговаривая с пожилым человеком, понять, что это тоже ты. Ты говоришь сам с собой. Ты способен услышать голос, который тебе отвечает — на другом поколенческом жаргоне, в другой сетке понятий, но о чем-то «том же самом», что и всегда», потому что сама схема не меняется, сам опыт — в основе про то же

самое. Я повторяюсь, если говорить о схеме поколений, то в идеале она раскручивается и вперед, и назад. Мне всегда это было интересно, быть может, потому что меня воспитывали очень пожилые люди, а окружали молодые. Меня воспитывала прабабушка 1902 года рождения. А моя сестра младшая — 1990 года рождения, а мой сын — 2010 года рождения. В сущности, у меня на руках — целый век. В моем единичном опыте. И это большой дар, потому что нас снаряжают не на исключительно юность и молодость, нас снаряжают на весь путь — вплоть до смерти, когда сам ты станешь «предком», уйдешь к «праотцам» и «праматерям». И когда ты пересечешь порог, за которым они были абсолютно чуждыми, ты приблизишься к тому возрасту, в котором с тобой уже разговаривали, но ты был слишком юным, чтобы понимать их. Поэтому для меня история поколений довольно загадочна, она работает в несколько слоев, и мне очень интересно ее исследовать, как ученому интересно распутывать геном или устройство вселенной. В архаических культурах, например, предки всегда знают больше, чем мы. То, что позади, там всегда больше, выше, сложнее, божественней, чем то, что впереди. А у прогрессивистов наоборот: то, что впереди, больше, чем то, что позади, потому что «впереди» человечество уже подступится к научному достиже-

Если говорить о схеме поколений,
то в идеале она раскручивается
и вперед, и назад.

нию бессмертия, победы над болезнями и страданием. Однако после взрыва атомной бомбы и всех тоталитаризмов, использовавших понятие «светлого будущего», мы уже не можем считать, что схема прогрессивистов единственная. Гегелевская «спираль», когда все повторяется, но не по кругу, а в развитии, соседствует со старой циклической схемой язычества и даже с христианской схемой чистой временной стрелы, устремленной в будущее, к последним дням апокалипсиса.

Может быть, мы придумаем что-то
еще — особенно в свете того, что сей-
час люди живут больше, сейчас другая
медицина, другие технологии.

И, может быть, сейчас у нас история поколений тоже модифицируется, мы выйдем на какой-то другой скачок, когда это будет по-другому, когда мы начнем слышать, что нам говорят, и в том числе прошлое.

М.С.: Меня всегда очень захватывала эта история — как слова становятся смыслом, как происходит этот процесс инкрустации чужого слова в твое сознание, а затем — постепенной ассимиляции с твоей картиной мира. Когда вы говорите про «слышать, что нам говорят», я всегда вспоминаю понятия, которые окружают нас в жизни, с которыми постоянно сталкиваешься, но далеко не сразу понимаешь все, что в них заложено. Самый яркий пример — конечно, перечитывание классики. Но часто нечто подобное происходит и с понятиями. Например, катарсис, очищение через страдание. Может ли 17-летний студент понять, что такое очищение через страдание? Я была старательным студентом и смогла себе довольно четко с логической точки зрения это объяснить, но почувствовала это гораздо позднее.

Ксения Голубович о роли литературы в становлении личности

Писатель Марк Берколайко о литературе и человеческом капитале, часть 1

Писатель Марк Берколайко о литературе и человеческом капитале, часть 2

Филолог Леонид Клейн о литературной традиции и массовой культуре

Или Максимилиан Волошин с его «Нет радости светлее, чем печаль»: почему вдруг печаль — это радость? В этом смысле «Репное» стало для меня местом, где можно заново что-то перепонять — и из прошлого, и из представления о будущем. В одиночку это бывает довольно сложно сделать.

К.Г.: Вы говорите о «поэтическом смысле», который всегда есть умение думать «опущенными звеньями». Можно сказать, что поэтический способ мышления — это опускание объяснений, связей, это, в рамках нашего разговора, прыжок через многие поколения — невероятный перелет. Настоящая поэтическая мысль таит в себе невероятную энергию — не шаг за шагом, а раз — и вокруг всего земного шара обогнуть. Поэтому, повторюсь, современное человечество и начинает заниматься скорее энергиями, чем временными триадами. И надо сказать, что старые культуры отлично понимали важнейшую роль поэзии — там ее изучали императоры и воины.

Уметь мыслить поэтически — это то же самое, что владеть стратегией больших войн или проектов. Это иные скорости и порядки рассуждения.

И меня тоже, как и вас, это завораживает и волнует. Поэзия внушает волнение. Как любовная встреча, ведь любовь — всегда рывок в неизвестное. Например, мандельштамовское «сестры тяжесть и нежность», просто до слез. Здесь что-то такое говорится, что если понять... то получишь доступ ко многим процессам жизни. Что касается Волошина, то мысль его не самая скоростная. Поэты тоже ведь различаются «силой». Но она безусловно поэтическая. Если бы вы спросили меня,

что «значит» эта тревожащая нас, вызывающая волнение фраза, то я бы сказала, что во первых, она заставляет нас совершить путешествие. Мы уходим от обычного равенства «радость=хорошо», «печаль=плохо». Мы минуем переворот этих понятий «радость=плохо», «печаль=хорошо», потому что тогда мы тоньше наблюдаем процессы времени, скоротечность жизни, мы милосерднее. И переходим к тому, чтобы сказать «нет радости светлее, чем печаль», что означает последнюю третью встречу — а именно принятие. Радость, ставшая прозрачной, очищенной печалью, когда мы можем принять утрату, можем простить и наполниться благодарностью за то, что нечто случилось, нечто было в нашей жизни, о чем мы можем печалиться. Иначе бы и не печалились. Если хотите, «понятие» прошло три стадии «дед-сын-внук», эта фраза — «внук» самой себя. Говорят — таковы же и три стадии горевания. Волошин умеет мыслить «фразами-внуками», а Мандельштам... ну не знаю, может, он и нас обгоняет, он придумывает столько «оборотов», что уводит далеко. Цветаева говорила: «Поэт издаেকে заводит речь, поэта далеко заводит речь».

М.С.: Я совсем недавно прочла «Лавра» Евгения Водолазкина, и у меня сейчас все, что вы говорите о поколениях, очень перекликается с этим произведением.

К.Г.: Да, мне знакома та структура, с которой пытается работать Водолазкин. Он это тоже чувствует, и мне кажется, что он чувствует еще особенный вызов нашего времени, который характеризуется «полихроничностью». Это термин Гумбрехта. У нас в общем есть, с одной стороны, время прогресса, но поскольку это время в кризисе, мы и не можем отбросить прошлое, а вернее все те многие прошлые, которые мы оставили за собой. У этого есть и позитивное наполнение. Сейчас как никогда раньше мы чувствуем, что

по пути мы все время отсекаем какие-то возможности, чтобы двигаться вперед. Мы не слышим их. А может быть, эти возможности, которые мы отсекали, окажутся важными, и мы к этому вернемся на другом этапе. Как неожиданным образом оказывается востребованным какой-то композитор, который ранее перестал быть интересен. Он не в потоке. Он ничего не говорит. И вдруг приходит новое поколение и уверяет, что всю систему надо ломать: а то, что вам кажется таким тяжеловесным, странным, слишком громоздким — вы просто не слышали, что это на самом деле. И мы начинаем вдруг заново слушать Державина или Джона Донна.

ЛИТЕРАТУРА КАК ИСКУССТВО СЛЫШАТЬ

К.Г.: Меня очень волнует, что всегда есть возможность замкнуть линию в круг и получить шар времени, когда ни будущего, ни прошлого нет, а все в каком-то смысле одновременно. Все эти голоса одновременно, вся эта боль одновременно, весь этот диалог одновременно. Этот диалог очень сложный — с тем, почему так или иначе сложилась жизнь, что смогли, чего не смогли. Почему шла война, почему заключали мир. Ведь и война, и мир тоже заложены в эту схему.

В одном поколении один почувствовал игру смысловых перемен и говорит: оно сейчас здесь. А другой сказал: нет, дальше это уже не здесь, это уже в другом месте, и мы сейчас будем об этом говорить по-другому.

Вы замечали, например, что предки в нашем понятии — уже проигравшие? У нас есть военная схема времени: мы — выигравшие, потому что мы живы, а они — проигравшие, потому что уже умерли, поэтому они неправы. Я — молодой, а ты — старый, поэтому я прав, я же могу больше, у меня больше есть, ты умрешь раньше меня. Это такое состязание богатства и бедности в своем роде. Это тоже заложено в схему поколений. Как и обратное течение мысли — накопления, наследования, жертвы. И однажды ты понимаешь, что это тоже есть, что ты интерпретируешь чужую жизнь, которая как бы почти прошла, но на собственном языке, — например, языке отрицания — а потом на каком-то моменте осознаешь, что ты неправильно все расставлял, она вообще была не об этом. А следом понимаешь, что и твоя жизнь — это не то, что ты когда-то в ней увидел. Сместился фокус, и поменялись все смыслы. И вот эта постоянная настройка друг на друга, это развитие смысла — они важны и в мире живых, и в мире мертвых, и с ушедшими, и с грядущими.

М.С.: И в литературе в том числе.

К.Г.: И в литературе. Что такое литератор? Он пытается показать нам ту книгу, которая пишется «шумом поколений». Ту музыку, которая так играет. Плохой поэт скажет, что он говорит сам. А хороший — он как будто бы слышит то, что уже говорится. В Индии поэта называли кави — ощущающий практически на нюх, как ищейка. Ищейка не сама производит свою добычу, она просто знает, где добыча есть, а где ее нету. В одном поколении один почувствовал игру смысловых перемен и говорит: оно сейчас здесь. А другой сказал: нет, дальше это уже не здесь, это уже в другом месте, и мы сейчас будем об этом говорить по-другому. Игра состоит в том, что никогда нет окончательной победы и нет окончательного поражения. Никто не написал финальную книгу — кроме Библии разве что...

М.С.: А если ты не услышал, не отгадал, то это — плохая книга?

К.Г.: Это то, что не удалось. Но в неудачной книге может быть заложено то, что ты неправильно понял игру, в которую тебе предлагают играть. И в этой неудаче есть продуктивность, ее не надо бояться. Может быть, ты не смог сыграть именно потому, что почувствовал новое, но ты должен узнать ту новую задачу, с которой старые средства не справляются, к которой не подходят.

У меня есть любимая китайская сказка о студенте, который должен был научиться искусству письма. Он заперся в хижине и пробует писать, как писали классические поэты. И вдруг он стал замечать, что к нему приходит лиса и чернилами все заляпывает. Студент пожаловался другу. Друг приехал, посмотрел и говорит: слушай, ты должен этой лисе ставить курицу, потому что то, что она оставляет, это самое лучшее, что ты написал, все остальное вообще можно выкинуть. И тот действительно стал оставлять ей курицу. И через какое-то время он стал ведущим студентом, потому что она его обучала видеть, что у него получается. Но человек же неблагодарен. И однажды он подумал: вдруг она неправа? Может быть, это просто лиса. И он решил переписать стихотворение известного поэта. И утром увидел, что оно все заляпано. И подумал: ну это какая-то глупая лиса. Перестал ей ставить курицу и в итоге скатился вниз.

М.С.: И о чем это для вас?

К.Г.: Вопрос в том, где искать смысл. В какой-то степени ты должен его придумать, потому что такая притча — она о том, где наиболее продуктивное смысловое место. Можно свести к морали, а мораль у басни такова, что человек должен проявлять благодарность. Но это неинтересный смысл, он меньше, чем сама

басня, мы понимаем, что басня метафорична и широка и ничего нам о лисе не говорит. Она-то чего хотела? Она что, просто рассердилась, это месть? Мечь — это всегда очень маленький смысл. Мечь — это там взяли, здесь прихлопнули, она не работает. А если это не месть, если это обучение? А о чем обучение? А о том, что повторить ничего нельзя.

Что если ты сейчас перепишешь,
как Пушкин, то это не будет Пушкин,
это не будет то событие,
которое создавало Пушкина.

То же самое будет каждый раз в другом месте. И если говорить о природе поколения в разряде Толкиена, в разряде фантазийном, то мы можем говорить о том, что исторические поколения обсуждают между собой. Например, что обсуждало поколение авангардистов и что потом произошло с ними в 30-е, что случилось дальше, как было создано то поколение, которое делало соцреализм, и через что они его делали. В прошлом году мы с моей подругой преподавали вместе у студентов и водили их по музеям по 5–7 часов, объясняя советские годы и вообще все столетие российской жизни с 1900 до 2000 года отрезками по 5 лет. Что происходило через каждые 5 лет, через что они проходили. И мы пытались искать язык и говорить об этих изменениях, которые были и трагичные, и тревожные, и о том, что происходило в государстве в этот момент.

Если выходить в более глубокие вещи, то история поколений — это история поиска того, что мы всегда ищем. И никогда нельзя сказать, что оно только в той найденной форме, в которой это было сделано 200 лет назад, как классика. Если ты повторишь этот жест, то ты его абсолютно спарфанировал.

М.С.: Здесь, наверное, и нет критерия. Можно не почувствовать ничего в музее ван Гога, а потом выйти, пройти мимо лужи и увидеть отражение в ней этого музея и что-то почувствовать. И восхититься этим гораздо больше, чем «Подсолнухами», которые ты очень хотел увидеть, о которых ты много прочитал, со всех ракурсов зашел.

К.Г.: Здесь еще вопрос, насколько мы сами имитируем свой собственный опыт. И нужно ли нам в этот момент видеть «Подсолнухи», может быть, нам в этот момент нужна была лужа. Об этом как раз Бренер сказал, когда он нарисовал доллар на Малевиче (4 января 1997 российский художник Александр Бренер получил мировую известность, нарисовав зеленой краской из баллончика знак доллара на оригинале картины Казимира Малевича «Супрематизм», хранящейся в голландском музее современного искусства Stedelijk. — Прим. ред.): что, может быть, само выставление «Подсолнухов» в музее имитирует и убирает сами эти подсолнухи. Это довольно старая история об отсутствии и присутствии подлинного начала. Мне кажется, что это как раз вопрос обучения быть наедине с самим собой. Вот покажут тебе «Мону Лизу» — и ты там ничего не увидишь, потому что смотришь в школьный учебник. Интересно, что в ней видят китайцы. Вот видишь китайца, который смотрит на «Мону Лизу», и ты думаешь, что он на нее смотрит просто потому, что ему ее тиражируют везде. А на самом деле Леонардо да Винчи, как мне объясняли потом, работал методом лессировки. Он накладывал краску слоями. Достигнуть того, чтобы эти слои ложились ровно и выходили все вместе на общий результат, на то самое загадочное, дышащее изнутри лицо, которое все в тенях, и оно все движется, — это невероятно тонкий математический расчет: как слой должен ложиться на другой, под каким углом. А там слоев — не помню, ну, допу-

стим, 20. И китайцы это видят — и они обучаются. Как только ты перестаешь обучаться на произведении, как только у тебя все касается «понравилось — не понравилось», и ты не обучился ничему, у тебя ничего не включилось, это уже точно знак, что Леонардо ты не видел. Ты перед ним стоял, ты на него смотрел, но ты его не видел.

А научиться можно ведь только очень интересным вещам. Зачем смотреть на Леонардо, если не интересно?

М.С.: Как учиться видеть?

К.Г.: Сначала все будет очень медленно. Затем ты поймешь, что это была не лужа, а то, как улица поднималась вверх, и то, как она заваливается в эту лужу. А затем ты поймешь, что, может быть, ты эту лужу заметил потому, что когда ты уходил от «Подсолнухов», вот эта черная сердцевина подсолнуха как-то на тебя посмотрела. И построишь хотя бы три точки восприятия, на которых будешь удерживать собственную интенсивность. И вот это обучение и работа с собой — и есть то, ради чего. По сути, в производстве искусства надо участвовать, ты не можешь просто потреблять. И когда ты выясняешь причину, по которой тебе не понравилось, ты понимаешь, что у тебя здесь вообще слепое пятно.

ГЛАВНАЯ ИЛЛЮЗИЯ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

К.Г.: Почему все-таки у нас есть шедевры и остаются критерии? Потому что человечество вырабатывает эту школу обучения. Изначально ее создавали элиты. Это были начитанные, подготовленные аристократы, которые собирали коллекции предметов искусства. А мы

просто получаем их. Это одна вещь. В «Прадо» мы доверяем вкусам аристократов, которые очень долго проходили отбор и обучение в рамках своих семей. Исторически мы просто взяли эти коллекции и открыли к ним свободный доступ. Может быть, заставь наших дедов собирать коллекции, они бы не выбрали «Мону Лизу». Но у них в тот момент исторически никто не спрашивал, это было не в их компетенции.

Сейчас мы все получили доступ к возможностям этой прежде закрытой сферы жизни искусства, которая была связана с властью и с тем, что внутри власти как аристократии вырабатывался критерий и на визуальность, и на музыку. А у нас есть исторический шанс тоже всему этому обучаться.

И мне кажется, что это обучение продолжается в других формах. Допустим, если это телевизионный сериал НВО, то его явно делали люди, которые хорошо разбираются в истории искусств. А пишет диалоги профессионально подготовленный писатель. Надо понять, что все люди, которые создают нашу реальность, хорошо обучены. Считать, что там сидит человек, который не знает, что такое «Мона Лиза», это наивно.

Иллюзия массовой культуры – во фразе «ребята, все просто». Нет, это не так.

2012/13 ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ГОД

Это, можно сказать, важнейшая компетенция – быть способным к адаптации, к быстрым изменениям контекста, в том числе за счет образования, за счет отсутствия страха перед этими изменениями.

Игорь Задорин

Счастье ПОЗНАТЬ

Игорь Задорин
эксперт Школы «Репное»,
организатор и руководитель
Исследовательской группы ЦИРКОН,
вице-президент Сообщества про-
фессиональных социологов

Елена Корельская
выпускница Школы «Репное»
2014–2015 просветительского года,
системный аналитик, член оргко-
митета фестиваля детской и юно-
шеской литературы «Читай–Болтай»
им. С.Я. Маршака

Елена Корельская

Родилась в 1980 году в Ленинграде. Считаю его родным и близким, хотя прожила там недолго. Большую часть жизни провела в Воронеже, но родным почувствовала его совсем недавно. Все время моего сознательного возраста меня по-детски очень радует, что я родилась в один день с Пушкиным — 6 июня. Окончила экономический факультет Воронежского госуниверситета. Всегда любила учиться, и школа для меня была светлым, радостным местом. Постоянная тяга к учебе живет во мне до сих пор, сам процесс обучения приносит невероятное удовольствие, дает ощущение праздника. Школа «Репное» позволила переосмыслить и перезапустить себя за время обучения, дала возможность найти таких же сумасшедших, с которыми весело и интересно делать совместные проекты, меняющие жизнь в городе, который я теперь чувствую своим родным.

Игорь Задорин

Родился 6.11.1958 в городе Елец Липецкой области. Окончил факультет управления и прикладной математики МФТИ (1982) и аспирантуру Института социологии РАН (1991, специальность «Социально-политические процессы и управление»). Трудовую деятельность начал в 1982 году с работы в НИИ «Полюс» в должности инженера, затем ведущего инженера. В 1989 вместе с коллегами организовал Исследовательскую группу ЦИРКОН («Центр интеллектуальных ресурсов и кооперации в области общественных наук»), специализирующуюся на социологических исследованиях и политическом консультировании. В ней работает и по сей день. Помимо непосредственной исследовательской работы большое внимание уделяет общественной деятельности по развитию «индустрии прикладной социологии».

ОБЩЕСТВО

«СЧАСТЬЕ В НЕПРЕРЫВНОМ ПОЗНАНИИ НЕИЗВЕСТНОГО И СМЫСЛ ЖИЗНИ В ТОМ ЖЕ», – ПИСАЛИ БРАТЯ СТРУГАЦКИЕ В БЕССМЕРТНОЙ ПОВЕСТИ «ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ». НО ВСЕГДА ЛИ НЕПРЕРЫВНОЕ ПОЗНАНИЕ – ЭТО СЧАСТЬЕ? ПОЧЕМУ НЕ РЕДКО ОБУЧЕНИЕ СЧИТАЮТ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ НЕПРИЯТНОЙ НАГРУЗКОЙ, А СЧАСТЬЕ ПОДСЧИТЫВАЮТ В РУБЛЯХ? И КАК ВООБЩЕ ЕГО ИЗМЕРИТЬ – СЧАСТЬЕ? ОБ ЭТОМ В РАМКАХ ПОСВЯЩЕННОЙ ДЕСЯТИЛЕТИЮ ШКОЛЫ «РЕПНОЕ» СЕРИИ БЕСЕД ФОРМАТА «ЭКСПЕРТ – ВЫПУСКНИК» ПОБЕСЕДОВАЛИ СОЦИОЛОГ ИГОРЬ ЗАДОРИН И СИСТЕМНЫЙ АНАЛИТИК ЕЛЕНА КОРЕЛЬСКАЯ.

СЧАСТЬЕ – ИЛИ БЛАГОПОЛУЧИЕ?

Мария Старикова (М.С.): Есть ощущение, что сегодня люди, становясь более обеспеченными и не находясь на грани выживания, начинают задумываться о качестве жизни, о комфорте, в том числе о психологическом комфорте. Думают не о том, как выжить, а как жить счастливо. Насколько это ощущение коррелирует с социологическими исследованиями? Исследуется ли вообще понятие «счастье»?

Игорь Задорин (И.З.): Первая сложность возникает со смысловым содержанием понятия, в котором есть несколько компонентов, довольно сильно различающихся. Безусловно, есть счастье как сиюминутная, но тем не менее измеряемая эмоция. Им психологи занимаются. Но есть и более рационализированное понимание. Что значит «счастливый человек»? Иногда люди задают друг другу вопрос: «Вы вообще счастливы?» Понятно, что в этом случае речь идет не о сиюминутном, а о более длительном «жизненном» состоянии, и человек наполняет его какими-то смыслами. Сравнительно недавно коллеги из Фонда «Общественное мнение» проводили исследование, в ходе которого людям задавались вопросы о том, что они понимают под словом «счастье», а также о близком по смыслу понятию «благополучие». Счастье — эмоция, а счастье рационализированное оказалось близким к понятию «благополучие», причем по большей части речь шла о материальном благополучии. И тут как раз и появляется то самое разделение представлений именно в зависимости от дефицитности тех или иных компонентов этого счастья.

Елена Корельская (Е.К.): И какой компонент является главным для россиян?

И.З.: Материальный достаток. Почему? Потому что большая часть нашего населения еще не преодолела порог необходимого материального достатка. До 50% наших респондентов наполняют понятие «благополучие» именно так.

Дальше идут составляющие, которые затрагивают физиологию. Здоровье — важный компонент благополучия. А также семья, дети, семейное счастье, семейное благополучие — социальный аспект. Вот три таких важнейших составляющих, которые олицетворяют благополучие для российских граждан. Компоненты, касающиеся постматериалистических ценностей, связанных со счастьем как открытием мира, путешествиями, яркими впечатлениями, достижениями, самоактуализацией, характерны в гораздо меньшей степени. Они по разным оценкам наполняют понятие «счастье» лишь для 10–20% россиян. И тут возникает существенная социальная проблема: в обществе фактически сосуществуют несколько разных подбоществ с очень разной мотивацией своей деятельности и существенно разными представлениями об идеале, и они перестают понимать друг друга. Вот представим довольно частую для нынешних времен ситуацию. Какие-нибудь «постматериалистические» инноваторы-урбанисты приходят с «высоким» пониманием счастья на территорию глубоко депрессивную экономически и встречают реальное сопротивление своим новациям. Уходят разочарованные, говорят: «Тут люди ничего не понимают, темные, мы им про высокие достижения, про самоактуализацию, а они нам про деньги и про работу». Но как раз в этом и состоит правда жизни тех людей, которые не решили для себя материальные проблемы.

М.С.: А это большинство, да? И только около 10% задумываются «о высоком»?

И.З.: Да, если грубо разделить наше российское общество, то 50% взрослого населения находятся еще

на уровне, где не удовлетворены базовые потребности, еще около 30% — в переходном состоянии, и лишь примерно 20% уже в той или иной степени ориентированы на постматериалистические ценности.

По этому поводу очень часто вспоминают, что одним из главных достижений реформаторов 90-х годов XX века были открытые границы. Советский Союз был закрытой страной, а мы его открыли, и это чуть ли не главное достижение — свобода выезда и перемещения. И кто этим воспользовался за эти годы? Оказывается, всего пятая часть населения. Еще пять-шесть лет назад по статистике у нас загранпаспорт был только у 20% населения. Причем не все из них использовали его по назначению. А 80% даже не предполагали такую возможность.

И для кого тогда это счастье, эта открытость мира? Люди не понимают эту открытость как достижение и как компонент этого самого счастья, потому что озабочены другим.

Таким образом возникает проблема переходного состояния общества, когда фактически многие люди живут в некотором смысле в разных исторических эпохах. Есть люди, которым надо решать материальные проблемы, а есть те, кто уже путешествует по миру и думает о «самоактуализации». Или, например, говорят про альтруизм — состояние, когда люди способны не просто достигать чего-то, но и хотят делиться достижениями и ресурсами с другими. Не случайно, кстати, сфера благотворительности в большей степени развита там, где более благоприятное экономическое состояние общества. Естественным образом люди готовы больше отдавать тогда, когда они сами достигли какого-то базового уровня состоятельности, хотя, безусловно, есть и альтруисты, условно говоря, генетические, которые отдают себя людям вне зависимости от своего состояния.

М.С.: А как считается, сколько у нас счастливых людей?

И.З.: Несмотря на разницу понимания, многие социологи все равно подходят к измерению счастья с позиции термометра и измеряют текущее состояние в рамках опросных методик («скажите, пожалуйста, насколько вы счастливы по десятибалльной шкале?»). Мы допускаем, что один и тот же человек в одно время может поставить 9-10, а в другое 1-2, но в данном случае измеряется уровень, то есть доля населения, которая ставит высокие баллы. Это показатель уровня счастья в стране. Существуют международные индексы. Один из них, например, называется Happy planet index: все страны соответственно проиндексированы по уровню счастья. В этот индекс включаются не только опросные данные, то есть не только самооощущения, но и некоторые статистические компоненты: уровень занятости, уровень доходов, состояние безопасности.

Не только субъективные оценки, но и объективные. Удивительным образом по этим индексам впереди всегда оказываются морские страны, причем не обязательно теплые, но обязательно граничащие с морем — например, Норвегия. Россия нигде не находится в топе, хотя за последние годы уровень декларируемого счастья по данным ВЦИОМ вырос.

КАК ДОСТИЧЬ СЧАСТЬЯ

Е.К.: А как-то изучается то, что делают люди, чтобы стать более счастливыми, чем сейчас?

И.З.: Тут мы переходим как раз к важному вопросу про национальную культуру. В социальной психологии есть такое понятие «локус контроля». Отвечая на вопрос «От чего в большей степени зависит ваша жизнь — от вас самих или от некоторых внешних условий и обстоятельств?», человек проявляет либо внутренний, либо внешний «локус контроля». Если человек отвечает, что его жизнь по большей части зависит от него самого, то считается, что у него доминирует внутренний локус контроля, если «от обстоятельств», то внешний. Так вот, на ваш вопрос, что люди делают для счастья, могут ответить, как правило, только те, кто обладает внутренним локусом контроля.

Но в России до последнего времени доминировал внешний локус контроля. Это наша национальная культура. Наши люди больше говорят о том, что их жизнь зависит от внешних обстоятельств, от кого-то другого, и максимум, что они могут сделать, это адаптироваться, приспособиться к этим внешним обстоятельствам, но не изменить их. Это явно не про счастье разговор. До последнего времени

ОТ ПИРАМИДЫ ПОТРЕБНОСТЕЙ К ПИРАМИДЕ ЦЕННОСТЕЙ

лишь порядка 30–35% населения говорили о том, что в большей степени от них зависит их собственная жизнь. И они же прежде всего ориентировались на те же самые материальные достижения.

М.С.: То есть «я стараюсь больше зарабатывать, чтобы стать более счастливым».

И.З.: Это прежде всего. Дальше идут другие компоненты: здоровье и семья. В зависимости от того, на чем больше фокусировка. Понятно, что женщины в большей степени находят себя в семье, для мужчин важнее материальные достижения. Но сейчас это уже выравнивается. И, кстати, доля людей с внутренним локусом контроля заметно выросла.

Е.К.: А если говорить о маршруте достижения счастья: как вы относитесь к тому, что для того, чтобы выйти в люди, и стать соответственно более счастливым, обеспеченным и достойным гражданином, нужно обязательно дать своим детям образование и самому как-то стараться его получить? Как мне кажется, эта ментальная конструкция в русских умах сидит очень давно. То есть, на мой взгляд, образование с давних времен для русских является одним из маршрутов достижения большего благополучия, и, как следствие, более счастливого существования.

И.З.: Образование как фактор успеха существенным образом потеряло вес. Почему? Потому что история последних 20–30 лет показывала всем: для того, чтобы добиться успеха, нужны совсем другие ресурсы — уж точно не высокое и качественное образование. Мы имеем массу примеров того, как человек с достатком совсем не обременен образованием, и наоборот. Образование стало просто необходимым атрибутом, как паспорт. Это просто отражение немаргинальности, а не достижения чего-то.

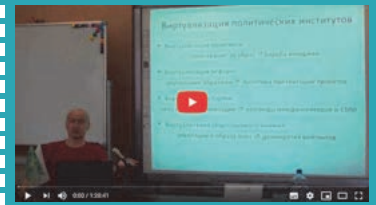
Кстати, некоторые ведущие корпорации (тот же Google) отменили в своих HR-требованиях рассмотрение диплома об образовании. Сейчас это заменяется на тесты на какую-то определенную компетентность. И биография некоторых новых героев современности — творцов IT-индустрии — как раз показывает, что кому-то не помешал достичь успеха тот факт, что его выгнали из университета на третьем курсе. Креативность, талант, способность решать определенные задачи, так называемые метакомпетенции — все это становится более важным, чем специальные профессиональные знания. Я не оцениваю эту тенденцию как позитивную, но такая тенденция есть.

Е.К.: А с чем связано преобладание в нашем обществе людей с внешним локусом контроля?

И.З.: Тут много разных объяснений есть. Одно из них связывает сей факт с нашей национальной чертой — особым отношением к чуду, которое может произойти, отношением к случаю, к везению. Вся наша российская культура, начиная со сказок, постоянно представляет примеры успеха («жизнь удалась»), когда неожиданным образом человеку повезло: встретила говорящая щука

Наши люди больше говорят о том, что их жизнь зависит от внешних обстоятельств, от кого-то другого, и максимум, что они могут сделать, это адаптироваться, приспособиться к этим внешним обстоятельствам, но не изменить их.

Социолог Дмитрий Иванов

О виртуализации общества

О сверхновой экономике

О России-2020

Борис Задорин о социокультурных основаниях единства общества

в проруби, золотая рыбка. Успеху способствуют какие-то чудесные причины, но никак не собственные усилия человека. Далее довольно много объясняется особой православной культурой со всегдашней надеждой на то, что Бог поможет, пошлет что-то. Это очень серьезно влияет на многих людей, в том числе и молодых. Есть понятие «оказаться в нужное время в нужном месте», оно не связано с твоими собственными возможностями — теми самыми компетенциями, над получением которых ты упорно работал. Оно опять же предполагает, что все зависит от везения, Божьего промысла и т.п. Все сегодняшние социологические исследования подтверждают: молодежь у нас относится к выбору сферы приложения своих усилий (работы) принципиально иначе, чем в свое время мы. В наше время молодой

человек сначала выбирал (хотя бы примерно) профессию, а затем вуз, в котором можно научиться этой профессии. Сейчас вуз выбирается вне зависимости от того, кем ты будешь работать. Выбираются престижность, наличие бюджетных мест, комфортность, общение и так далее. А выбор профессии откладывается на поствузовское время.

Молодежь осуществляет своеобразный «серфинг» по жизни, то есть, выходя после вуза, начинает сканировать трудовое пространство, переходя с одного места на другое, очень часто меняя работу, в таком ритме, о котором наше поколение даже не мыслило: полгода поработал там, полгода — там, и это норма. Почему? Потому что в конце концов может повезти так, что вы действительно окажетесь в нужное время в нуж-

ном месте. И поперет! Не от нас самих, а от контекста, от этой самой точки, в которой мы оказались, точки пространства и точки времени. И такой серфинг — это распространенная жизненная стратегия.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК СПОСОБ СТАТЬ СЧАСТЛИВЫМ

Е.К.: Я предполагала, что ощущение счастья важно для человека, который заинтересован в своем интеллектуальном развитии. И для того, чтобы человек с внутренним локусом контроля успевал оставаться хотя бы на существующем уровне самоощущения, благополучия, счастья, ему необходимо развитие. Даже независимо от того, серфит он в пространстве или строит свою карьеру исходя из долгосрочного плана, он в любом случае обязан развиваться. И когда он начинает это делать, особенно в послевузовском возрасте, он будто бы заново открывает радость познания. В 17-летнем возрасте человек шел в вуз скорее всего потому, что родители настояли или так было принято в той среде, где он находился. Послевузовское образование в виде просветительских и иных проектов позволяют человеку раскрыть себя заново и увидеть, насколько шире становится его горизонт восприятия мира, как по-новому он видит уже знакомые, интересные ему вещи, и мне кажется, что это забытое ощущение радости познания сродни детскому восприятию жизни. В первые 7–10 лет своей жизни у человека концентрация счастья зашкаливает, если он живет в хороших семейных условиях и благоприятном окружении, потому что ему все время открывается что-то новое. И взрослые люди, мне кажется, дают себе такую возможность благодаря дополнительному образованию.

И.З.: Только время на получение дополнительного или вообще нового образования появляется прежде всего благодаря тому, что человек может не заботиться

о некоторых других насущных проблемах. Поэтому во многом это стремление к постоянному обучению-развитию сродни «задержанному» детству, в некотором смысле очень похоже на инфантилизм, когда человек все время хочет учиться, но никак не хочет уже применить свои знания в работе, радость познания заменяет ему «трудовые радости».

Если раньше человек получал образование как капитал, который потом конвертировался в трудовые достижения, то сейчас образование зачастую самоцель.

Появилось даже словосочетание «подсел на развитие». Почему человек может себе такое позволить? Потому что уже необязательно конвертировать образование в другие достижения. Это явление так называемого «вечного студента». Бакалавриат закончил, и что дальше? Работать? Да что-то не понятно с работой, пойду-ка в магистратуру. Затем в аспирантуру. Почему? Ради развития, накопления, пополнения, а не потому, что это ступенька в социальном плане. Это очень приятное состояние. Увы, у большинства людей нет возможности заниматься учебой, образованием, саморазвитием, потому что им надо решать насущные проблемы выживания. А часть наших граждан уже может это себе позволить, и они вступают на эту траекторию. Это замечательно, но надо отдавать себе отчет, пропасть между первыми и вторыми увеличивается, и взаимное непонимание в обществе растет.

Е.К.: Я говорила немного о другом аспекте. В существующей парадигме быстрого развития технологий, скоростного изменения нашей реальности человеку,

в том числе тому, который уже работает, необходимо постоянно учиться. Раньше образование могло быть закончено в 22–23 года, и больше к этому можно было не возвращаться, разве что в рамках каких-то курсов повышения квалификации, и то не для всех профессий. А сейчас это просто необходимый атрибут, человек постоянно должен повышать свой уровень компетентности. И эта связка между необходимостью учиться и получением более широкого угла зрения даже на свою профессию, мне кажется, позволяет человеку чувствовать себя, во-первых, востребованным, соответственно и более благополучным, и вследствие этого понимать, что он счастлив.

И.З.: Ну, с этим-то я абсолютно согласен. Более того, допускаю, что отношение к жизни у молодых, связанное с укороченным горизонтом планирования, оно существует в том числе потому, что длинные горизонты сейчас бессмысленны. Зачем нам планировать на десять лет, если мы точно знаем, что за эти десять лет три раза все поменяется? И выбор профессии в этом смысле тоже рискованное дело, потому что сами профессии отмирают, появляются новые. Согласен, во многом стратегия серфинга обоснована, поскольку вызвана быстрыми, ускоренными изменениями контекста.

Это, можно сказать, важнейшая компетенция — быть способным к адаптации, к быстрым изменениям контекста, в том числе за счет образования, за счет отсутствия страха перед этими изменениями. Но есть интересный с точки зрения футурологии, прогнозирования вопрос: очень может быть, что скорость изменений достигла некоторого критического порога, когда столкнулась с ограничениями самой человеческой природы, и человек сейчас начнет сопротивляться этой скорости. Это уже начинает происходить. Возникает протест против новых технологий, появилось понятие информацион-

ного детокса. Я вполне допускаю, что и луддиты новые появятся, и, возможно, скорость технологического прогресса выровняется соразмерно возможностям человека и развитию культуры.

Футурологи говорят про три сценария. Один — радикальный «техно-оптимистический», в соответствии с которым ничего не надо выравнивать, к 2045 году человечество достигнет точки сингулярности, после которой оно перейдет в качественно новое состояние киборгов, культура безнадежно отстанет от технологий, человека в привычном понимании просто уже не будет. Другой прогноз: нет, человеческая природа будет сопротивляться, и движения консервативного толка ограничат этот безудержный технологический прогресс волевым решением и введет его в удобоваримые рамки. Третий вариант «техно-пессимистический», человечество не справится с возрастающей сложностью мира и сбросит эту сложность, погрузившись опять в простоту, наступит эра «новой варваризации».

Но это мы далеко убежали от темы. Я просто хотел сказать, что образование, непрерывное обучение и саморазвитие — прекрасные и, пожалуй, необходимые вещи, но они, очевидно, могут оказаться возможными не для всех. И неравенство, приводящее к конфликтности, может возрастать.

М.С.: Выходит, что люди не только могут быть счастливы от того, что они обучаются, но они могут быть и несчастливы от того, что обстоятельства заставляют их постоянно меняться. Есть кто-то, кому это может сильно не нравиться.

И.З.: Конечно. Развитие — это всегда напряжение. И на индивидуальном уровне, и на уровне общества. С одной стороны — да, развитие — это счастье и радостное ощущение роста, но это тогда, когда оно естественное и свободное, то есть развитие по желанию, скажем так.

А когда тебя каждый день прессуют по поводу того, что ты сейчас отстанешь и выпадешь из контекста, какое же это счастье?

ЛИЧНОЕ СЧАСТЬЕ

М.С.: Лена, а есть ли у тебя личный рецепт счастья?

Е.К.: Для меня очень органичным состояние счастья является, когда я успеваю сочетать разные грани своей жизни в том темпе, который мне комфортен. Когда я успеваю уделять внимание своей семье, детям, когда я успеваю уделять внимание тем занятиям, которые не являются сопутствующими моей профессиональной деятельности. Это спорт, рисование. Когда я успеваю расти в тех направлениях, которые дают мне возможность чувствовать себя востребованным профессионалом, я чувствую себя счастливой. Когда у меня есть время и книги почитать, и попутешествовать, и увидеть что-то новое для себя, то да, я счастлива.

М.С.: Удаётся?

Е.К.: Не всегда, но по большей части это зависит от грамотного расставления приоритетов. Просто я как человек с внутренним локусом контроля понимаю, что я имею возможность расставлять эти приоритеты.

М.С.: Игорь Веняминович, а у вас?

И.З.: Я оттолкнусь не от ощущения счастья, а от ощущения дискомфорта. Когда оно у меня возникает? Оно, как правило, возникает, когда я понимаю, что я не успеваю уделить должное внимание родителям, не успеваю делать то, что хочу, что я вынужден что-то откладывать. Это первое. Это, как мы говорили выше, важно для людей с внутренним локусом контроля,

когда достижение счастья определяется прежде всего собственными усилиями. Но все-таки надо сказать, что и от контекста оно сильно зависит. Я впадаю в глубокую депрессию, когда в стране происходит что-то, что я абсолютно точно могу определить словом «плохо». Конечно, человек в моей профессиональной позиции исследователя мало что может оценивать как однозначно плохое или хорошее. Я, как правило, должен относиться ко всему с позиции внимательного наблюдателя. Но есть некоторые безусловно плохие явления, которые надо стараться предотвратить, например, конфликт и война. Для многих из нас таким событием стал разрыв с Украиной, это несчастье. Возникает чувство безысходности: какой-то мировой процесс, какой-то каток идет, и ты ничего не можешь сделать. И третье, безусловно, это физиология. Здоровье влияет на все. Итого три компонента счастья: личный успех, благоприятный социальный контекст и здоровье.

Е.К.: Я согласна. Как нас учили в школе, «при прочих равных условиях»: да, если все в порядке и спокойно в окружении, то тогда человек способен достичь эмоционального перманентного ощущения благополучия.

Конечно, если что-то происходит вокруг, не совпадающее абсолютно с твоим пониманием ценностей, счастье невозможно.

2013/14 ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ГОД ✨

Культура лежит в основе экономических решений, культура лежит в основе управленческих решений. Даже если управленец сам не является человеком культуры, все равно она во многом определяет его решения.
Александр Архангельский

Регулирование образовательных практик

Александр Архангельский
эксперт Школы «Репное»,
кандидат филологических наук,
профессор факультета коммуникаций,
медиа и дизайна НИУ ВШЭ,
публицист, писатель

Артем Столяров
выпускник Школы «Репное»
2014–2015 просветительского года,
кандидат политических наук,
политолог, руководитель образовательных проектов

Александр Архангельский

Родился 27.04.1962 в Москве. Работать начал еще будучи студентом МГПИ им. Ленина – вел кружки литературного творчества во дворце пионеров, был журналистом на детском радио. Работал редактором в журнале «Дружба народов», научным консультантом «Вопросов философии», стажировался в Бременском университете (1991), Свободном университете Западного Берлина (1994), был приглашенным профессором Женевского университета (1992–1998). Защитил диссертацию по Пушкину (1989). Преподавал историю культуры в российских вузах. Сотрудничал с радио «Свобода». С 1999 по 2008 год работал в газете «Известия». Соучредитель и первый президент Академии русской современной словесности. Автор более 15 книг, нескольких циклов документальных фильмов.

Артем Столяров

Родился 26.04.1991 в Воронеже. С детства увлекался книгами и чтением, «прогуливал» детский сад, сбегая в книжный магазин, где работала моя бабушка. Получил образование на историческом факультета Воронежского государственного университета. В ШЭК «Репное» попал летом 2014 года. Главное, что осталось со мной после обучения в Школе, – росторг и преклонение перед великими умами, вдохновение и новые знакомства, которые очень сильно повлияли на дальнейшую жизнь. Обучение в «Репном» помогло поменять угол зрения на многие вещи, ставить себе более высокие цели, вдохновиться и дописать диссертацию, познакомиться со множеством потрясающих людей. Однако уверен, что главные достижения еще впереди.

ГОСУДАРСТВО

ОБРАЗОВАНИЕ, ПРОСВЕЩЕНИЕ, КУЛЬТУРА – ТРИ СФЕРЫ, РАССУЖДАТЬ О КОТОРЫХ ЛЮБЯТ ВСЕ. ОДНАКО ДАЛЕКО НЕ КАЖДЫЙ СПОСОБЕН УЧАСТВОВАТЬ В ИХ РЕГУЛИРОВАНИИ, ДАЖЕ ЕСЛИ ДОЛЖЕН ДЕЛАТЬ ЭТО ПО ФОРМАЛЬНОМУ ПРИЗНАКУ. НУЖНО ЛИ ВООБЩЕ РЕГУЛИРОВАТЬ ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРУ? ЕСЛИ ДА, ТО КТО И КАК ДОЛЖЕН ЭТО ДЕЛАТЬ? И ПОЧЕМУ ДОВОЛЬНО ЧАСТО ВОЗНИКАЕТ ОЩУЩЕНИЕ, ЧТО КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА, НЕСМОТРИ НА ВНЕШНЕЕ ДВИЖЕНИЕ, НЕ РАЗВИВАЕТСЯ? ЭТИ И ДРУГИЕ ВОПРОСЫ ОБСУДИЛИ ПИСАТЕЛЬ, ПУБЛИЦИСТ АЛЕКСАНДР АРХАНГЕЛЬСКИЙ И ПОЛИТОЛОГ АРТЕМ СТОЛЯРОВ В РАМКАХ ПОСВЯЩЕННОГО ДЕСЯТИЛЕТИЮ ШКОЛЫ ЭФФЕКТИВНЫХ КОММУНИКАЦИЙ «РЕПНОЕ» ЦИКЛА БЕСЕД В ФОРМАТЕ «ЭКСПЕРТ – ВЫПУСКНИК».

О КРИТИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ

Артем Столяров (А.С.): Александр Николаевич, вы — уникальный эксперт для Школы «Репное»: уже стало славной традицией, что вы открываете каждый год первый семинар. При этом ваши лекции всегда очень разные. В ваши прошлые визиты и про культурную политику мы говорили, и про учебники истории, а сегодня, например, про традиции. При этом тема первого семинара практически всегда звучит одинаково: «Культура имеет значение». И мне стало интересно, как вы выбираете каждый год, о чем говорить на этот раз?

Александр Архангельский (А.А.): Во-первых, выбор темы всегда подсказан компетенциями, которые у тебя есть. Можно, конечно, начать учить всему, и, кстати, сейчас самый успешный жанр псевдонаучно-популярной литературы — это «как стать мной». Недаром книжки, начинающиеся со слова «как», продаются лучше, чем какие бы то ни было другие. Но это путь, ведущий в бездну, потому что человек сначала раз выходит за пределы своей компетенции, потом второй, потом третий, а потом получается всемирный бестселлер Харари, но это катастрофа. Это никуда не годится, это пример того, как нельзя. Поэтому надо оставаться на своей профессиональной почве. Но, опять же, если быть исключительно в темах, которые связаны с тем, что ты в данный момент непосредственно делаешь, то ты тоже провалишься.

Нужно применять к теме семинара то, что ты как следует знаешь. Но в этом смысле с культурой легче именно потому, что культура и есть сегодня все. Культура лежит в основе экономических решений, культура лежит в основе управленческих решений. Даже если управленец сам не является человеком культуры, все равно она во многом определяет его решения. Миром правят образы, а давно уже не классовый интерес, тем

более, что и классов как таковых почти не осталось, поэтому та сфера, которой якобы гуманитарий и литератор занимаются, она связана с этим пониманием культуры, совпавшим с пониманием культуры, положенным в основу концепта «Репного».

А.С.: Вы сегодня (на семинаре 14–15 сентября 2019 года. — Прим. ред.) участвовали в дискуссии, слушали вопросы, которые звучали в аудитории. За годы ваших визитов в «Репное» что-то меняется? Школе десять лет, и почти все эти десять лет вы приезжаете на первый семинар. Как, на ваш взгляд, трансформировалась аудитория, если трансформировалась?

А.А.: Я думаю, что наивности с каждым новым набором все меньше. Дело не в количестве знаний, а в некоторой более ранней социальной зрелости. Кстати, это не всегда хороший признак, это иногда признак неблагополучия. Люди вынуждены социально взрослеть раньше, потому что надвигается довольно серьезное испытание, в такие эпохи люди не позволяют себе расслабляться. Успешное западное общество допускает позднее взросление, сложно устроенная восточная часть мира требует от человека раннего вхождения во взрослую жизнь. Но я бы сейчас не решился давать какие бы то ни было оценки того, с чем это связано. Я констатирую, я вижу, что меньше иллюзий, больше серьезного, сложного отношения к любой проблеме.

А.С.: А вы можете это как-то соотнести с тем, что вообще происходит в стране?

А.А.: Если в начале 2010-х годов было общее ожидание затянувшихся организационных реформ, то сегодня, мне кажется, иллюзий, что «вот-вот начнется», больше нет. Но при этом нет и трагического пафоса по поводу того, что все рухнет. Есть более трезвое понимание

устройства политического, экономического, культурного и образовательного пространства. Я вижу это нарастание тревожности, но без ставки на провал. Это очень важно, ведь если вы видите, что все не слишком благополучно складывается, и иллюзий у вас нет, но вы все-таки верите в себя и в свои силы, то у вас есть шанс перестроить реальность.

А.С.: И куда мы движемся?

А.А.: Мне кажется, это тупик. Тупик означает, что прежние модели перестали работать, а новые не появились. Постоянная тактика, ставшая вечной стратегией, давала результат. Но сегодня, мне кажется, она хоть и по-прежнему еще дает результат, но все реже, а сбои системы все чаще. Протест, который нарастает, это не протест 2011 года, он гораздо более сложный, и он не только интеллигентский и не только молодежный, он по-разному назревает в разных точках, в разных областях. Он экологический и социальный в регионах, возьмем мы Шиес или Иркутск. Он политический в Москве, он социальный по всей стране, потому что реформа самозанятости вместе с пенсионной реформой затронули большое количество людей. Они растеряны, они не хотят быть против власти, они не разделяют московских настроений, но они не могут не быть с ними, а виновника им не предъявили.

Идет брожение, но оно другое, это не брожение начала 2010-х годов, это уже брожение 2020-х. Чем оно кончится, я не знаю, я не умею пророчествовать.

А.С.: А я не могу мыслить в категории наивности. Я согласен, что люди в целом и слушатели Школы

в частности стали более критичны. Когда пять лет назад вы о чем-то рассказывали, все сидели, слушали и ловили абсолютно каждый тезис, каждую мысль. А теперь я чувствую, что многие хотели бы что-то спросить, хотели, может быть, где-то поспорить. Появляется более выраженная позиция, наверное. Мне кажется, что это, может быть, не всегда даже хорошо, то есть нужно иногда соотносить свою позицию с реальностью, что не всегда происходит. Но в целом уровень критического мышления вырос за последнее время.

О ПЕРЕМЕНАХ В ОБРАЗОВАНИИ

А.С.: Школа «Репное» существует с 2009 года. Как за эти 10 лет поменялась сфера образования?

А.А.: Административно или идеологически?

А.С.: Наверное, идеологически — это интереснее.

А.А.: Одна из проблем управления гуманитарной сферой заключается в том, что у нас действует принцип маятника, а не принцип зигзага. Предположим, вы хотите создать прогрессистскую модель образования. Вас сменяет на посту другой министр, у которого более консервативная позиция, и он делает шаг назад или в сторону, но он не обрубают те проекты, которые запустили вы. Это принцип зигзага, принцип петли, как река огибает препятствия и петляет, но все время течет.

А у нас работает принцип маятника, одна образовательная политика заводит все круто влево, а потом приходит другая и с той же скоростью запускает этот маятник вправо. И у вас нет развития: точка-то, куда прикреплен маятник, одна, и она не движется. Мы раскачиваемся влево-вправо, влево-вправо. Мы видели образовательную политику времен министерства Дмитрия Ливанова,

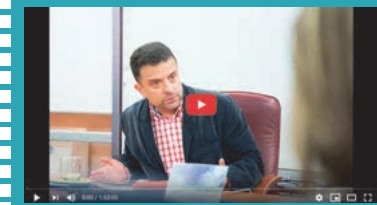
Александр Архангельский

О том, как традиции читают нас

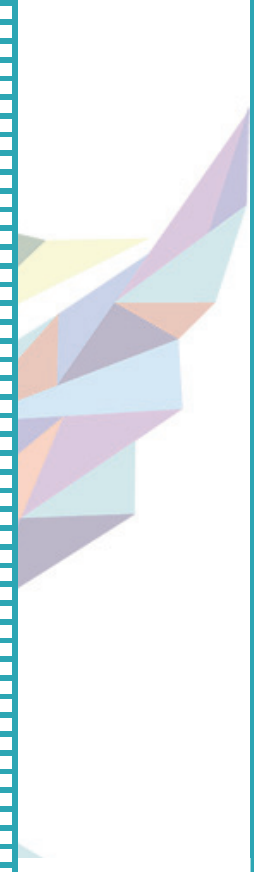
О литературоцентризме русской культуры

О проходящей по культуре линии политического разлома

О балансе между классикой и современностью

Если вы тратите огромные деньги и не даете никакого результата вообще – ни отрицательного, ни положительного, никакого, лишь стояние на месте, – может быть, можно и без вас обойтись?

она была «левой». Мы видим образовательную политику Ольги Васильевой, она может быть названа «правой». Но переход от одной к другой не совершается в логике зигзага, а совершается в логике маятника. Как бы я ни относился к политике Васильевой, я не хочу, чтобы следующий человек обрубил все и опять запустил маятник в другую сторону, потому что это не движение. Если мы трезво оцениваем вред в рамках зигзага, то он не такой катастрофический, каким может быть. Причина в том, что школы сегодня скорее в региональном и муниципальном ведении, чем в ведении министерства. Вред наносится образовательным программам, учебникам, но сами школы сейчас

более свободны от федерального диктата. Так что речь не о том, компенсируется ли вред. Он компенсируется.

Вопрос в том, происходит ли движение;
движения нет, а там,
где нет движения, там застой.

А.С.: Мне еще кажется, что десять лет назад не было такой активности и такого ажиотажа вокруг темы просвещения. Когда Школа «Репное» начинала свою деятельность, таких проектов почти не было. Сейчас есть ощущение, что и в министерстве это тоже чувствуют, тоже замечают и как-то тоже хотят реализовать просветительскую функцию.

А.А.: Это продолжение разговора о росте критического мышления. Мы не просто констатируем, что образовательная политика никуда не годится, мы создаем ее альтернативу. Жалко, что это происходит не в сотрудничестве с государством и не в противостоянии ему, а в параллельном мире. Министерство культуры сейчас тоже работает на архаизацию, и у него это тоже не получается и получиться до конца не может, хотя навредить, к примеру, художникам оно вполне в состоянии. Но проблема-то не в этом, проблема в том, что Министерство науки и высшего образования, Министерство просвещения и Министерство культуры готовят нас к тому, что ни Министерство просвещения, ни Министерство культуры просто не нужны. Я не против. Может быть, в этом и есть их историческая миссия. Если вы тратите огромные деньги и не даете никакого результата вообще — ни отрицательного, ни положительного, никакого, лишь стояние на месте, — может быть, можно и без вас обойтись? Тогда это меня устраивает, тогда я готов пасть жертвой идиотического способа принятия федерального перечня

учебников, если результатом станет отмена федерального перечня как такового. Это самораспад мертвой системы.

О ПЕРСПЕКТИВАХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК

А.С.: А как вы видите дальнейшее развитие образования в рамках того, о чем мы сейчас говорили, что дальше будет? Например, государственные школы перестанут существовать и будут частные, платные школы, или все же будет государственное финансирование, а целевые направления будут формулировать профессиональные сообщества?

А.А.: Я не против того, чтобы финансирование шло напрямую из госказначейства. Я не верю в то, что Министерства образования не будет, да и в ближайшие годы, я уверен, останется и Министерство культуры. Оно как баба на чайнике: мы прекрасно понимаем, что чайник будет завариваться и без всякой бабы, дело в чайнике и в чае, а не в бабе. Баба сшита из тряпочек, она хороша, но совершенно бесполезна. Министерство культуры попыталось уничтожить фестиваль «Артдокфест». И что в итоге? Научили целое поколение кинематографистов-документалистов обходиться без государственной поддержки. Выступили как «часть той силы, которая вечно хочет зла и вечно творит добро». Нет, если говорить о социальном прогнозе, то, конечно, министерства останутся, никто их закрывать не будет, хотя, скорее всего, опять сольют просвещение и образование.

А.С.: А если какую-то идеальную модель представить?

А.А.: Я, конечно, сторонник американской модели, когда государство создает условия для вложения бизнеса в культуру, а не управляет культурой, но я про-

тивник того, чтобы мы переходили на эту модель, потому что мы к этой модели не готовы. Отменив одну и не создав другую, мы создадим хаос и воронку на месте взорвавшейся реальности.

Я сторонник умеренных мер вроде государственно-частного партнерства, музеев, где существует баланс государственных и частных коллекций.

В Америке 35 тысяч фондов, финансирующих культурные проекты. Давайте мы сначала создадим 35 тысяч фондов, финансирующих культурные проекты, а потом отменим Минкульт. И все равно будут издержки, потому что, например, репертуарный театр, которым мы гордимся, невозможен в отсутствие прямой государственной поддержки. Фонды будут создавать проектный театр, театр антрепризы.

А.С.: Отдельный какой-то.

А.А.: Да, но он не будет репертуарным, традиционным, большим, такого количества театров по стране не будет. Я просто понимаю, что когда мы говорим о культурной, образовательной политике, мы должны держать в голове две вещи: наше представление и ту реальность, в которой мы находимся, потому что это как с Академией наук.

Академия наук давно уже не является единственным центром притяжения научных сил. Но до тех пор, пока мы не создали охватывающую всю страну сеть университетских лабораторий, пожалуйста, давайте не будем уничтожать Академию наук, потому что тогда и она исчезнет, и университеты погибнут. Создавайте резервную систему, потом уже меняйте.

А.С.: Честно говоря, мне кажется, что эта ситуация характерна для очень многих сфер. Например, у нас в городе проблемы с общественным транспортом. Сделали платные парковки в центре города, но при этом никак не изменили общественный транспорт, то есть он как был плохим, так он и остался.

А.А.: Это потому что общественного контроля мало.

А.С.: А если предположить, что просветительская практика может быть спущена сверху, спровоцировав массовое появление неких учреждений дополнительного образования, но для взрослых людей, я бы сформулировал это как «образование после образования», то это могло бы быть полезным? Школа «Репное», которая вдруг размножилась бы.

А.А.: Тут два вопроса в одном. Первый: полезны ли проекты типа «Репного»? Да, очень полезны. Должно ли их быть очень много? Да, их должно быть очень много. Теперь вопрос о государстве. Что произойдет, если государство будет внедрять эти проекты как модельные? Они превратятся в свою противоположность. Мы как налогоплательщики можем потребовать от государства, чтобы оно перераспределило наши налоги в эту область. Но как сделать так, чтобы оно перераспределило, не нанеся вреда? Оно может создавать инфраструктуру, общие условия. Как оно решило проблему неучастия граждан в регистрации? Через ИП, через упрощенку. Огромное количество людей стало платить налоги, не все, конечно, но по сравнению с тем, что было в 90-е годы, стало лучше.

Так что же может государство? Оно может, например, награждать людей типа Геннадия Викторовича Чернушкина, которые такие проекты создают, потому что для бизнеса символический капитал не менее важен, чем реальный. Условно говоря, поручить губерна-

торам таких людей выявлять, обласкивать и ставить городу и губернии в пример. Это государство умеет, но редко этим почему-то пользуется. Наказывает больно, а ласкает редко.

Второе: государство может создавать конкурсы на разработку такого рода проектов и финансировать их. Оно при этом должно выступать не заказчиком, а спонсором. Как только оно становится заказчиком — все, конец. Не умеют они этого, никогда нигде это хорошо не получалось. А хороший стимулирующий эффект государство может оказать. И тогда получился бы диверсифицированный, разнородный культурно-образовательный проект. Но не стоит передоверять государству функцию создания таких площадок, точнее насыщения их содержанием.

А.С.: Потому что это задача экспертного сообщества?

А.А.: Да. Я не революционер, но здесь вопрос стоит именно ребром: если этого не будет, не будет ничего,

не должно быть иллюзий. Никаких step by step не получится. Либо государство отдает содержательный аспект на откуп экспертному сообществу, либо оно проиграет: не делаете то, чего не умеете. Я — эксперт, но я не умею распределять деньги, а вы умеете распределять деньги, но вы не можете быть экспертом, вот и все.

А.С.: Вы описываете экспертное сообщество, которое определяет темы, определяет направления развития и так далее. Чаше всего, когда государство вмешивается в те сферы, где его раньше не было, оно старается их максимально зарегулировать. И возникает вопрос: а кто будет выбирать экспертов?

А.А.: Экспертное сообщество будет выбирать экспертов. В любой сфере есть очевидные общепризнанные лидеры, за которыми не тянутся шлейфы. И тут бывают ошибки, но это минимальные риски, экспертное сообщество само знает, кто его представляет, а кто нет. Не министр культуры, не министр образования,

а экспертное сообщество. Если вы ставите пять слабых экспертов, то шестой сильный, которого вы позовете, не пойдет. На нуль делить нельзя. Это очень простой механизм. Вы не сможете поставить в экспертный совет своих людей, а для виду, чтобы мир видел, что у вас тут сильные профессионалы, поставить несколько сильных. И я с этим? В один совет? Да вы что, да никогда.

Есть саморегуляция, есть равенство равных. Поэтому подобные вопросы — это лукавство, тут даже придумать ничего не придется.

2014/15 ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ГОД ✨

Популяризация науки: кому и зачем это нужно

Вот, например, одно из самых модных политических течений и бранных слов последнего времени – популизм. Что такое популизм? Это когда ты говоришь то, что от тебя хотят услышать.

Генрих Эрлих

Генрих Эрлих
эксперт Школы «Репное»,
доктор химических наук, ведущий
научный сотрудник химического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
писатель, популяризатор науки

Любовь Стрельникова
эксперт Школы «Репное»,
главный редактор журнала «Химия и
жизнь», член Международной ассо-
циации журналистов и Европейской
ассоциации научных журналистов

Олег Григоренко
выпускник Школы «Репное»
2016–2017 просветительского года,
заместитель главного редактора
интернет-журнала
«7x7». Горизонтальная Россия»

2010-
2020

Олег Григоренко

Родился в 1980 году в Воронеже. Учился в школе №20 и Социально-педагогическом колледже при ВГПУ. В 2002 году окончил факультет журналистики ВГУ. Если бы я был великим историческим деятелем, и про меня написали бы биографическую книгу, наверное, каждый факт в ней подводил бы читателя к мысли, как здорово все совпало, и я стал тем, кем стал. Но я не великий исторический деятель. Хотя история – это моя детская любовь. Фантастика – моя вторая слабость. На мои политические взгляды куда больше влияния оказал Хайнлайн, чем Ельцин, на понимание вселенной – Азимов, а не учебник по физике, на умение мечтать – Ефремов, а не песни «Наутилуса». Характер скверный, но скрытный, поэтому об этом знают только самые близкие люди.

Люблю свободу и регламент.

Любовь Стрельникова

Родилась 9.09.1956 в Москве. В 1999 году организовала первое в России агентство научных новостей «ИнформНаука». За 32 года профессиональной деятельности в области журналистики опубликовала сотни статей о науке в газетах, журналах, на радио и ТВ. Член европейской ассоциации научных журналистов, эксперт Фонда «Династия» по программам популяризации науки, член экспертного совета Политехнического музея. Помимо журналистики занимается преподавательской деятельностью. Создала авторский курс для Школы-студии научной журналистики при журнале «Химия и жизнь». Преподавала авторский курс «Наука и журналистика» на факультете журналистики в Международном университете в Москве. Увлечения: искусство, движение, чтение и путешествия.

Генрих Эрлих
Родился 19.06.1955 в Омске. Выходец из поволжских немцев, внук репрессированного профессора Владимира Яковлевича Эрлиха. Лауреат Премии Ленинского комсомола в области науки и техники (1986), автор около 120 научных трудов, двух десятков патентов, монографии и обзоров. Побывал с научными экспедициями в Северном Ледовитом и Тихом океанах, на Камчатке и Дальнем Востоке, занимаясь, помимо основной работы, химией моря. Работал со школьниками, возглавлял в течение двух лет предметную комиссию по химии Всероссийской олимпиады школьников. «Отличник народного просвещения РСФСР». Участвовал в создании одного из первых в СССР совместных предприятий «БиоХимМак», которое успешно функционирует по сей день. Прозаик, член Союза писателей России с 2003 года.

ПРОСВЕЩЕНИЕ

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОСВЕЩЕНИИ, НЕВОЛЬНО ЗАДУМЫВАЕШЬСЯ И О ТОМ, ПОЧЕМУ ОНО ВООБЩЕ ВОЗНИКЛО. РАЗВЕ ПОТРЕБНОСТЬ В ЗНАНИЯХ НЕ СОСТАВЛЯЕТ ОДНУ ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ, ДВИЖУЩИХ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ВПЕРЕД, ПИТАЮЩИХ ЕГО ИЗВЕЧНОЕ ЛЮБОпытство И ПОДВИГАЮЩИХ НА НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ? ЭТО ТАК. НО ПОЧЕМУ ЖЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТОЛЬ ЧАСТО СТАЛКИВАЕТСЯ С СОПРОТИВЛЕНИЕМ? ПОЧЕМУ ЗАЧАСТУЮ ИНСТИНКТЫ ВАЖНЕЕ РАЗУМА? КТО И КОГО, В ТАКОМ СЛУЧАЕ, ДОЛЖЕН ПРОСВЕЩАТЬ – И КАК ЭТО ДЕЛАТЬ В МИРЕ, КОТОРЫМ ПРАВИТ МОДА? ОБ ЭТОМ – В ОЧЕРЕДНОЙ БЕСЕДЕ В РАМКАХ ЦИКЛА, ПОСВЯЩЕННОГО 10-ЛЕТИЮ ШКОЛЫ «РЕПНОЕ», В ФОРМАТЕ «ЭКСПЕРТ – ВЫПУСКНИК».

НЕСТИ СВЕТ

Олег Григоренко (О.Г.): Под просвещением разные люди понимают разное. Мне бы хотелось, чтобы мы начали с определения, которое было бы фундаментом нашего разговора.

Любовь Стрельникова (Л.С.): Я профессиональный химик, но теперь у меня другая профессия — журналист. С точки зрения моей профессии ответ кроется в самом слове, в структуре, этимологии. Просвещать — значит, нести свет. Свет в данном случае — это метафора некоего знания, позитивного взгляда на мир. И это главная цель — нести знание. В свое время Кант, размышляя на тему просвещения, говорил о том, что девиз просвещения — «не бойся пользоваться своим умом». Задача просвещения — сделать так, чтобы человек почувствовал кайф от того, что он может свободно пользоваться своим умом и разумом и получать от этого удовольствие.

Генрих Эрлих (Г.Э.): Все правильно. По-английски «просвещение» — enlightenment. То есть это буквально калька, это именно «нести свет». Я бы немножко расширил: все-таки это не только свет знаний, но и свет культуры в целом. Даже умение читать — это очень существенно. Например, почему сейчас протестантские страны объективно опережают все остальные — католические и, к сожалению, православные, не говоря уже о мусульманских? С чем это связано? Откуда взялось просвещение у них? Оно взялось с очень интересного момента. У них же в протестантстве каждый человек может сам общаться с Богом, ему не нужны для этого посредники в виде священников. Они должны лишь знать Библию, а для этого — уметь ее читать. И поэтому когда протестантское движение началось на Западе, просвещение начало активно внедряться, они начали учить детей, чтобы они могли читать Библию.

Л.С.: И интерпретировать, соответственно.

Г.Э.: Да, они же начинают думать, выводы какие-то делать. Протестантские страны, они же изначально-то были очень бедными.

О.Г.: Спасение через познание.

Г.Э.: Да. Это северные страны, там особо ничего не было, даже сельского хозяйства. Но просвещение дало импульс к развитию, хотя начиналось все с чтения.

О.Г.: Я сейчас очень порадовался, что мы начали с самого начала, с века Просвещения, и сказали очень важную вещь о том, что просвещать — это, в первую очередь, научить познавать. Я сам журналист, редактор, и сейчас я вижу в своей системе ценностей огромную брешь. Точнее, не в моей системе ценностей, а в том, как она применяется к моей профессии, потому что для меня очень важным в ней является воздействие именно на разум людей через логичные аргументы, которые выстраиваются в концепцию, подтверждая некую гипотезу.

Сейчас в СМИ я вижу очень пугающую тенденцию: для того, чтобы привлечь внимание, нужно воздействовать не на разум, а на эмоции, чувственное восприятие: напугать, развеселить, порадовать, но явно не научить и просветить.

В таком мире, где нужно быть фриком, чтобы привлечь внимание, просвещение может работать или нет, и как оно может работать?

Л.С.: Почему это СМИ делают? Это же вопрос целеполагания. Почему СМИ апеллируют к физиологии?

О.Г.: По той же самой причине, по которой это делает Голливуд, например.

Л.С.: Правильно, это бизнес. Это манипулирование, цель которого — деньги, извлечение прибыли. Просвещение не ставит такой цели, мы с этого начали.

Именно поэтому просвещение — это во все времена во многом удел энтузиастов, совершенно бескорыстных людей, готовых поделиться красотой знания, которую они познали, с огромным количеством людей.

Почему СМИ предпочитают отрицательные новости? Да потому что человек, зритель и читатель, всегда предпочтет отрицательные новости положительным в силу инстинкта самосохранения. Он как бы обучается на опыте других: пусть они на грабли понаступают, а я посмотрю, чтобы, оказавшись в такой ситуации, поступить иначе. Это физиология, из которой СМИ извлекают доход. А просвещение не занимается такой манипуляцией.

О.Г.: Но СМИ конкурируют за внимание людей, и как привлечь внимание людей именно к ценностям познания?

Л.С.: Значит, надо пользоваться тем же оружием. Что правит миром?

О.Г.: Мы только что выяснили, это страх.

Л.С.: Страх — это чувство, которое помогает реализовать инстинкт самосохранения. А миром правит мода. Все как по свистку надевают драные джинсы, распускают волосы, отпускают бороды, надевают рюкзаки, пьют кофе из бумажных стаканов на ходу... Просвещение тоже должно стать модной историей, и мы с вами видим, что это возможно — на примере той же Школы

«Репное». Ведь у моды гигантский созидательный потенциал. Посадить триллион деревьев, чтобы защитить Землю от глобального потепления, отказаться от одноразовой пластиковой посуды, пластиковых пакетов, чтобы защитить Мировой океан и его обитателей от гибели... Это примеры, которые уже работают. И они могут изменить мир к лучшему.

КРИТЕРИИ ПРОСВЕЩЕННОСТИ

Г.Э.: Есть представление о том, что все ходит волнами. Вот, например, одно из самых модных политических течений и бранных слов последнего времени — популизм. Что такое популизм? Это когда ты говоришь то, что от тебя хотят услышать. А то, что от тебя хотят — это очень простые мысли, которые понятны всем. Человек слышит некие слова, он так же думает и считает, что он такой же умный: «Ах, какой я умный, я ж тоже так думаю, как этот великий человек». Например, Адольф Гитлер не был популистом, но действовал он таким же образом. Он нацию перепрограммировал за три года.

Л.С.: Всего-навсего словами.

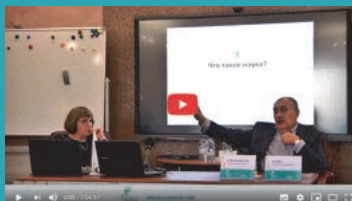
Нужно уметь сопоставлять, проверять информацию из разных источников и каким-то образом выбирать правильную. Но для этого надо какой-то базовый все-таки уровень иметь, хотя бы в размере школьной программы.

Г.Э.: Со мной делились впечатлениями те, кто его слышали: «Мы пришли слушать, мы изначально были против его идей, но к концу его речи нас тоже проняло. Мы уже начали сомневаться: может быть, он и прав?». И эти популистские идеи — они ходят волнами. Значит, можно предположить, что сейчас у нас идет популистская волна, а потом, может быть, придет какое-то отрезвление очередное. Это один вариант развития событий. Многие люди, преимущественно старшего поколения, утверждают, что раньше люди были умнее и лучше разбирались в хитросплетениях жизни, политики, культуры. А сейчас-де идет оболванивание людей и ими становится все легче манипулировать. Но не будем забывать, что круг таких «продвинутых» людей был раньше довольно узок, а сейчас, что ни говори, средний уровень образования повысился, как и степень информированности людей. Есть шанс, что подрастут, разберутся. Что же касается оболванивания и манипулирования, то это было всегда.

Еще, сравнивая разные поколения, часто говорят: раньше ценности были другие. Сейчас, к сожалению, молодые люди, с которыми я общаюсь, не могут отличить хороший текст от плохого. Они читают текст, который написан безобразно, и он им нравится. А когда им начинаешь объяснять, что это вообще ни показывать, ни публиковать нельзя, они не понимают: «А почему? Все нормально, все хорошо». Они потеряли вкус. Не понимают, что такое хорошее кино, потому что с сериалами-то проще.

О.Г.: А что, на ваш взгляд, должен знать человек, который может назвать себя просвещенным, в таком случае? Должен иметь вкус, а еще? Есть ли какой-то условно универсальный набор знаний, которые человек может получить, чтобы считать себя достаточно просвещенным для современных условий?

Генрих Эрлих
и Любовь Стрельникова

О современной науке

Об утрате коммуникаций
Часть 1

Об утрате коммуникаций
Часть 2

О революции в науке

Г.Э.: Ничего универсального нет, конечно. Такие универсальные рецепты сейчас очень любят: «12 правил жизни», «9 шагов к успеху».

О.Г.: Это очень хорошо читается, к сожалению.

Г.Э.: Это создает иллюзию, что вы примените этот простой рецепт — и все у вас получится. Все знать сейчас невозможно. Надо уметь анализировать текст и понимать, что там написано, критически подходить к нему и не принимать на веру все, что тебе дают. Сейчас есть такое: «Да это все ерунда, что в официальной прессе написано, — это все неправда, а то, что на моем любимом сайте написано, — там все правильно». Нужно уметь сопоставлять, проверять информацию из разных источников и каким-то образом выбирать правильную. Но для этого надо какой-то базовый все-таки уровень иметь, хотя бы в размере школьной программы.

Л.С.: У нас как-то была дискуссия на тему «Зачем ребенка водить в школу». Чему должна научить школа? Во-первых, уметь читать, анализировать тексты, высказывать свои мысли, аргументировать, желательно, не на одном языке; во-вторых, любить Отечество, быть физически сильным и так далее. Но на самом деле главная задача школы — научить ребенка думать. Ребенок думающий должен уметь строить причинно-следственные связи, а для того, чтобы он умел их строить, он должен изучать физику, биологию, химию, математику, которые все построены на причинно-следственных связях, законах и закономерностях.

Сейчас далеко не во всех школах учат думать, и на просвещение ложится большая нагрузка по формированию критического мышления, аналитического мышления, здравого смысла, об этом просвещение сегодня должно напоминать каждый день.

ИНСТИТУТЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

О.Г.: Вкус в советское время воспитывало государство. В России как в стране мегацентрализованной всем всегда занималось государство, и говорили, что царь у нас — единственный европеец. На Западе, в свою очередь, была некая сетевая модель протестантская, когда все шло от семьи: обучение чтению, базовые навыки. А в поздней имперской России были земства, которые, собственно, и вытаскивали на себе первый этап народного просвещения. Кто этим должен заниматься сейчас? Какая модель в современной России взлетит? Государство должно по-другому относиться, общество должно понять, что, если не мы, то кто? Для меня один из главных результатов «Репного» — это то, что мы собираемся компанией выпускников и, что называется, учим друг друга, мы друг другу читаем лекции по какой-то своей сфере. Я могу про СМИ рассказать, кто-то может рассказать про геологию, кто-то про IT.

Л.С.: Прекрасная модель! А государство здесь ни при чем.

Г.Э.: Это самоорганизация масс, которые сами выбирают модель поведения.

Л.С.: И семья — великое дело. Антони ван Левенгук, который сделал для микроскопа линзы с 300-кратным, 500-кратным увеличением и увидел микромир, не был никаким ученым, он был мануфактурщиком, продавал ткани, но он был любознательным мальчиком. Дядя его заметил эту его склонность, начал ему книжки подсовывать, разговаривать с ним, стал как-то направлять, развивать. И в результате человек, не имевший никакого отношения к науке, сказал в этой науке такое громкое слово. Он открытие сделал, на котором потом целое здание выросло, понимаете? Значит, роль семьи, очевидно, велика.

Книги, увиденное кино — нам не дано предугадать, как наше слово отзовется.

Иной раз какая-то случайная фраза, брошенная на лекции, может перевернуть судьбу человека. А может быть, этим человеком будет Эйнштейн будущий.

Мы этого не можем знать, и мы не принимаем это в расчет, мы просто пишем книги. Никому это вроде как бы и не нужно, но мы их пишем, потому что мы знаем, что это выстрелит — рано или поздно.

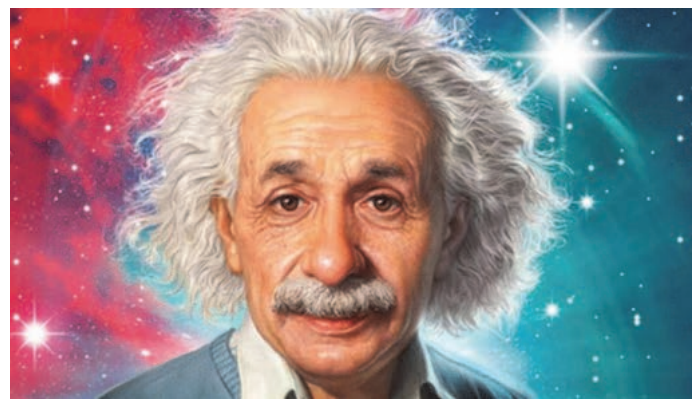
Г.Э.: Или таскание по музеям. Воспитания, образования без насилия не бывает. Мне сын недавно признался: «Как ты меня доставал этими музеями! Как в Европу приезжаешь, так по два музея в день с высунутым языком». А теперь он сам, когда бывает в Европе, идет в те же, уже знакомые музеи и говорит: «Как классно, завис на целый день!».

Л.С.: Современная педагогика семейная — она чудовищная: «Ребеночек мой не хочет, значит, он не пой-

дет». Ребенок не знает, что он хочет, ему надо показать, что это интересно. Как только он поймет, что это интересно, уже за уши не оттащишь.

Отсюда выросло еще одно направление просвещения, очень модное: интерактивные музеи. В Европе сейчас существует даже ассоциация science-центров под названием Ecsite, которая собирает ежегодные собрания, где все делятся опытом. Они сейчас, наверное, в каждом городе в Европе уже есть. Там куча моделей, на которых можно изучать те самые законы, что проходят в школе, это весело: двигаешь, ломаешь, визжишь,

пищишь. Вот, пожалуйста, еще один канал просвещения, который мы можем использовать.

О.Г.: А если кому-то в детстве этого не хватило или кто-то таким образом учился в школе, что у него не сложилась четкая картина мира? Мне кажется, многие из таких людей сегодня приходят в просветительские проекты для взрослых, такие как «Репное». Модель Школы соответствует каким-то существующим запросам, но иногда у людей возникает ощущение, что не всегда есть системность: сегодня на семинаре мы говорим про гемоглобин, на прошлом семинаре мы говорили про историю, про традиции, на следующем семинаре мы говорим про литературу, еще на каком-то семинаре мы говорим про математику. Все это вроде бы и имеет отношение к созданию некой такой целой картины мира, но, с другой стороны, это лишь мазки, и не факт, что они попадут именно в те белые части, которые у каждого конкретного человека есть, и помогут ему простроить связи между всеми вышеуказанными сферами. А у вас есть какое-то представление о просветительских проектах для взрослых? Какими должны быть?

Г.Э.: Эта модель совершенно нормальная. Конечно, систематического образования получить таким способом невозможно, сейчас вообще широкого систематического образования нигде нет. Сейчас в условиях страшной специализации обучения на всех уровнях, начиная с 4 класса, а иногда и раньше, люди зажаты дальше некуда, поэтому важно, пусть и мазками, показать, что есть такие интересные вещи.

Л.С.: Это хороший формат, это хорошая практика, но она применима для взрослых. Здесь, в Школе «Репное», все люди с высшим образованием, у них уже структурирован мозг, у них есть развитое аналитическое мышление. Во взрослом мозге эти отдельные мазки сложатся

в цельную картинку. А у ребенка — нет. Вот к ребенку такой подход невозможен: сейчас мы тебе накидаем всякого, и пусть в твоих мозгах что-нибудь сложится. Не сложится, для этого надо сначала мозги поставить, надо их прошить, надо их структурировать, надо научить, чтобы это все на автомате там крутилось, соединялось, проходило через горлышко критического анализа и осмысления. А для взрослого это хороший формат, хотя все взрослые — они по-прежнему в душе как дети. Все имеет последствия. На заре генетики считалось, что все в человеке определяет генетика: цвет волос, глаз, рост, вес, все наши способности, потенциальная успешность, болезни, продолжительность жизни. А сегодня исследователи говорят, что только 30% на ответственности генома, а остальные 70% — это среда.

Мы меняем среду, мы меняем человека, поэтому с этим-то надо очень аккуратно. Мы меняем школу — и мы меняем людей, которых получаем на выходе.

Г.Э.: Причем результат станет ясен лишь лет через 15 после окончания школы. Ваша система в «Репном» — она правильная. Она дает направление: эта область интересная, и вот интересная, и вот эта. А потом уже из слушателей каждый выберет в соответствии со своими склонностями, что ему интересно, книгу почитает или в тот же Интернет залезет, какие-то детали уточнит, и скажет: «Слушай, действительно интересно». Все, завис, у него жизнь сразу наполняется, он резко расширяет свой культурный уровень.

Л.С.: Мало теперь у нас мыслителей и визионеров, которые видят картину в целом. Это то, о чем говорил Фримен Дайсон: «Птицы, которые летают высоко, видят мир за лесом, видят картину в целом». Мало таких людей. Обеспечить программу «Репного» экспертами очень сложно. И чем дальше, тем мыслителей все меньше, это уже такая уходящая натура, к сожалению, и это проблема.

Просвещение — это деятельность людей. И сегодня она часто скатывается к рассказу о каких-то мелких фактах, не встроены в контекст — британские ученые открыли, китайские ученые нашли... И это уже невозможно переносить. Это марьяшкин труд, потому что молодежь в силу своего узкоспециализированного образования или плохого образования не может понять место и значимость этих фактов, зачастую мелких и совсем не значимых.

Просвещению гораздо более важны мысли, идеи, видение, цельные картины и собранные мозаики, пусть и с пробелами. Просвещению нужен мир во всей его полноте и со всеми его внутренними связями.

ПРОФЕССИИ БУДУЩЕГО

О.Г.: Можно очень грубый, но, к сожалению, приземленный вопрос задать? Мне очень нравится рассказ Азимова «Выборы». Его главным героем является средний человек, которого некий огромный искусственный интеллект отбирает как гражданина, который будет в этом году выбирать президента, мнение которого, согласно обработке статистических данных, является на сегодня неким концентратом мнения большинства. Этого человека подключают к машине, он проходит тест, после этого следующие 4 года искусственный интеллект обеспечивает все Соединенные Штаты на основании его ответов.

Сейчас технологии развиваются так, что искусственный интеллект заменяет человека буквально везде, это огромная беда журналистики, что мы все через 10 лет будем абсолютно никому не нужны.

Л.С.: Нет, Олег, если вы будете заниматься фактами — да, это умирающая журналистика, если же вы будете заниматься мыслями, идеями, мнениями — то нет. Искусственный интеллект этого не сможет.

О.Г.: Именно об этом я и хотел спросить. А если машина в том или ином виде — в виде алгоритма, в виде завода, конвейера а-ля Генри Форд — обеспечивает, так сказать, все потребности человека, получится ли так, что человеку вообще не надо мыслить?

Г.Э.: Понимаете, опасность не в этом, опасность в том, что в какой-то момент человек станет ненуж-

ным. Искусственный интеллект решит, что это лишнее существо во вселенной. Эта проблема до сих пор не преодолена, то есть непонятно, каким образом сделать так, чтобы этой мысли не возникло. А мысль совершенно логичная.

Когда я был совсем маленьким, в школе учился, как раз когда Азимов писал все эти вещи, мы все по поводу роботов и искусственного интеллекта с ума сошли.

И тогда, а это было 50 лет назад с лишним, мы были абсолютно уверены, что это не за горами, а потом все как-то сошло на нет.

О.Г.: Опять тот же самый маятник, волны.

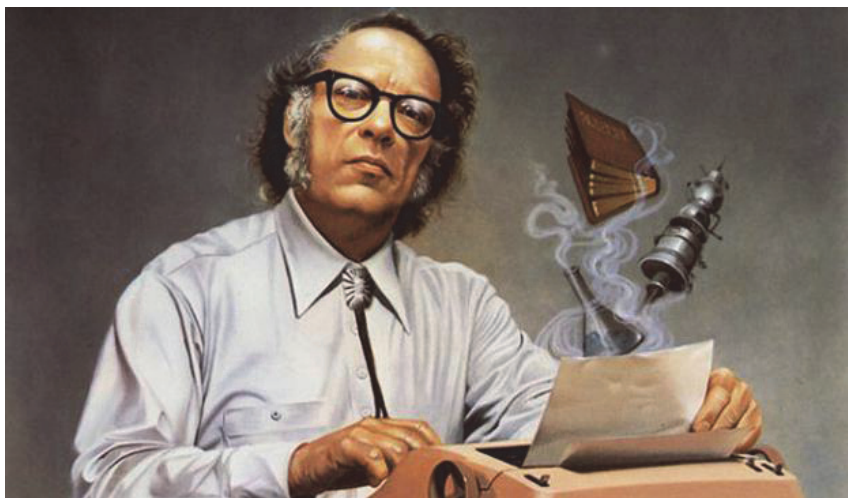
Г.Э.: Да, опять такая волна идет, вполне возможно, что через какое-то время внедрят какие-то системы под этот искусственный интеллект, уберут некоторые лишние специальности, а потом все вернется на круги своя, потому что аналитики, которые будут мыслить, будут цениться. Хотя вполне возможно, что большая часть человечества станет такой оболваненной толпой.

О.Г.: Дивный новый мир.

Г.Э.: Да, они нужны, чтобы потреблять и где-то трудиться. А будет некий очень ограниченный круг, который будет править, исходя из своих соображений, причем соображения могут быть высокими, они могут космос осваивать, например. Произойдет такая стратификация.

Л.С.: Помните, когда человек вступил в индустриальную эпоху, мир перевернулся, и огромное количество профессий ушло, а новые профессии появились. Сейчас то же самое происходит с приходом цифровых информационных технологий. Какие-то профессии будут умирать: профессия журналиста, архитектора, переводчика и так далее. Но все равно будут оставаться как бы высшие точки: переводчик художественной литературы, переводчик-синхронист — они останутся. Журналисты, которые работают с мыслями и идеями, останутся.

Я одно могу сказать: я не понимаю, зачем нам искусственный интеллект, если мы не используем человеческий в полной мере. Там же гигантский потенциал у каждого в голове, надо просто понимать, что как только мы перестаем использовать какой-то орган, он отмирает. Мне кажется, что мы просто роем себе могилу. Наоборот, надо заставлять мозг работать, чтобы появлялись новые нейронные связи.

ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК ПОТРЕБНОСТЬ

О.Г.: У меня сейчас возник такой образ в голове. Я правильно понимаю, что сегодня, накануне всех этих замечательных изменений, о которых мы сказали, просвещение — это некий такой последний римский легион на Адриановом валу? Между историей, которая тянется, условно говоря, от века Просвещения, и историей новых темных веков, которая приходит в тот момент, когда человек отказывается от генерации идей?

Л.С.: Мне кажется, просвещение сегодня должно рассказывать обществу о рисках, которые его ждут и которые оно создает своими руками. Сегодня это актуально как никогда.

Г.Э.: Да. Другое дело, что получится, как было и раньше, что это будет направлено на определенную часть общества, которая способна все это воспринимать. Мы ведь должны учитывать, что не все хотят просвещаться, многим и так хорошо. Зачем им лишняя головная боль? Они пришли, в офисе отсидели, потом дома в игрушку поиграли. Зачем им это просвещение? Но какая-то часть общества должна поддерживать свой интеллектуальный и культурный уровень. Это будет некая элита, которая всегда будет востребована, и ей нужны будут, к слову сказать, нормальные журналисты.

Л.С.: Как раз та элита, которая будет принимать решения.

Г.Э.: Тут опять-таки есть разные варианты, но эта элита обязательно нужна. Если элита сохранится, то она по меньшей мере сможет размножиться, потом еще что-нибудь изменится, может быть, цели у людей изменятся, в конце концов.

Л.С.: Образ просвещения как «последнего бастиона» — это хороший, правильный образ. Действительно какая-то новая сейчас легла на него нагрузка, и такое ощущение, что просвещение вдруг начинает действовать в условиях какой-то невероятной тьмы. Может быть, просвещение — это некая глобальная миссионерская история XXI века.

О.Г.: А почему все-таки так получилось? Есть очень простая схема — пирамида Маслоу: когда человек удовлетворяет базовые биологические потребности, у него появляются более высокие. Сейчас человечество живет в условиях, когда нет угрозы мирового голода, в отличие от, например, XV века.

Просвещение сегодня должно рассказывать обществу о рисках, которые его ждут и которые оно создает своими руками. Сегодня это актуально как никогда.

Л.С.: Ну, миллиард, допустим, по-прежнему голодает.

О.Г.: Это, как я называю, логистическая проблема: почему мусорки из американских супермаркетов нельзя доставить в Африку. А переход на следующую ступень пирамиды Маслоу не происходит.

Г.Э.: Значит, есть ошибка в основании.

О.Г.: Гипотеза была неправильной?

Г.Э.: Гипотеза была неправильной, ведь одна из основополагающих гипотез всего этого развития — что если мы освобождаем народ от тяжелого физического труда, то у него появится больше времени для интеллектуального роста. А он почему-то в это свободное время не хочет интеллектуально расти, он предпочитает развлекаться. Книжки он в это время не читает, ничем серьезным он не занимается, значит, гипотеза неправильная. Вы сначала менталитет народа измените, потому что те люди, которые хотят просвещаться, они будут ночами после работы просвещаться.

Л.С.: Возвращаемся к тому, что просвещение должно быть модным. Сегодня потребности у людей удовлетворены, вы правильно говорите об этой самой пирамиде, но бизнесу по-прежнему нужны деньги зарабатывать. Мировому капитализму нужны деньги, прибыль любой ценой. И чем он занимается? Он создает новые потребности. И просвещение сегодня конкурирует с этими потребностями. Нам нужно думать, как просвещение должно создать потребность человека в удовольствии от того, что он пользуется своим умом, своим разумом, от того, что он много знает, и не просто знает, а у него это в оперативном управлении. Мы конкурируем с мировой системой, которая хочет извлекать деньги из всего. Это непростая история. И кризис, в который

вошло человечество, — это следствие экономической системы, ничего не поделаешь.

СОВРЕМЕННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Г.Э.: Все может измениться, конечно. Сейчас мы Советский Союз немножко подзабыли, но, по моим прикидкам, будет ренессанс коммунистической идеи, потому что коммунистические идеи привлекательны, особенно для молодежи. Свобода, равенство, братство. А что? Все равны, каждому по потребностям, от каждого по способностям, это красиво же, так ведь? Привлеченная этой идеей молодежь начнет бунтовать, тем более что она сейчас действительно от власти отгорожена. Капиталистическая система может и рухнуть. Что бы там ни говорили про коммунистическую пропаганду, на самом деле тот рывок с точки зрения просвещения и образования, который был в 20-е годы XX века сделан, действительно был мощный.

Л.С.: Мне кажется, что сегодня у просвещения появились новые возможности, как у всего остального, те же самые цифровые технологии, скорость распространения информации, возможность создавать неформальные объединения — виртуальные, реальные, какие угодно. И мне кажется, просветители должны использовать этот инструментарий.

О.Г.: Этот же инструментарий используют люди из сферы, которую принято называть лженаукой. Сегодня тут даже два параллельных процесса идет. Первый процесс — это действительно цифровые технологии, которые позволяют любую идею на неограниченную аудиторию распространить. Второе — это тоже касается цифровых технологий: человек может замкнуться в информационном пузыре. То есть, если у меня в Facebook среди друзей только антиприви-

вочники, значит, все вокруг меня антипрививочники, хотя по факту это не так. С этим как бороться? Человек, который верит в то, что ГМО испортит его жизнь напрочь, что у него родятся трехногие, шестиногие дети, он из своего информационного пузыря не выберется. И он будет постоянно получать доказательства своей точки зрения.

Л.С.: Цифровые технологии, конечно, облегчают и ускоряют распространение ложного знания. Мне очень часто присылают какую-нибудь «цитату» Эйнштейна на его портрете: «Представляешь, что Эйнштейн-то сказал — прямо в точку!» Я говорю: «Эйнштейн этого никогда в жизни не говорил». Все, что говорил Эйнштейн, уже разложено, описано, издано. С этим очень трудно бороться.

Значит, тем более мы должны
продолжать – не отступать, развивать
критическое мышление и здравый
смысл, чтобы не было этой тупой веры
во все, что ты прочитал.

Г.Э.: На самом деле, большая часть из того, во что вы верите — это подтасованные цитаты, особенно в том, что касается науки. Люди этого не говорили, это потом напридумывали, вложили им эти фразы в уста, а они часто говорили диаметрально противоположное, но с точки зрения образования надо, чтобы они сказали именно так.

Л.С.: Тут, правда, есть и другой аспект. Безумные идеи, которые признавались безумными, потом двигали цивилизацию, становились прогрессивными историями. Истина рождается как ересь и умирает как заблуж-

ждение, так работает наука, так устроен мир, никуда не денешься. Мне кажется полным безумием тратить время и ресурсы на борьбу со лженаукой. Эти деньги надо тратить на просвещение.

О.Г.: В начале нашей беседы был вопрос о некоем универсальном наборе качеств или каких-то навыков, которые отличают образованного человека от человека, который не хочет быть образованным. И в течение всей беседы я для себя вычленил два навыка, которые, наверное, можно в этот список внести. И у меня вопрос: можно ли или нет? Это здравый смысл и критическое мышление.

Г.Э.: Да.

Л.С.: Да, потому что это говорит о том, что человек умеет думать и, похоже, получает от этого удовольствие.

Истина рождается как ересь и умирает как заблуждение, так работает наука, так устроен мир, никуда не денешься. Мне кажется полным безумием тратить время и ресурсы на борьбу со лженаукой. Эти деньги надо тратить на просвещение.

2015/16 ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ГОД ✨

Все, что с вами происходит, реактивируется в вашем мозге, но по чуть-чуть. А в случаях, когда вы на это начинаете обращать внимание, в какой-то другой режим переходит работа этой сети, и мы называем это состояние сознанием.

Ольга Сварник

Обучение – ЭТО ИЗМЕНЕНИЕ ПОВЕДЕНИЯ

Ольга Сварник
эксперт Школы «Репное»,
кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник
лаборатории психофизиологии
им. В.Б. Швыркова Института
психологии РАН

Елена Денежкина
выпускница Школы «Репное»
2016–2017 просветительского года,
руководитель отдела торгового
маркетинга «Пепсико Холдингс»

Елена Денежкина

Родилась 08.06.1981. Закончила экономический факультет ВГУ. Имею кристальную трудовую биографию: училась маркетингу и всю жизнь работаю в этой сфере. Я человек победившего киберпанка 80-х, сражаюсь на стороне корпораций в войне за новые рынки. Как и любой образованный советский ребенок, я очень надеюсь на робо/зомби/ядерный апокалипсис и рассчитываю, что изоляция из-за коронавируса как-то приблизила нас ко всему этому. Про «Репное» я слышала давно от разных знакомых, но поступить все время не доходили руки, поэтому решила провести разведку местности мужем. Муж по результатам разведки пропал. Эксперимент оказался удачным, и решила пропасть сама.

Ольга Сварник

Родилась 26.02.1974 в Москве, в 1991 году там же окончила 199-ю школу. 1996 г. – окончила Southern Oregon University (США) со степенью бакалавра психологии, а затем в 1998 году и Республиканский центр гуманитарного образования (университет), в 2001 – аспирантуру Института психологии РАН. Защитила диссертацию «Формирование индивидуального опыта и его нейрогенетическое обеспечение: Экспрессия гена c-fos» (2003). Научную работу продолжила в лаборатории психофизиологии имени В.Б. Швыркова Института психологии РАН. Преподает на кафедре общей психологии в Институте психоанализа. Профессиональное кредо: истина не определяется голосованием.

СОЗНАНИЕ

НИКОМУ НЕ ПРИДЕТ В ГОЛОВУ ОСПАРИВАТЬ ТОТ ФАКТ, ЧТО ОБУЧЕНИЕ – ВАЖНАЯ И НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ РАЗВИТИЯ ЛЮБОГО ЧЕЛОВЕКА. А ПРОИСХОДИТ ОНО В МОЗГЕ – ПОЖАЛУЙ, ГЛАВНОМ ОРГАНЕ, КОТОРЫЙ ДЕЛАЕТ ЧЕЛОВЕКА ЧЕЛОВЕКОМ, И О РАБОТЕ КОТОРОГО МЫ ЗНАЕМ МЕНЬШЕ, ЧЕМ О ЛЮБОМ ДРУГОМ ОРГАНЕ. ГДЕ В МОЗГЕ НАХОДИТСЯ СОЗНАНИЕ, КАК МОЗГ ОБУЧАЕТСЯ, КТО ОПРЕДЕЛЯЕТ ПРЕДЕЛ ЕДИНОВРЕМЕННОГО ПОЗНАНИЯ НОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И, ГЛАВНОЕ, КАК ПРИМЕНИТЬ ВСЕ ТО, ЧТО МЫ УЗНАЕМ О МОЗГЕ, К РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ? ОБ ЭТОМ ПОБЕСЕДОВАЛИ ПСИХОФИЗИОЛОГ ОЛЬГА СВАРНИК И МАРКЕТОЛОГ ЕЛЕНА ДЕНЕЖКИНА В РАМКАХ СЕРИИ БЕСЕД «ЭКСПЕРТ-ВЫПУСКНИК «РЕПНОГО», ПОСВЯЩЕННОЙ 10-ЛЕТИЮ ШКОЛЫ.

Елена Денежкина (Е.Д.): Когда говорим о мозге, мы его как бы от себя отделяем. Мы говорим: «мозг несовершенен» или «мой мозг не справляется». Или говорим «мое сознание». Не мешает ли нам это как-то познавать мозг?

Ольга Сварник (О.С.): Мешает, безусловно. Но если каждого, кто так говорит, вы потом спросите, почему, то либо он стоит на позициях, что мозг — просто приемник, и что он принимает что-то из космоса и все, либо он стоит на позициях «да, конечно, все в мозге, и я — это тоже в мозге». Но очень часто у многих почему-то это действительно проскакивает, и я всегда стараюсь с этим бороться, потому что, мне кажется, что это просто фантастически неверно.

Е.Д.: А мозг и сознание — это одно и то же?

О.С.: Да. В моем понимании, сознание рождается в мозге. Я вижу это знаете каким образом? Есть состояния, которые мы можем назвать сознательными и бессознательными. Например, я еду на машине, ем мороженое и разговариваю по телефону через Bluetooth. У меня три вида деятельности, которые я выполняю одновременно. Значит, если известно, что за каждым видом поведения, которые мы можем выполнять, за каждой деятельностью стоят какие-то свои ансамбли нейронов, то очевидно, что сейчас работают вот эти три, о которых я сказала. Но, когда я разговариваю по телефону, то я осознаю разговор и не осознаю, как я откусываю, ем мороженое и не осознаю, как я веду машину. Я отслеживаю все вещи, но я их не осознаю. Если ситуация на дороге меняется, например, вы видите какую-то серьезную опасность, то вы легко можете себе представить, как вы вдруг начнете осознавать все, что происходит на дороге, и тут же потеряете нить разговора. Получается, что-то в активности этих трех ансамблей, о которых я говорю, изменилось.

Я могла бы сказать: «Сейчас я концентрирую свое внимание на мороженом, на ситуации на дороге, либо на этом разговоре». Судя по тому, что нейронные сети специфичны относительно этой деятельности, я могла бы сказать, что сейчас у этой сети увеличивается частота генерации потенциалов действия. Все, что с вами происходит, реактивируется в вашем мозге, но по чуть-чуть. А в случаях, когда вы на это начинаете обращать внимание, в какой-то другой режим переходит работа этой сети, и мы называем это состоянием сознанием.

Теория Тонони об интегрированной информации говорит, что при этих состояниях возрастает сложность. Мне кажется сейчас, что это понимание о возрастающей сложности разделяется многими, кто занимается сознанием и считает, что физиологические основы здесь есть. Я не беру Аллахвердова — при всем уважении он психолог, и ему, по-моему, не нужно вообще никаких знаний о мозге, мозг для него отдельно, а вся психология — отдельно. Это, кстати, очень распространенная для психологов позиция: «Может быть, мозг нужен для того, чтобы детектировать, что человек голоден». Но среди всех остальных понимание, что сложность возрастает в эти моменты, кажется мне более-менее разделяемым. И один из моментов, на основании изменения которых возрастает сложность, это увеличение частоты генерации потенциалов действий.

Как я вижу, откуда берется сознание, если мы будем иметь эту возрастающую сложность в виду? Если мы достали нейрон из мозга или прямо кусочек мозга, положили в питательный раствор, там генерация потенциалов действия происходить будет. Это очень важно, что нейрон сам по какой-то причине генерирует потенциалы действия. Вероятнее всего, из-за множественности влияний на него глиальных клеток, других клеток, других нейронов и прочего. А если у нас нейроны объединены в мозге, то сложность их выше, понимаете? Их много, и они что-то такое создают.

Е.Д.: Сразу со всеми взаимодействуют.

О.С.: Да. Я вижу это следующим образом: представьте себе, что вы бросили камень в воду, и пошла волна. Что такое волна? Волна — это определенная организация активности ее молекул.

Е.Д.: Какое-то возмущение.

О.С.: Кто-то пошел вверх, кто-то пошел вниз, вы со стороны смотрите: «Ой, оказывается, это может называться волной». Теперь то же самое, может быть, можно сказать относительно нейронов. Есть какие-то состояния, когда их много, их активность, определенным образом организованная во времени и пространстве, вдруг рождает нечто, что мы называем сознанием. Сколько нужно молекул воды, чтобы возникла волна? Одна молекула — мало, и две молекулы — мало, я не знаю, сколько нужно, чтобы мы говорили о волне.

Е.Д.: Кажется, много.

О.С.: Может быть, то же самое приблизительно и с нейронами происходит, тогда мы могли бы говорить: «Смотрите, если мы возьмем какого-нибудь *C. Elegans*, это маленький червячок, у его гермафродитной формы 308 нейронов. И, может быть, этого недостаточно для процессов возникновения сознания».

Сознание — это определенная пространственно-временная организация активности. Тут еще важно, что когда все вместе начинают активироваться, возникает эпилепсия. Получается, мало сложности — плохо, слишком много — тоже плохо. Все в каких-то границах должно находиться.

Е.Д.: Мне кажется, в большинстве концепций того, где мы живем, есть что-то сложное, а есть кто-то,

кто этим управляет. В религии, где угодно. А то, что это, условно, само работает, мне лично тяжело воспринимать.

О.С.: Думаю, что в природе есть достаточное число примеров самоорганизации. Я не вижу здесь каких-то узких моментов в объяснении, учитывая вариации, которые возникают. То, что происходит вокруг нас, может с одной стороны быть названо довольно стабильным состоянием среды, а с другой стороны — очень изменчивым. Тут тоже зависит от вкуса. Но и в том, и в другом случае я не вижу каких-то сложностей для объяснения всего через самоорганизацию.

Е.Д.: А сам тезис о том, что, получается, сознание пытается разобраться с сознанием?

О.С.: Я не знаю, почему всегда это казалось каким-то узким моментом. Вселенная кажется мне фантастически организованной. И, может быть, с течением лет мы будем понимать, что она еще более сложно организована, чем то, что мы себе представляем. Мы не знаем, с чего это все началось, что было до начала, что это такое — быть до начала. Появление живого или, может быть, существование живого как антитеза к неживому — может, это всегда было. Я не специалист, конечно, в физике, но тезис, что мозг как прибор с ограниченной сложностью не может понять ничего такой же сложности, кажется мне неясным. Я не вижу здесь ограничений. Ну, хорошо, ладно, давайте будем не наш мозг понимать, а *C. Elegans* или гидру возьмем.

Е.Д.: И вроде уже становится как-то проще.

О.С.: Если мы гидру поймем, то будет уже хорошо. И, кстати, из гидры очень интересная вещь получилась. Она простенькая, она может висеть или стоять,

Ольга Сварник

О нейронах

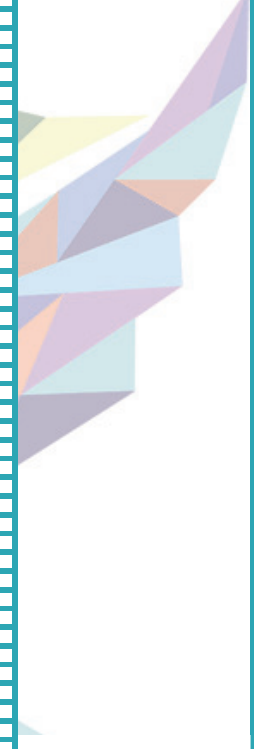
О мозге читающем

О памяти и сознании

Нейрофизиолог Александр Каплан
О прямом контакте с мозгом

прикрепившись, потреблять что-то из питания, она может свернуться, может развернуться и покачиваться. Условно говоря, хватит пальцев на руках, чтобы пересчитать. Может, она, конечно, при этом философствует, я не знаю, но выглядит, во всяком случае, таким образом. И оказалось, что для каждого из этих видов поведения есть своя сеть нейронная, и они не пересекаются. Это тоже фантастически интересный вопрос. У людей очень много наслоений и пересечений: образность, ассоциации — мы вспомнили одно и тут же вспомнили другое. Есть переход свободный между всеми этими сетями за счет нейронов, которые вовлечены во много чего сходного. Судя по всему, гидра так не может. И тогда получается, что, может быть, это еще один параметр, по которому мы можем говорить о том, что гидра не осознает, а мышка осознает. Это все научные гипотезы, которые могут быть протестированы.

и того же случая изменилась за эти сто лет, которые прошли с момента несчастья, которое с ним случилось.

Е.Д.: А можно ли утверждать, что нарушения, которые произошли в его мозге, повлияли на его личность, что личность стала, условно, другой? И если можно так говорить, то второй вопрос. Есть мнение, что мы хорошо относимся к людям, которые на нас похожи, и хуже — к тем, кто на нас не похож. И истоки таких понятий, как, например, ксенофобия, расовая дискриминация, находятся в голове. И тогда мы можем объяснить наше поведение и сказать: «Раз это в голове и так сложилось генетически эволюционно, значит, это нормально». Оправдать свое поведение физиологией.

О.С.: Подождите, мы же про все можем сказать: «Это мой мозг». И когда вы говорите о том, что есть опре-

Е.Д.: Кстати, тоже про сознание: есть очень много экспериментов с людьми, у которых повреждены какие-то части мозга, они, бывает, теряют память, а, бывает, например, у них меняется характер.

О.С.: Это Финеас Гейдж, очень известная история. Писали, что прямо изменился у него характер, личность поменялась, — писали вплоть до последних двадцати лет. Теперь все очень аккуратно пишут: «Дело было не в том, что личность находится у нас в лобных долях». Он нарушал социальные нормы, он всем хамил и, собственно, все. А в первой статье, где описан его случай, когда палка пролетела через его лобные доли, приводятся даже свидетельства его друзей. Через двоеточие написано: «Это не наш друг, мы его вообще не узнаем». Смотрите, даже интерпретация одного

деленные нормы в голове, — так они же складываются в процессе раннего онтогенеза, они же не просто так появились. Это какие-то мелкие взаимодействия, которые вы не помните, мама вам что-то сказала, папа вам что-то сказал, кто-то у вас был в классе и про него кто-то что-то сказал. Это из вашего опыта все складывается.

Е.Д.: То есть, это все-таки опыт.

О.С.: Это безусловно опыт. Нормы, о которых вы говорите, складываются постепенно в течение всего онтогенеза. Мои коллеги исследуют отношение детей к иным. И они получают очень любопытные данные относительно того, насколько постепенно созревает у детей понимание того, что если он не такой, как я, то у него все равно есть какие-то потребности. Это не было построено как специальное исследование, чтобы найти, откуда берется ксенофобия. Это просто какое-то естественное, судя по всему, развитие событий, что сначала свои — это семья, а потом это «свои» начинает увеличиваться, свои — это моя страна, свои — это вся Земля, мы все как бы живем на маленьком зеленом шарике. Вроде бы в естественной форме получается, что расширяется понятие «своего».

КАК МОЗГ УЧИТСЯ

Е.Д.: Что во время обучения с мозгом происходит?

О.С.: За любым обучением стоит формирование нейронных сетей. Тут довольно любопытные дискуссии идут относительно того, что, если у нас была сеть, например, связанная с тем, что мы рукой что-то можем брать, то когда мы научились брать не телефон, а рюмку с алкоголем, это та же нейронная сеть или другая? Дело в том, что у нас много новых нейронов в мозге, в том числе в коре. Дискуссии ведутся и по поводу того,

где образуются эти новые нейроны. Про гиппокамп и обонятельную луковицу знают практически все. Тогда вопрос: когда заканчивается активный нейрогенез, то есть активное появление новых клеток для обучения? Понятно, что количество испытуемых, у которых в мозге можно это посмотреть, не очень велико. Но здесь еще любопытно, что обнаруживаются новые нейроны и там, где мы их не ожидаем обнаружить. У нас есть всего два места, где видно, что из клеток-предшественников образуются новые нейроны, но нет пути, по которому можно проследить, как они в кору попадают. Когда эмбриогенез идет, это видно: вот они поделились, ползут, как по тропе, по радиальной глии, перемещаются, приходят в кору, выстраиваются, формируют связи. На средних этапах онтогенеза мы этого не видим, эта тропа полностью исчезает. В обонятельной луковице видно, как идут туда молодые нейроны, а этих нет, которые в кору, но при этом в коре мы тоже находим какие-то вдруг нейроны, которые явно не имели какой-то специфики. И не так давно, несколько лет назад была серия работ, которые показывали, что, может быть, есть такие нейроны, которые проходят во время эмбриогенеза по всем местам в коре, в подкорке, но что-то их тормозит, и они не встраиваются в существующие сети, они — как бы недоделанные нейроны.

Е.Д.: Как про запас?

О.С.: Да, это называют «арестованным развитием». Пришел такой молодой нейрон, посмотрел и решил: «Да ну, не хочу я с вами ничего». И он остается как бы молодым нейроном. И когда в работах со взрослым нейрогенезом вдруг обнаруживается молодой нейрон, который непонятно как сюда попал, это становится экспериментальным свидетельством в пользу арестованного развития этих нейронов. В науке же нельзя ничего доказать, можно только свидетельствовать

в пользу чего-то. Мне кажется, эта гипотеза вполне может существовать, и тогда получается, что бы мы нового не делали, какое-то небольшое число нейронов новых добавляется. Если я умею брать бокал с вином, то я фактически могу брать любой бокал в любой точке пространства. Это, наверное, все-таки не формирование нового поведения. Но если этот бокал будет какой-то другой принципиально, может быть, по размеру мне не удастся его схватить, то тогда получится, возможно, что для этого нужны и новые нейроны, чтобы дополнить существующие группы.

Е.Д.: То есть вопрос в том, насколько сильно это изменение в отличие от того, что ты знаешь?

О.С.: Да, мне кажется, что это именно так. И опять же, технически сложно проследить за судьбой многих нейронов в течение какого-то длительного промежутка времени, и это нас сильно ограничивает в понимании того, как проследить судьбу какой-то отдельной нейросети, ансамбля или группы нейронов. Мы отдельно

собираем факты, они укладываются в ту картину, которую я вам нарисовала сейчас. Если вы меня сейчас спросите: «Это доказано?», я скажу: «Нет». Потому что для того, чтобы это доказать, нужно взять нейрон в эмбриогенезе, пометить его и за ним всю жизнь следить и увидеть: вот он был в такой-то сети, потом в сеть добавилось вот это, а он теперь еще и здесь специфично себя ведет, но вот его сеть, она расширяется, и мы видим, как.

Чисто теоретически можно сделать такой эксперимент, но пока никто его не сделал, когда сделают, можно будет говорить «наука доказала».

Е.Д.: А насколько велика разница в обучении между молодым мозгом и более взрослым? Не секрет, что чем старше человек, тем сложнее ему учиться, тем больше усилий это требует. Этот особенно заметно, когда новый язык одновременно начинают учить ребенок и взрослый.

О.С.: У нас есть сенситивные периоды. В какой-то момент мы очень чувствительны к языкам, и эта чувствительность, судя по всему, постепенно закрывается. Все маугли обнаруженные показывают, что можно в более позднем возрасте научиться языку на уровне 200 слов, но не овладеть языком в полном смысле. Это экспериментальные данные, поставленные природой. А почему существуют вообще такие чувствительные периоды, что происходит у нас в мозге? Можно предположить (но, опять же, никто такого эксперимента не ставил с людьми), что дело в связанной с возрастом биохимической активности нейронов. Предположим, есть группа нейронов, которая должна отвечать за множество вариантов речевого поведения. Эти нейроны складываются друг с другом в какие-то пространственно-временные отношения из-за того, что у них есть определенные гены. А что такое гены? Это же не просто шкаф, в который положили инструкцию — и все.

В каждой клетке все время идут биохимические процессы, как бы друг друга запуская. Клетка никогда не спит, и нейроны в том числе, вся жизнь клетки — это последовательность биохимических превращений.

Получается, что и нейроны эти отображены таким образом, что у них именно в этот момент есть готовность к созданию таких групп, а дальше их жизнь биохимическая уходит из этих процессов, и они уже не могут составить эти группы.

В отношении языковой деятельности мы можем говорить, что дети в этом смысле приспособлены лучше, потому что у их клетки, в частности у их нейронов такая биохимическая сейчас активность, которая готова сформировать эти нейронные сети. Это кто-нибудь показал? Нет. Можно это показать? Я не знаю. С человеком мы такие эксперименты ставить не можем, как вы понимаете.

Е.Д.: А можем ли мы как-то эту биохимическую активность реанимировать?

О.С.: Можем ли мы нейрон в его истории жизни вернуть назад так, чтобы он опять стал тем нейроном, которым был раньше? Чисто теоретически — может быть. Мы знаем эти подробности его биохимии? Не знаем.

ПОЧЕМУ МОЗГ ХОЧЕТ УЧИТЬСЯ

Е.Д.: А если говорить не только о языке, но об обучении в широком смысле?

О.С.: А здесь как раз получается, что наш мозг, как мне кажется, устроен таким образом, что он все время

просит новизны. Поскольку все время возникают эти новые нейроны, они по своим характеристикам электрическим легко возбудимы, и получается, что они сами как бы все время «влезают». Но тут же вопрос, кто вместе заактивировался? А они все время лезут и лезут и мешают таким образом существующим сетям, как бы автоматически их дополняя. И мы фиксируем за счет этого все изменения, которые происходят. И вы ничего с этим сделать не можете, если только вы их специально не будете убивать, например, с помощью хронического употребления алкоголя. Мозг сам все время ищет новизну и сам ее выхватывает, и она у всех своя, всем разное интересно. А что такое интересно? Вы все время хотите узнать какую-то еще новую информацию, вы растите свои сети, и, чем больше вы это делаете, тем это нормальнее для мозга.

Е.Д.: И наверное, не имеет значения, что это за информация, то есть вот важен сам факт новизны?

О.С.: Да, согласно всему тому, что я знаю, что это абсолютно не важно. Один человек разбирается в птицах

В отношении языковой деятельности мы можем говорить, что дети в этом смысле приспособлены лучше, потому что у их клетки, в частности у их нейронов такая биохимическая сейчас активность, которая готова сформировать эти нейронные сети.

и может по одному перу их определить. Я не могу. Я могу только ворону от воробья отличить, хотя я работаю над собой, у меня кормушка, я специально по определителю определяю всех птиц, но мне приходится все время звонить зоологам. Это мне дается с трудом. Я знаю многих людей, которые не могут этого делать, но они могут делать что-то свое. Например, мои знания о мозге существенно больше, чем ваши, мне это интересно, у меня такие совокупности генов, что они заставляют мои нейроны складываться именно таким образом. И я в этом ищу новизну, это нормальное функционирование моих клеток головного мозга. А каждый ищет в чем-то своем — если не использовать, еще раз, какие-то химические потенциально опасные вещи, которые не нужны мозгу.

Е.Д.: А почему у людей возникает потребность в какой-то момент получить «образование после образования», получить актуальные знания? У одних возникает, у других — нет. Что в мозге в этот момент происходит?

О.С.: Есть хорошая корреляция между числом лет, проведенным в получении образования, и вероятностью получить болезнь Альцгеймера, например. Никто не знает, почему эти нейроны начинаютдохнуть. Получается, что вероятность возникновения состояния, которое заставляет их умирать, снижается, если вы все время учитесь, если вы все время заставляете свои сети расширяться.

Е.Д.: То есть мы их так тренируем.

О.С.: Получается, вы их наращиваете все время. Это более-менее всеми разделяется, это лежит в основе обучения. Чтобы подтвердить это, мы должны взять нейронные сети, которые вы наращиваете и которые вы не наращиваете, и посмотреть, какие характери-

стики изменяются у этих нейронов, когда вы наращиваете ту сеть. Кто-нибудь это показал? Нет. Можно это показать? Чисто теоретически — да, но пока все, что мы сейчас обсуждаем — это предположения, основанные на небольших кусочках мозаики.

КАК УСВАИВАЕТСЯ НОВОЕ ЗНАНИЕ

Е.Д.: А может ли считаться то, что мы в Школе «Репное» прослушали лекции, обучением?

О.С.: Безусловно. Обучение — это изменение поведения. Вас, например, спрашивают: «Что может делать

нейрон?». Вы до этого говорили: «Не знаю», а теперь вы говорите: «Нейрон генерирует потенциалы действия». Ваше поведение изменилось, вы этого не знали, а теперь вы это знаете. Это новая информация? Да. Это для мозга полезно? Исходя из корреляций, о которых я, например, говорила по поводу болезни Альцгеймера, это полезно.

Е.Д.: Это если я запомнила. А если я просидела со стеклянными глазами на лекции, а потом вышла и сказала «О, класс, я побывала на лекции!». Меня спросили, что делает нейрон, и я сказала: «Э-м-м-м».

О.С.: Да, хорошо, соглашусь, но, в моем понимании, информация имеет смысл только с понятием рецептента. Это отдельный вопрос, что кто смог взять. Если кто-то был на моей лекции второй раз, ему уже было, за что зацепиться. Если эта сеть состоит из трех нейронов, то я к ней могу максимум еще два доцепить, и вы запомните, что у нейрона, например, есть такие нейроны, у которых нет дендритов, а есть только аксон, а есть, наоборот, те, у которых только дендриты, а аксон не обнаруживается. И все. Чем больше я выдаю информации, тем у вас больше рассогласование в мозге, все эти паттерны активности смешиваются, вы не можете ничего запомнить. Из-за биохимических ограничений того, что происходит в нейронах при обучении, есть очень четкая граница, определяющая, сколько нового мы можем сегодня записать, и сверху вы уже ничего не поместите туда.

Е.Д.: Ограничение по количеству полученной информации.

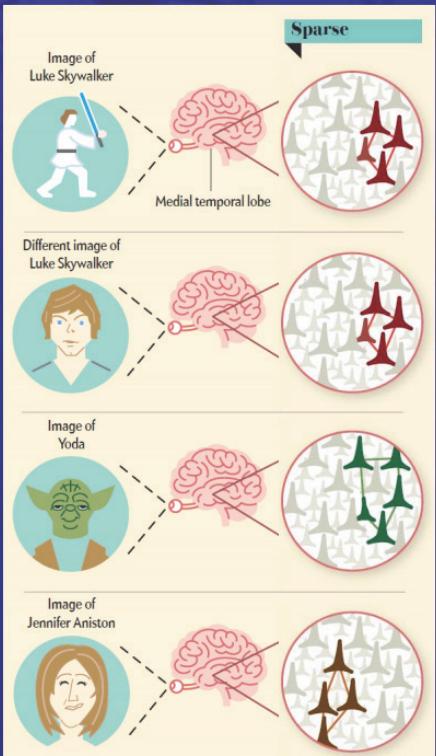
О.С.: А информация, обратите внимание, для каждого будет своя.

Е.Д.: Я на работе сейчас занимаюсь в том числе и обучением. Тренинги и очные сессии мы трансформируем в зависимости от усвоения информации и закономерностей обучения. Сокращаем общее время встреч, чередуем деятельность: теория, игры, онлайн вебинары и т.д. Но это внутри компании. А как вам кажется, возможно ли учесть эти особенности мозга и внедрить их в какую-то рабочую модель общеобразовательного обучения или высшей школы?

О.С.: Много исследований есть на эту тему, все в один голос говорят: «Нам надо все делать по-другому». Через 5 минут после начала получения новой информации идет изменение экспрессии генов, матричная РНК детектиру-

Из-за биохимических ограничений того, что происходит в нейронах при обучении, есть очень четкая граница, определяющая, сколько нового мы можем сегодня записать, и сверху вы уже ничего не поместите туда.

Весь наш опыт – группы нейронов

Rodrigo Quiroga, a native of Argentina, is professor and head of the Bioengineering Research Group at the University of Leicester in England. He is author of the recently published *Borges and Memory: Encounters with the Human Brain* (MIT Press, 2012).

Itzhak Fried is a professor of neurosurgery and director of the Epilepsy Surgery Program at the U.C.L.A. David Geffen School of Medicine. He is also a professor at the Tel Aviv Sourasky Medical Center and Tel Aviv University.

Christof Koch is professor of cognitive and behavioral biology at the California Institute of Technology and chief scientific officer at the Allen Institute for Brain Science in Seattle.

Quiroga et al., 2013

ется в нейронах, через полчаса первый белок появляется, через полтора часа происходит максимум этих изменений в нейронах, и необходимо перераспределять эту информацию в течение дня, чтобы это соответствовало тем знаниям, которые мы имеем. Об этом говорят все, о необходимости этого, но на уровень школ это не доходит.

Е.Д.: А как сделать — неизвестно?

О.С.: Да. Есть статьи о том, как это можно было бы сделать с помощью междисциплинарности. Изучать природные явления через стихотворения, например. Но это фантазии автора, она говорит: «Было бы здорово так делать». Но она же не стала проводить такие уроки и не показала, что теперь те, кого учили вот так, теперь это лучше помнят явления природы. Кажется, что междисциплинарность очень важна и интересна, потому что она сразу создает пересечения между множественными группами. Но сами учителя, как я понимаю, не могут так учить и желания такого не имеют. Географ и учитель литературы не смогут договориться между собой о том, как вести такое обучение. Может быть, постепенно как-то можно было бы это изменить — отслеживать, например, сколько новой информации выдано, сколько времени проходит между блоками новой информации в течение дня.

Многими экспериментальными исследованиями в вузах показано, что если мы разобьем обучение тестами, то дети гораздо лучше все запомнят. Но никто не внедряет эти тесты после каждого урока.

Е.Д.: Сложно внедрить, наверное, как и в случае с любой устоявшейся системой.

О.С.: Да, эксперимент — это всегда риск. Представьте, что вы создаете новую частную школу, обучение в которой будет проходить на основании каких-то интересных нейробиологических исследований. Вы родитель. Отдадите вы туда ребенка? Не уверена. Было же и в обычной школе неплохо, зачем нам, мало ли, что из этого выйдет.

Вы представляете, сколько времени должно пройти, чтобы хотя бы где-то такие подвижки случались? И только лет через 150 это можно будет проанализировать. Мне кажется, что интереснее и реальнее было бы попробовать какие-то экспериментальные занятия в частных детских садах. И последствия не критичные — нет опасности, что кто-то ЕГЭ не сдаст, к примеру. Последовательность предметов тоже очень важна — например, после математики лучше заходит литература. Здесь много интересных вопросов. А эксперимент нужен: те вещи, которые нам кажутся очень логичными, могут не подтверждаться экспериментальными исследованиями. Или они могут не подтверждаться в ста исследованиях, а сто первое покажет, что мы не тот параметр смотрели.

Е.Д.: Кстати, об экспериментальных данных. Есть такое предположение, что у врачей и ученых вырабатывается черствость к объекту исследования. У вас как с людьми? Вы чувствуете нечто подобное или нет?

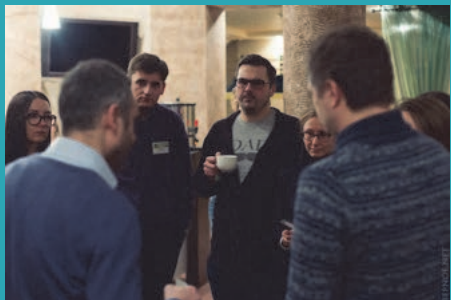
О.С.: Я к людям без энтузиазма отношусь. Честно сказать, я с гораздо большим энтузиазмом отношусь к собакам. Я, кстати, думаю, что за этим стоят определенные вариации генов. Никто это тоже не исследовал, а я все хочу предложить. У меня есть знакомые, которые занимаются анализом генетических вариаций, но не очень понятно, в каких генах искать. Вообще я с крысами много работаю. Есть ли у меня такое по отношению к крысам? Да, наверное. Мне пришлось

специально привыкнуть к этому, что ли. У меня есть свидетели, которые видели, как первый раз мне пришлось убить крысу, и я сейчас не хочу об этом вспоминать, но я рыдала где-то, наверное, месяц. Это действительно очень сложно.

С людьми был любопытный случай. Я всегда работала с животными, а потом начала делать аналогичные эксперименты на людях. И у меня был коллега, который занимался установкой электродов, он аспирантом был и всегда работал с людьми. И вот они сидят, играют в экспериментальную игру, и я поняла в какой-то момент, что я к ним отношусь как к своим экспериментальным крысам. Мне не приходило в голову, что он их спросит: «А как вы себя чувствуете, все нормально, да?». У меня прям в этот момент были какие-то несогласования, и я ловила себя на том, что мне бы не пришло в голову с ними даже разговаривать, как мне кажется, понимаете? То есть я действительно вижу их как объекты. И сколько мы с ним ни ставили потом таких экспериментов, я все время ловила себя на этом удивлении, когда он с ними разговаривал, хотя ничего такого особенного в этом нет, так положено.

Вселенная кажется мне фантастически организованной. И, может быть, с течением лет мы будем понимать, что она еще более сложно организована, чем то, что мы себе представляем.

2016/17 ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ГОД ✨

Русский язык сейчас переживает эпоху сознательных изменений. Это интересная, но немножко опасная вещь, потому что иногда мы меняем язык ради идеологии, против его естества.
Максим Кронгауз

Юлия Голубева
выпускница Школы «Репное»
2015–2016 просветительского года,
координатор фестиваля
«Читай-Болтай»

Максим Кронгауз
эксперт Школы «Репное»,
доктор филологических наук;
профессор, зав. лабораторией лингвистической
конфликтологии
НИУ ВШЭ; профессор,
зав. лабораторией социолингвистики
Института лингвистики РГГУ

Нужно ли спасать русский язык и от кого

2010-
2020

[к содержанию](#)

Юлия Голубева

Родилась я на Украине в городе Снежное Донецкой области. Жила там до 11 лет, после чего семья переехала в Воронеж. В детстве проявляла склонность к творческим занятиям. Закончила истфак ВГУ, а спустя несколько лет — президентскую программу по специальности «Управление персоналом». Истфак научил меня складно и долго говорить, даже когда нечего сказать по существу, а президентская программа показала, что лучшее образование не академическое, а то, которое получаешь на рабочем месте. Обучение в «Репном» привлекло меня к социальной деятельности. Сейчас я помогаю делать один из социальных проектов Школы — книжный фестиваль «Читай-Болтай».

Максим Кронгауз

Родился 11.04.1958 года в Москве. Сын советского поэта Анисима Максимовича Кронгауза (1920–1988). Известный лингвист, признанный эксперт в области русского языка и образования. Автор популярных статей о русском языке, лингвистике и образовании в бумажных и электронных СМИ, активный участник публичных общественных дискуссий на радио и телевидении. Работал в качестве приглашенного исследователя и профессора — в университетах Франции, Германии, Италии, Австрии, Эстонии, Финляндии, США и Китая. Лауреат премии «Просветитель». Автор научных монографий, учебников и статей, а также детских книг.

ГРАМОТНОСТЬ

ЯЗЫК – ИНСТРУМЕНТ, ТАК ИЛИ ИНАЧЕ ПРИМЕНЯЮЩИЙСЯ ЧЕЛОВЕКОМ ВО ВСЕХ СФЕРАХ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ВОЗМОЖНО, ИМЕННО ПОЭТОМУ ОН ДОВОЛЬНО ЧАСТО СТАНОВИТСЯ ПРЕДМЕТОМ РАЗЛИЧНЫХ ДИСКУССИЙ. ОБСУЖДАЮТ ЧИСТОТУ ЯЗЫКА, ЕГО ИЗМЕНЧИВОСТЬ, СТИЛИ, ЯЗЫКОВЫЕ НОРМЫ. ПОРОЙ СПОРЫ ПРИВОДЯТ СОБЕСЕДНИКОВ К НЕПРИМИРИМЫМ ПОЗИЦИЯМ: ОДНИ ХОТЯТ ДАТЬ ЯЗЫКУ ПОЛНУЮ СВОБОДУ, ДРУГИЕ – СПАСАТЬ ЕГО. В РАМКАХ ПОСВЯЩЕННОЙ 10-ЛЕТИЮ ШКОЛЫ «РЕПНОЕ» СЕРИИ БЕСЕД ФОРМАТА «ВЫПУСКНИК-ЭКСПЕРТ» МЫ ПОГОВОРИЛИ О ТОМ, КОМУ МОЖНО ГОВОРИТЬ НЕГРАМОТНО, КТО И КАК ВОЗДЕЙСТВУЕТ НА ЯЗЫК, ПОЧЕМУ ОН МЕНЯЕТСЯ И НУЖНО ЛИ ЕГО СПАСАТЬ.

ОТ КОГО СПАСАТЬ РУССКИЙ ЯЗЫК

Юлия Голубева (Ю.Г.): Максим Анисимович, я к вам, что называется, пожаловаться. На своего папу, у нас проблема отцов и детей.

М.К.: Она у всех.

Ю.Г.: Наша проблема выражается именно в сфере русского языка. Папа в последнее время стал очень шепетильным к языку, к словам, которые мы используем в своей речи. Вплоть до того, что он запрещает говорить слово «красивый», потому что, по его мнению, понятия объективной красоты не существует. И таким образом слово «красивый» он из русского языка исключает как некорректное, потому что у каждого свой взгляд на прекрасное.

М.К.: Жесткий папа.

Ю.Г.: Очень жесткий папа. Его и сленговые слова очень сильно тревожат. Например, слово «крутой» в 90-е означало одно: человек, которого стоит бояться. Сейчас слово «крутой» используется как...

М.К.: Просто положительная функция.

Ю.Г.: Да, оно стало почему-то хорошим. В папиной картине мира эта трансформация языка не происходит, он считает, что это что-то страшное, от чего необходимо избавиться, вырезать, забыть об этом и бороться за чистоту языка. Я задаю вопрос: «За чистоту какого языка ты хочешь бороться? Где тот самый чистый русский язык? У кого он? Слово «абажур» тебя не смущает? «Пюре», «автомобиль»? Это ведь не русские слова».

М.К.: Ваш папа еще и против заимствований?

Ю.Г.: Он не совсем последователен, потому что слово «абажур», как оказалось, его не смущает, а слово «девайс» — смущает, слово «фьючерс» — тоже. То есть, те заимствования, которые происходят на его глазах. Я бы хотела ваше мнение узнать — надо ли спасать русский язык и от кого?

М.К.: Мне кажется, что это более или менее естественное состояние немолодого человека, который вырос в условиях более или менее стабильного языка. Сколько лет вашему папе?

Ю.Г.: Ему 70.

М.К.: То есть ему в начале 90-х было, соответственно, 40, он сформировался как языковая личность до перестройки. И для таких людей язык, конечно, гораздо более постоянный, стабильный, он — организм, инструмент, можно по-разному называть. Людей такого возраста безусловно раздражает очень зыбкая языковая среда следующих десятилетий, так что это психологически совершенно понятная вещь. Но мы живем в меняющейся реальности, как это ни трудно осознать или, скорее, признать людям старше определенного возраста. В 1985-ом мне было 27 лет, я тоже, в общем-то, сформировался до перестройки, так что отношусь к моим ровесникам с пониманием. Но подобная позиция — это все же выпадение из языковой реальности, потому что, конечно, язык не остановить.

Язык меняется параллельно и вместе с меняющимся миром, и тут спасти русский язык — именно в этом смысле, то есть заморозить его, — невозможно. Это значит сделать его мертвым.

Но то, что вы сказали про «красивый» — это еще дополнительная какая-то характеристика, когда носитель русского языка очень внимательно рассматривает слова и от каких-то отказывается. Есть бесконечные споры о том, можно ли говорить «эпицентр», «в эпицентре взрыва», потому что «эпицентр» означает не «самый центр», а «вокруг». Или можно ли говорить «цифра» в значении «число». Есть такой подход придирчивый, человек выбирает в качестве жертвы отдельные слова и уличает их в неточности, это немножко другая идея. Понятно, что язык не столь строг, как хотелось бы, особенно математикам. Это попытка измерить его какими-то логическими методами, что не всегда подходит. В языке действительно иногда закрепляются вроде бы нелогичные и слова и выражения.

Ю.Г.: Запрещает мне говорить: «Я 100 лет назад это делала».

М.К.: Конечно, конечно. В языке очень много неопределенности или приблизительности. «100 лет назад» — это же прекрасная метафора. И все мы понимаем, что это не 100 лет на самом деле. Или когда ребенок отказывается есть, ему говорят: «Все любят котлеты». Понятно, что не все, но это для языка очень свойственно: и преувеличения, и метафоры. И в этом есть определенная красота языка. Если мы его приземлим, заставим быть точным, язык очень много потеряет. Если условная борьба за чистоту — это скорее общая возрастная черта (хотя, конечно же, есть люди этого же возраста, которые принимают изменения, но их меньше), то математическая придирчивость к языку — это скорее черта характера, не очень связанная с возрастом. Это интересно, что в вашем папе совместились оба этих свойства. Но я думаю, что вообще главное, что есть интерес к языку, и наверное, всегда можно как-то поговорить и договориться.

Ю.Г.: Я предлагала ему смотреть лекции. Он спрашивает: «А сколько лектору лет?». И если эксперт оказывается недостаточно взрослым для него, он говорит: «Увы, я человеку такому молодому не могу доверять».

М.К.: В целом, это же правильно. Я бы сказал, что у вашего папы такой личный подход к языку. Кто-то вообще не обращает на язык внимания — говорит и говорит, а здесь попытка понять, которая часто приводит к недовольству. Но, конечно, если мы пытаемся говорить объективно, то язык спасать не надо, в этом смысле он развивается в соответствии с реальностью.

КТО И КАК ВОЗДЕЙСТВУЕТ НА ЯЗЫК

М.К.: Сейчас наступила эпоха активного воздействия на язык. Если раньше власть пыталась менять язык, особенно государства тоталитарного типа, то сейчас

Но мы живем в меняющейся реальности, как это ни трудно осознать или, скорее, признать людям старше определенного возраста. В 1985-ом мне было 27 лет, я тоже, в общем-то, сформировался до перестройки, так что отношусь к моим ровесникам с пониманием.

общественные движения очень сильно воздействуют на язык. Политкорректность, которая сейчас докатилась и до русского языка, это уже сознательная его правка. И конечно, такие вещи желательно обсуждать, а не просто слепо копировать.

Ю.Г.: Вы имеете в виду феминитивы, например? Авторка, блогерка.

М.К.: И их тоже. Также есть правка, связанная с национальными и расовыми словами: можно ли говорить слово «негр» или нельзя? Эти бесконечные споры о том, что оскорбляет, что не оскорбляет, почему нельзя или можно говорить «гомосексуалист» и так далее — они очень обострились. Русский язык сейчас переживает эпоху сознательных изменений. Это интересная, но немножко опасная вещь, потому что иногда мы меняем язык ради идеологии, против его естества.

Ю.Г.: Но ведь в 20-х годах XX века с языком происходила похожая история.

М.К.: И видите, как легко все рассыпалось после перестройки? Даже от слова «товарищ», которое, казалось, уже вошло в плоть и кровь русского языка, мы отказались. Но как я уже сказал, разница в том, что раньше этим занималась только власть. Произошла революция, и власть отчасти сознательно, отчасти, может быть, нет, стала править язык. И эти правки — не все, конечно, — так или иначе прижились в языке на семь долгих советских десятилетий. Как только та власть, которая поддерживает изменения, ушла, язык тоже перестроился. Под давлением идеологии — неважно, политической или общественной, — изменения могут существовать, но как только язык освобождается от идеологии, он меняется обратно.

Ю.Г.: Таким образом, язык — это независимый организм, можно сказать, самостоятельный, который не является объектом воздействия, а является субъектом?

М.К.: Он является и субъектом, и объектом, я думаю. А правки иногда и удачные бывают. И давление бывает разное. Революционная власть настояла на том, что нельзя обращаться друг к другу «господин» и «сударь», а надо обращаться «товарищ».

А сейчас, например, у нас нет нейтрального обращения к незнакомому человеку. Но мы обходимся без такого обращения, говорим в этих ситуациях просто «простите» — привлекаем внимание, и этого достаточно.

Но иностранцы, конечно, недовольны. Француз приезжает и спрашивает: «Где аналог «месье»?» У нас его нет, но это наша история. Тут надо понимать, что за 70 лет ушли на дно обращения «господин», «госпожа», «сударь», «сударыня», и если в европейских языках они прошли определенную эволюцию от обращений высших классов до обычных, обыденных обращений, то у нас для этих обращений такого развития не было. Они исчезли, затаились, и когда их попытались вернуть, то выяснилось, что это не очень естественно. Когда ко мне обращаются «господин Кронгауз», я вздрагиваю.

Ю.Г.: А как вы думаете, что-то может измениться в этом отношении?

М.К.: Предсказывать трудно. Может, конечно, появиться какое-нибудь общественное течение, которое вынудит нас как-то обращаться друг к другу. Но пока я не вижу естественных причин, которые бы нас к этому подвигли, потому что вроде бы мы не очень страдаем без нейтральных обращений.

КОМУ МОЖНО ПИСАТЬ БЕЗГРАМОТНО

Ю.Г.: Чуть выше вы упомянули такое понятие как языковая личность. В этом смысле мне очень интересен феномен умного, эрудированного человека, который пишет неграмотно. Я смею предположить, что этот феномен может быть связан как раз с понятием языковой личности, которая сформировалась в определенный период и которой сложно меняться. Во-первых, мне интересно, почему так происходит, что просвещенные люди пишут неграмотно, откуда это идет, связано ли это с понятием языковой личности? Во-вторых, можно ли на это как-то повлиять?

М.К.: Разные могут быть причины, но я бы выделил одну, наверное, вневременную причину: отношение к грамотности в узком смысле слова, то есть к грамотности орфографической и пунктуационной. Многим кажется, что одно дело — владеть языком, разговаривать красиво, умно говорить, быть хорошим собеседником, а другое дело — это записывать. В самом факте записи есть такие как бы внешние по отношению к языку договоренности. Мы договорились писать «кОрова», а не «кАрова». Какая разница, если напишешь иначе? Главное, что тебя поймут.

Даже те профессионалы, которые занимаются каким-то письменным делом, например, журналисты, еще в советское время, я помню, относились с пренебрежением к грамотности. И замечательные журналисты, известные уже к тому времени, поступая на журфак МГУ, куда их звали, а им нужно было по каким-то причинам получить высшее образование, писали вступительные сочинения с огромным количеством ошибок. Принимали их или не принимали, я не знаю, но эти легенды о том, сколько ошибок делают лучшие журналисты страны в попытке получить высшее образование, которое в целом им не очень нужно, существо-

Максим Кронгауз

О речевом этикете

О русском языке в XXI веке, часть 1

О русском языке в XXI веке, часть 2

О языковых способностях и читательских практиках

вали. Так что это примета не только нашего времени, а некое пренебрежение к грамотности в узком смысле.

Ю.Г.: Может быть, потому что были какие-то стенографистки, которые записывали за умным человеком?

М.К.: Конечно, любой профессионал был окружен свитой: корректор, редактор, стенографисты и наборщики — люди, которые обслуживали его текст. И это позволяло существовать ему вполне комфортно, ведь в окончательном виде все получалось вполне грамотно. И это хорошо известное явление сегодня стало публич-

ным, потому что сегодня мы как раз общаемся с помощью письменного языка, мы видим, кто как пишет.

И выяснилось, что, действительно, очень многие интеллектуалы не очень владеют простейшими правилами даже орфографии.

Регулярно в моей ленте люди, занимающиеся интеллектуальным трудом, безусловно относящиеся к интеллигенции, пишут местоимения на «то» без дефиса. Указывать на это уже неприлично, так что они существуют вполне комфортно, совершая эти регулярные ошибки. Но ошибки прощаются, если человек талантлив, если человек в остальном владеет языком хорошо. Нам кажется, что это такая дополнительная и не основная по отношению к языку компетенция. Когда мы видим, как взрослые люди пишут, какие ошибки они допускают, мы понимаем, что обожествление советской школы — неверно, потому что люди, ходившие в советскую школу, все равно пишут неграмотно. Просто раньше за ними следили корректоры и все исправляли.

Ю.Г.: А если человек ощущает грамотность как не главное, что с этим делать?

М.К.: Я думаю, что ничего. Мы пережили целую эпоху в интернете, когда было модно искажать написание, пришли к более-менее естественному написанию, и выяснилось, что, действительно, средняя грамотность населения не очень высока. По меркам советской школы она низка. Но это не мешает огромному количеству людей общаться письменно. Фактически это означает, что надо пересмотреть школьное образование.

Ошибки прощаются, если человек талантлив, если человек в остальном владеет языком хорошо. Нам кажется, что это такая дополнительная и не основная по отношению к языку компетенция.

Если престиж грамотности не так высок, то надо все-таки уделять, может быть, больше времени другому типу владения языком, о котором в школе почти не говорили — умению излагать свои мысли так, чтобы их можно было понять, чтобы это было интересно. Оказывается, это важнее сегодня. Это не значит, что надо отказываться от орфографии и пунктуации: опыт искажения орфографии как раз показал нам, что читать такой текст довольно трудно. Но все же нам понятно, что главное во владении языком — не грамотность в узком смысле слова.

Ю.Г.: Мне это обидно слышать, я на самом деле из тех нехороших людей, кто может изменить свое отношение к специалисту, каким бы хорошим он ни был, если он пишет безграмотно какие-то элементарные слова. Если ты художник, к примеру, и пишешь «мольберт» через букву «а». Мне кажется, это просто недопустимо. У меня возникает ощущение, что грамотность воспринимается этими людьми как удел черни: мол, не барское это дело — грамотно писать. А если это те самые люди, которые формируют культуру и науку нашей

страны? Не приведет ли это к тому, что русский язык с точки зрения грамматики может трансформироваться в нечто не очень красивое?

М.К.: Я не думаю. Неграмотность разная бывает. Давайте в устную речь перейдем на секунду. Если собеседник говорит «звОнит», то мы его сразу начинаем презирать, он нарушил некое такое эталонное правило, так?

Ю.Г.: Я презираю всех, кроме своей мамы, маме я простила.

М.К.: Хорошо, да. Есть несколько ударений, которые мы в принципе не прощаем, разве что маме и папе. Но если человек говорит «обеспечЕние», а не «обеспЕчение», эта ошибка настолько ничтожна, что мы ее не замечаем. Если человек говорит «ихний», то мы уж точно этого человека всерьез как профессионала воспринимать не будем. Впрочем, если это, скажем, автомеханик, который чинит нашу машину, важнее, как он починит машину, а не как он говорит.

Дискуссия о том, можно ли быть хорошим профессионалом и писать-говорить неграмотно, в социальных сетях ведется постоянно.

Ю.Г.: Вопрос от моего папы: а можно ли быть хорошим государственным деятелем и при этом неправильно говорить?

М.К.: По-видимому, есть некоторые градации. Я уверен, что можно быть хорошей певицей или прекрасным художником и писать с большим количеством ошибок,

но когда мы переходим к профессиям интеллектуальным, это менее очевидно. Можно ли быть хорошим врачом и писать неграмотно? Наверное, можно, но все-таки от врача мы ждем большей языковой культуры. А на другом полюсе уже находятся, скажем, профессии, связанные с образованием. Можно ли быть хорошим учителем или профессором и писать неграмотно? Скорее нет. Если представить себе, что профессор в филологической области допускает такие ошибки, то его уже мы точно перестанем уважать.

Я один раз в социальных сетях видел дискуссию: глава департамента культуры правительства Москвы написал «т(ь)ся» то ли с мягким знаком там, где не надо, то ли наоборот, и тут же от него потребовали уйти в отставку: мол, не может возглавлять департамент культуры человек, который так пишет. Он попытался отшутиться, но его заклеямили, и на этом дискуссия закончилась. Через год его сняли, но я не думаю, что из-за этой ошибки.

Понятно, что человек, который делает государственную карьеру, не может быть совсем неграмотным – в особенности сегодня, когда есть имиджмейкеры, занимающиеся в том числе языковым портретом.

Но если мы посмотрим на нашу историю, то вспомним, что у нас были разные лидеры. И, скажем, Хрущев был не очень грамотным и позволял себе использовать грубые слова в публичной речи. Опять же, был он хорошим или плохим лидером...

Ю.Г.: Наверное, он был таким, какой был нужен в то время.

М.К.: Я не знаю, таким ли, какой нужен, или нет, можно оценивать по-разному, но вряд ли мы будем оценивать его по языку. Другое дело, что его язык был для него естественным. Он как ругался на трибуне, таким он и лидером был, то есть взрывным, резким, относительно отходчивым. По языковым портретам, скажем, Ельцина или Горбачева мы тоже можем судить о них, об их характерах, но едва ли их как политических деятелей можно судить по языку. Оба они не большие мастера слова, но язык их чрезвычайно любопытен.

Нам тогда было важнее, что эти люди отказались от бумаги с текстом, характерным для брежневской эпохи. Они стали говорить спонтанно, и, наверное, это было главным. И они были государственными деятелями, которые меняли судьбу нашей страны. Поэтому это вопрос о безупречной грамотности политиков немного не жизненный. Сегодня Путин, скажем, говорит абсо-

лютно грамотно, но иногда умело вставляет какие-то словечки, несколько снижающие речь. Он владеет таким приемом и использует его довольно эффектно.

Для общества и для избирателей важна не абсолютная грамотность политиков, а какие-то другие черты их речи, которые можно назвать яркостью, красотой, если хотите и если вы не возражаете против слова «красота».

Ю.Г.: Я — нет.

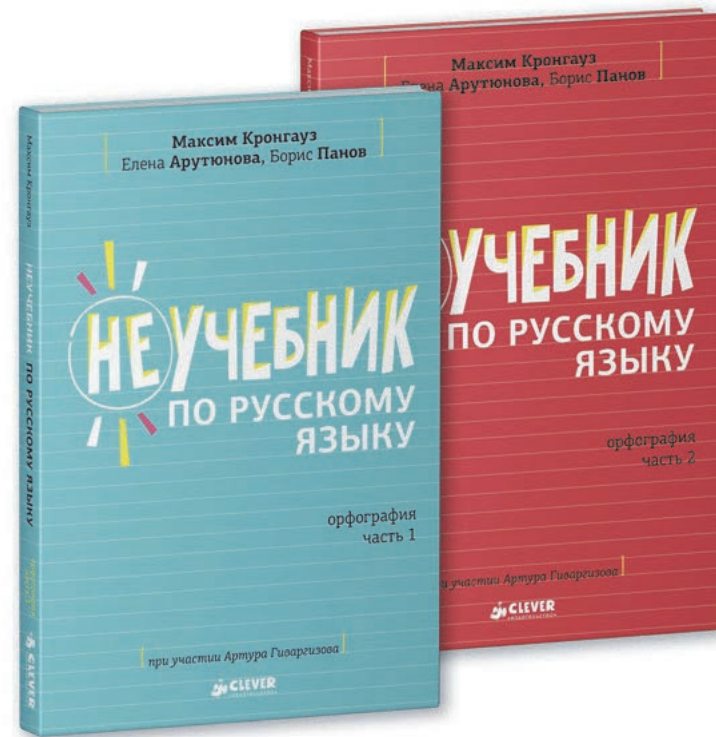
М.К.: И в письменной речи тоже, наверное, грамотность отходит на второе место, а важно содержание. Собственно, как сегодня поступают с грамотеями, которые придираются к чужим ошибкам? Им говорят «уходи, ты — троль». Мы разговариваем о чем-то важном, содержательном, а ты тут нам запятые расставляешь. Сегодня стало понятно, что людям важнее содержание, способ изложения содержания, но не грамотность в узком смысле слова. Я, опять же, ни в коем случае не призываю от нее отказываться, это же многовековая культура, но все-таки надо соотносить разные уровни владения языком и оценивать их важность.

УЧИТЬСЯ ПО НЕУЧЕБНИКАМ

Ю.Г.: А можно ли грамотность и умение писать без орфографических, пунктуационных и прочих ошибок привить в каком-то более старшем, не школьном возрасте? Например, человек учился в школе, ему русский язык был неинтересен, он считал, к примеру, что русский язык — это скучно. Потом он вырос, пришел в Школу «Репное», а здесь послушал Максима Ани-

симовича Кронгауза, других известных лингвистов, понял, что это интересно, что это важно, что ему хочется писать грамотно. Можно ли во взрослом возрасте этому научиться и как?

М.К.: Конечно, можно. Более того, взрослый человек этому учится не быстрее, но сознательнее, взрослый человек может понимать, почему ему предлагают писать таким образом. И в этом смысле надо взрослого человека учить, конечно, не по школьным учебникам. Мы пытались сделать такой неучебник по русскому языку, где чуть-чуть глубже объясняли правила.

Мы рассчитывали на детей, но взрослому нужен как раз более аналитический подход.

Я считаю, что врожденной грамотности не существует, но если это учить с детства, в школьном возрасте, то в какой-то момент грамотный человек перестает анализировать, почему он так пишет. Собственно, грамотный человек пишет автоматически. И поэтому выучившиеся орфографии и пунктуации в детском возрасте всегда более грамотны, чем учившиеся во взрослом возрасте. Для первых это почти рефлекс, а вторые, действительно, будут скорее осмыслять, думать, какое правило здесь действует, то есть, медленнее приходят к тем же результатам. Это очень важное различие. Так что, мне кажется, что в этом смысле просветительскую работу вести нужно, и она вполне эффективна, но, если мы говорим узко об орфографии и пунктуации, то, повторюсь, взрослому нужно прилагать больше усилий.

Я считаю, что врожденной грамотности не существует, но если это учить с детства, в школьном возрасте, то в какой-то момент грамотный человек перестает анализировать, почему он так пишет.

2017/18 ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ГОД ✨

Естественно, у людей возникает потребность посмотреть, что за пределами их участка делается. Для этого самый простой способ – популярные просветительские проекты послушать, посмотреть.
Фуад Алескеров

Образование и выбор

Фуад Алескеров
эксперт Школы «Репное»,
математик, экономист, специалист
в области теории принятия решений,
теории игр и теории управления,
доктор технических наук, профессор,
заслуженный профессор НИУ ВШЭ

Дмитрий Соловьев
выпускник Школы «Репное»
2012–2013 просветительского года,
руководитель проектов в FT Solution

Данила Филатов
выпускник Школы «Репное»
2014–2015 просветительского года,
кандидат экономических наук,
начальник аналитического отдела
Аналитического центра правительства
Воронежской области

2010-
2020

Дмитрий Соловьев

Родился 17.04.1981 в Воронеже. В детстве увлекался лазанием по забoram и решением головоломок и математических задач, тяготел к естественным наукам и временами защищал честь района и области на естественнонаучных олимпиадах.

Продолжил обучение на экономическом факультете ВГУ. Лазание по забoram в комбинации со склонностью к решению головоломок привели к более взрослому занятию – спортивному скалолазанию, которое продолжает оставаться основным хобби уже больше пары десятков лет. После окончания вуза продолжил развиваться в направлении проектирования структур и оптимизации бизнес-процессов, реализовывая проекты в разных отраслях. В ШЭК «Репное» привело природное любопытство. Школа стала местом расширения кругозора и дополнения картины мира новыми деталями.

Фуад Алескеров

Родился 23.01.1951 в Баку. Учился там же в школе №23. Тогда я увлекался многими вещами, в том числе и правом. В 9 классе, когда я заявил о своем желании стать юристом, отец оформил мне подписку на журнал «Бюллетень Верховного Суда». Я прочитал несколько номеров и понял, что не хочу становиться юристом. После школы я поступил в Азербайджанский институт нефти и химии им. М. Азизбекова, выбрал путь инженера, специальность моих родителей. Во время учебы я сдавал теоретическую механику известному ученому академику Азаду Мирзаджанзаде. Он сказал мне: «Вам надо ехать в Москву, и только на мехмат МГУ». Так все и сложилось. Это было блестящее образование. Меня окружали выдающиеся ученые, такие как Александр Курош, Борис Демидович, Андрей Колмогоров. В МГУ я научился не бояться задач. Если я чего-то не знаю или не понимаю, я сразу начинаю это изучать.

Данила Филатов

Родился в 22.06.1981 в Воронеже, вырос в городе Надым ЯНАО, где обучался в СОШ №2 (класс с математическим уклоном). После окончания школы переехал в Воронеж, где поступил в ВГУ на математический факультет. Со второго курса меня заинтересовала область знаний, связанная с прогнозированием, теорией вероятностей, построением сценариев в условиях неопределенности. Про ШЭК «Репное» узнал случайно. Когда-то я увлекался математической историей и искал видеолекции Г.Г. Малинецкого (один из ее основоположников). Нашел информацию, что Георгий Геннадьевич приезжал в Воронеж и читал лекции в незнакомой мне тогда школе «Репное». Во время обучения в «Репном» знаковыми событиями для меня стали семинары Д.Н. Кавтарадзе, где я впервые познакомился с образовательными имитационными играми.

НАУКА

ВСЕ ПОЛУЧЕННЫЕ НАМИ ЗНАНИЯ НИКУДА НЕ ПРОПАДАЮТ. НЕВОЗМОЖНО ПРОГНОЗИРОВАТЬ, КОГДА И ЧТО ИМЕННО ИЗ ВСЕГО ПОЗНАННОГО НАМИ МОЖЕТ ПРИГОДИТЬСЯ. МАТЕМАТИК, ЭКОНОМИСТ, СПЕЦИАЛИСТ В ОБЛАСТИ ТЕОРИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ФУАД АЛЕСКЕРОВ – ЯРКИЙ ТОМУ ПРИМЕР: СОЗДАВАЕМЫЕ ИМ МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ВЫПОЛНЯЮТ ЗАДАЧИ В 32-Х ОБЛАСТЯХ НАУКИ – ОТ МЕДИЦИНЫ ДО ПОЛИТОЛОГИИ. КАК МЫ ВЫБИРАЕМ ОБРАЗОВАНИЕ, ПОЧЕМУ ВАЖНА МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ И КАКОВА РОЛЬ УЧЕНЫХ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ? ОБ ЭТОМ И МНОГОМ ДРУГОМ – В БЕСЕДЕ ВЫПУСКНИКОВ «РЕПНОГО» С ФУАДОМ АЛЕСКЕРОВЫМ, ПРИУРОЧЕННОЙ К 10-ЛЕТИЮ ШКОЛЫ.

О ВЫБОРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Данила Филатов (Д.Ф.): Как люди выбирают, кем стать, как выбирают образование?

Фуад Алескеров (Ф.А.): Это очень интересный процесс. Идея для созданной нами модели была очень простая: человек, заканчивая школу, имеет какие-то предпочтения. Люди выбирают, стать «физиком или лириком»: если по математике низкие оценки, то человек идет в лирики, а если высокие, то в физики. Впрочем, «физики, лирики» — это лишь стихотворение А. Вознесенского. Оказалось, что в жизни выбор немного богаче, чем мы думали. Есть еще физики, которые специальностью не будут заниматься, и то же для лириков.

В образовательных кругах довольно широкий был резонанс. И тогда, помню, я об этом рассказывал на семинаре в «Вышке» (Высшая школа экономики, ВШЭ. — Прим. ред.), и там были представители Курчатова института. Когда я рассказывал про эти градации физиков, вдруг голос из зала: «Да, мы таких знаем, они у нас бумаги из одного корпуса в другой носят». Это меня очень удивило.

Понимаете, страна типа Эмиратов может себе позволить иметь деньги и не иметь образования, потому что специалистов можно нанять в Германии, в Европе, в Америке. Мы не можем себе такого позволить, наша страна ни врачей, ни инженеров не получит в Европе, поэтому мы обязаны иметь хорошее образование. Почему математика нужна, алгебра, допустим? Казалось бы, без алгебры можно прожить. А сравнение здесь очень простое: это как «Формула-1», это планку задает. Мы не ездим по улице на автомобилях из «Формулы-1», но зато все инженерные решения, которые там реализуются, сразу потом переключиваются в обычную автомобильную промышленность.

У нас образование, к сожалению, не на самом высоком уровне. Но в истории страны известны ситуации, при Петре, например, когда страна в течение нескольких лет быстро европеизировалась, образование пошло, сами стали что-то делать. Или в первые годы советской власти программа была...

Дмитрий Соловьев (Д.С.): Но ведь и в одном, и в другом случае улучшения происходили за счет в том числе приглашения зарубежных специалистов, то есть очень активного академического и технического обмена как раз по каким-то специальностям, связанным с конкретным производством. Мне кажется, у нас даже внутри России не так активно работает академический обмен, то есть практика приезда профессоров для чтения каких-то лекций. Я знаю, в «Вышке» есть такая практика.

Ф.А.: Есть. Наука делается в коллективах, это коллективы, обычно объединяемые ведущими учеными, которые транслируют идеи в этот коллектив. Это цеховая природа науки, как в Древней Греции, никуда от этого не денешься. Я своим студентам иногда говорю, что в древнегреческие времена они бы два года у меня подметали перед лабораторией, потом два года со столов пыль снимали, потом через пять лет допустили бы их до учебы только. Сейчас все это ускорилось, студентов сразу допускают до научной работы, но работать надо, а цеховая природа науки никуда не делась. Лидирующий ученый ставит задачу, а остальные сидят и решают.

Д.С.: Одно из ярких впечатлений у меня от моей учебы в вузе — это когда к нам на научную сессию в ВГУ приезжал Левин Марк Иосифович и читал нам про ограниченную рациональность. Я до сих пор храню конспекты, 2001 год. Не могу сказать, что я часто к ним обращаюсь, но пару раз бывало. И мне тоже кажется, что практика приезда ведущих специалистов в вузы

дает гораздо больше, чем те же самые лекции, которые можно сейчас найти на Youtube или во внутренних информационных конференциях между вузами. Все равно приезд дает гораздо больше, и личное общение в том числе.

Ф.А.: Личное общение — это вы абсолютно правы, но сегодня, насколько я знаю, на дистанционные курсы «Вышки» записаны 2 миллиона слушателей, можете себе представить? И не только внутри страны, но и за рубежом, это большое дело. Но все равно по этому поводу много споров. Стэнфорд, лидер по онлайн-курсам, своим студентам не разрешал ими пользоваться. Только в прошлом или позапрошлом году разрешили. Мое мнение такое: для человека моего уровня, если я хочу новый курс какой-то освоить, это идеальная вещь, никуда ездить не надо. Но я уже привык работать, понимаете? А молодежи все равно нужны семинары. А к вопросу о том, что вы не использовали теорию ограниченной рациональности, у меня в Турции был очень интересный эпизод из жизни. Я читал ребятам там, за рубежом, тяжелый математический курс для аспирантов или очень продвинутых магистров. В перерыве сажусь и разговариваю со студентами, и один говорит: «Я в банк собираюсь идти работать». Я спрашиваю у него: «Тогда зачем тебе вся эта теория?» А он говорит: «Мало ли, где это может пригодиться. И кроме того, у нас в банке смотрят, какой курс человек прошел, где проходил, как сдал».

И я всегда тоже студентам говорю одну и ту же фразу: знания не пропадают никогда.

Например, я механикой давно перестал заниматься, а недавно придумал индекс поляризованности в течение

одной минуты по ассоциации с механическими системами. И сейчас я вижу статьи, где его называют индекс Алескерова-Голубенко, Голубенко — это моя студентка, которая данные нашла и посчитала. Мне даже неудобно становится. Одно дело, если бы я два года потратил на его изобретение, а я потратил две минуты. Это к вопросу о том, что знания не пропадают, у меня много таких случаев в жизни было.

Д.Ф.: Сейчас развивается такое направление как индивидуальная траектория обучения, то есть система обучения с учетом сбора индивидуальных особенностей и личных качеств обучающихся. Такую траекторию прорабатывают на 5, на 7 лет вперед. Как вы считаете, имеет перспективу это направление?

Ф.А.: Там есть одна сложность. Если, образно говоря, мы дает диплом экономисту, то там должны какие-то обязательные курсы присутствовать. У нас студенты-экономисты, скажем, философию слушают, но какой-то студент может сказать: «Нет, я философию не хочу, я хочу послушать, там, какой-то очень специализированный курс Алескерова по бинарным отношениям». У меня, честно говоря, такая ситуация возникала, и я настоял на том, чтобы классические курсы оставить. Другое дело, я всегда говорил, что философию, может быть, не на первом курсе надо читать, а на четвертом. А если человек решает, что ему философия не нужна, он заужает свое видение мира. Хорошо это или плохо? Не знаю.

О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Д.С.: У меня вопрос о проблеме организации междисциплинарных программ. Все-таки пока у нас разбиение идет по факультетам, и хотя стараются делать совместные школы, совместные программы, не везде это широко практикуется, хотя по словам сотрудников Воронежского

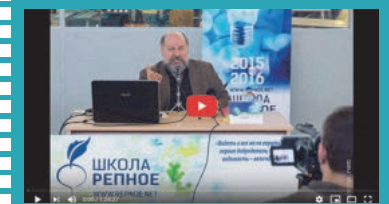
Фуад Алескеров

О моделях выбора, часть 1

О моделях выбора, часть 2

Экономист Александр Привалов
О механизмах доверия и их утрате

Нейрофизиолог Вячеслав Дубинин
О мозге и принятии решений

госуниверситета, в отдельных европейских вузах 80% программ — на стыке разных технологий. И с одной стороны, давно идут разговоры, что надо вообще перестраивать всю систему и делать ее более междисциплинарной, а с другой — есть какая-то сложившаяся практика, в чем-то она хороша, в чем-то плоха. Как вам кажется, в какую сторону тут можно было бы переделать?

Ф.А.: Как писал Карл Поппер, в науке нет областей, есть нерешенные проблемы и потребность их решать. Когда я выучился на мехмате и пришел в Институт проблем управления мой любимый, такого вообще разговора не было, что это — такая область, а это — другая область. Задача есть, надо решать. Тенденция в сторону междисциплинарности мне нравится с одним маленьким «но» — база должна быть.

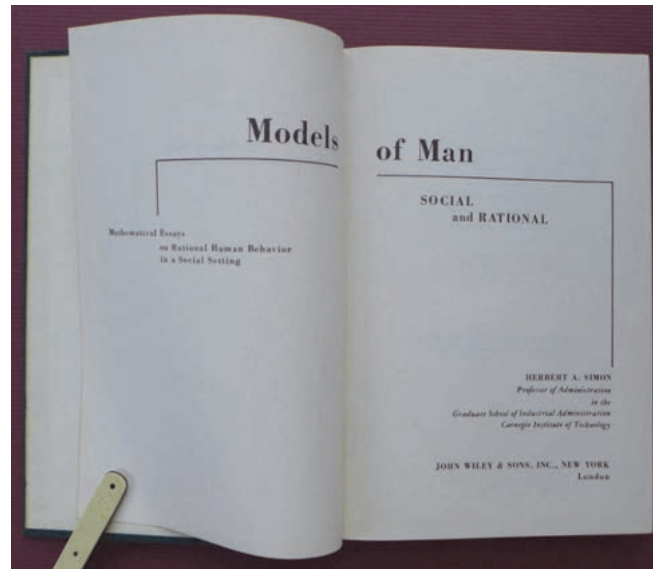
Ко мне приходят студенты буквально 2 дня назад. Я им предложил самим заняться какими-то задачами. Данные дали, теорию я им рассказал, и они выбрали «Сетевой анализ поведения дельфинов». Ничего так, да? Я, полный радости, сказал: «Идите, ребята, работайте». Дал советы, конечно. Это тоже о базе. А если это превратится в то, что я такой весь из себя междисциплинарный, мне матанализ не нужен, а алгебра нужна, тут-то вот все и рухнет.

Без базы начнется любительство.
Оно, понимаете, дело хорошее,
но профессионалы все-таки
тоже нужны.

Д.С.: Сама идея-то с 50–60-х годов живет, с момента, когда начали развиваться и зарождаться кибернетика и общая теория систем. И идея о том, что надо смотреть на какой-либо предмет, на проблему с разных сторон,

имеет глубокие корни. Вы же как раз рекомендовали книгу Герберта Саймона о моделях человека, написанную в 1957 году. Ведущие ученые всегда старались описать, подать это с разных сторон. Другое дело, что сейчас, на мой взгляд, это более востребовано, скажем, в массовом сегменте. Не знаю, как это правильно сформулировать, но все больше людей понимают, что нужно не углубляться в свою специальность, а, поскольку все довольно быстро меняется, нужно...

Ф.А.: Углубляться все равно нужно. У меня есть гипотеза, согласно которой мультидисциплинарность вот откуда растет: раньше, в старые времена, математик не стал бы заниматься экспериментами, биолог не стал бы заниматься математическими моделями и так далее. Сейчас коммуникация облегчилась, и это, может быть, привело к взрывному росту мультидисциплинарности. Например, недавно с аспирантом мы сделали работу по специализации в колониях организмов, чисто биологическая работа.

Я, честно говоря, если бы мне было сейчас 30 лет, пошел бы в биологический институт и сказал: «Ребята, давайте эксперимент проведем на эту тему, посмотрим, как это работает». Мне страшно интересно просто, понимаете.

О ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТАХ

Д.Ф.: А каковы предпосылки возникновения просветительских проектов, на ваш взгляд? Почему они так массово стали появляться в последнее десятилетие? Чему-то недоучивают?

Ф.А.: Нет, я думаю, что другое тут произошло. В начале моей деятельности я очень помогал проекту «Постнаука»: выступал с лекциями, не брал гонораров и так далее. И почему? Потому что они делают очень важную вещь, и кстати, они делают ее блестяще. Причем раньше, когда они только начинали, я читал все, что у них публиковалось, а сейчас они уже так развились, что хочется прочесть, а времени на все нет. Почему возникла необходимость в таких проектах? Это все та же тяга к междисциплинарности, к какому-то широкому знанию.

Колмогоров знал всю математику. Я не уверен, что сейчас есть математик, который всю математику знает. Когда был какой-то его юбилей, его студенты посчитали, что у него не было работ только в двух областях математики: в теории чисел и в истории математики, понимаете. А сегодня возникло столько много областей знаний. Естественно, у людей возникает потребность посмотреть, что за пределами их участка делается. Для этого самый простой способ — популярные просветительские проекты послушать, посмотреть. Наука с годами все усложняется, заужается.

Д.Ф.: Мой научный руководитель Черников М.В. как-то рассказывал, что в 80–90-е был большой дефицит каче-

Некоторые исследования говорят, что рост уровня социального капитала приводит к росту ВВП в стране, другие – что неизвестно, что здесь первично, а что вторично.

ственной литературы, по крайней мере, за пределами Москвы. Приходилось зачастую в столицу ездить, в Ленинку, чтобы найти нужную информацию. И он не нарядуется тому информационному раздолью, которое есть сейчас, — и в электронной, и в печатной форме качественных книг, статей, видеолекций очень много. Мне кажется, IT-технологии открыли нам новые горизонты. Многие ученые какой-то свой блог на Youtube ведут, создают группы и сообщества по интересам в социальных сетях. Возможно, благодаря этому просветительские проекты также вышли на новый уровень.

О ДОВЕРИИ

Д.Ф.: К нам приезжал эксперт из социологической компании «Циркон» (Борис Задорин. — Прим. ред.). Они

проводили исследования по уровню доверия, используя понятие социального капитала. Некоторые исследования говорят, что рост уровня социального капитала приводит к росту ВВП в стране, другие — что неизвестно, что здесь первично, а что вторично. Действительно, проблема очень интересная, потому что когда люди доверяют друг другу, это повышает вероятность того, что мы, участники просветительского проекта, действительно объединимся, чтобы, например, какой-то социальный проект создать. Не приходилось ли вам работать с моделями, которые учитывали бы фактор доверия или, может быть, фактор социального капитала, который как-то влияет на параметры развития страны или региона?

Ф.А.: Нет, не приходилось. У нас, я знаю, экономисты с этим работают, но опять же, я всеядный, я смотрел какие-то статьи на эту тему. Где-то в Норвегии, по-моему, самый высокий уровень доверия, а во всех остальных странах он гораздо меньше. Но опять же, надо понимать компоненты этого доверия. У нас, например, доверие к полиции, если верить исследованиям, очень низкое, к судам — низкое, к науке — ничего, к госструктурам — ничего, к политическим партиям — очень низкое. И вот тут начинаются вопросы, связанные с тем, что же люди понимают под этим доверием, потому что на Западе, насколько мне известно, под доверием понимают именно социальное доверие: образно говоря, доверяете ли вы человеку, который по улице идет. А у нас человек на улице как-то никогда особо нарапашку не был, ни в советские времена, ни сейчас.

Д.Ф.: Да, в исследованиях проведенных «Циркон» отмечается, что, что у нас развит закрытый социальный капитал, доверие в группах высоко развито — порядка 60–70%, а доверяют условному человеку на улице (открытый социальный капитал) — лишь около 30% респондентов.

Ф.А.: У меня на эту тему есть целая теория, которую я придумал, когда пересекал границу между Финляндией и Россией. На поезде я обычно туда езжу. Было светло, и мы проезжали границу: вот чистенькие, аккуратненькие домики, а вот уже какие-то строения из серии «через две недели придем, доделаем», а уже лет 30 прошло. И я задумался: а почему так? Можно на климат жаловаться, когда сравниваешь Московскую область и Сибирь, но вот она — 200 метров разница, уже не скажешь, что это из-за климата.

И у меня есть теория на эту тему, я историкам ее рассказывал, они сказали, что да, это, вероятно, правильно. В татаро-монгольские времена нельзя было ничего строить капитально. Почему? В любой момент могли прийти, сжечь, разграбить.

Иго прошло. Крепостничество продолжалось до 1861 года. По русской литературе мы знаем, что некоторые феодалы были хуже, чем монголо-татары. Потом был короткий период Александра III, когда действительно что-то стало меняться. Потом после короткого периода, когда появилась дума, началась Первая мировая война, потом пришел большевистский режим. Ну, опять же, знаем из литературы, что иногда они хуже, чем татаро-монголы себя вели, правда? А теперь вместе сложите: с 1200-х до 1900-х годов, 700 лет.

Д.С.: Все это время было очень своеобразное отношение к частной собственности, к правам индивидуума.

Ф.А.: Да. 700 лет у народа в голове, что высовываться нельзя, строить капитально нельзя, то нельзя, это нельзя. Или эта идея, что русские, так сказать, вороватые, — это, извините меня, все та же самая история. Если тут не стащил, там ничего не будет. Нет, я людей не оправдываю, я не хочу сказать, что это правильно, но вся предыстория, понимаете, такая. Теперь, навер-

ное, хотя бы 100 лет надо, чтобы народ понял, что уже назад возврата нет, и можно что-то делать.

О РОЛИ УЧЕНЫХ В ОБЩЕСТВЕ

Д.С.: Скажите, а как вы оцениваете эффективность образования? У вас есть какая-то методика?

Ф.А.: У нас есть модели эффективности вузов. Мы сделали серию работ, новые методы даже придумали. Идея очень простая: что в университет входит и что из него выходит. Входит — в виде ресурсов, в виде студентов и так далее, выходит — в виде статей, например. Мы отдали методики коллегам, но они особо не стали этим заниматься. Почему, я не знаю, честно говоря, хотя это направление на Западе серьезно развивается.

Д.С.: А как меняется роль ученых и тех, кого называют интеллектуалами? Отталкиваясь от Норберта Винера, потому что у него одна из глав в книге, которую вы рекомендовали, как раз посвящена этому. Он в свое время писал, как меняются средства передачи информации, средства восприятия информации, и как меняются роли тех людей, которые лучше других разбираются в том, как информацию анализировать. Как быть тем людям, которые, к примеру, находятся в вашей позиции или в позиции тех, кто все-таки несет какую-то информацию или какие-то подходы к анализу? Какие есть варианты организации в том числе просветительских проектов для таких людей?

«Репное» — это только один из вариантов организации просветительских проектов. Общась периодически с друзьями, со знакомыми, которые занимаются научной работой или преподаванием, я от них слышу: «Было бы здорово что-нибудь такое организовать, чтобы школьникам что-то преподнести или даже уже взрослым людям, но тем, которые хотели бы что-то узнать».

Ф.А.: Во-первых, есть то, что называется дополнительным образованием. Во-вторых, есть всякие просветительские проекты. Если говорить о школьниках, мэрия Москвы сейчас проект развивает на базе академических институтов, я там тоже активно участвую, своих ребят туда тащу, они читают лекции школьникам старших классов. Мне написали, что впервые я смогу получить гонорар за лекцию, поскольку мэрия дала деньги, я сказал: «О, как замечательно, я все мечтаю на Канары съездить». А руководитель этой программы ответил: «Фуад Тагиевич, возможно, на коктейль хватит».

Канал «Культура» очень много делает, и, конечно, такие сообщества, как «Постнаука». Есть еще один момент. Я все-таки считаю, что очень часто может быть, что студенты могут выходить недоученными в каких-то направлениях. И нужно, чтобы вот это «что-то не знаю, а понадобилось» они в первую очередь могли получить через просветительские проекты, а уже следом пойти на курсы или получить дообразование.

В современных условиях только один способ: надо стимулировать ведущих ученых делиться знаниями. Почему? Потому что чем более образованным будет наше общество, тем лучше жить будем, это, так сказать, минимальный доход от образования.

2018/19 ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ГОД ✨

Если мы представим себе какую-то странную, фантастическую картину, где человека нет, то, я думаю, что оставшиеся существа если и будут общаться, то какими-то совершенно другими способами, которые мы даже себе представить не можем.

Александр Пиперски

Александр Пиперски
эксперт Школы «Репное»,
кандидат филологических наук,
доцент Института лингвистики РГГУ,
научный сотрудник
Школы филологии НИУ ВШЭ

Александр Мазалов
выпускник Школы «Репное»
2015–2016 просветительского года,
соучредитель IT-компании MITLabs,
юрист

Технологии побеждают необходимость в универсальном языке

Александр Мазалов

Сознательную жизнь начал в Старом Осколе. В юности в лицее учителя в качестве эксперимента воспитали в нас римлян и отбили охоту к простым радостям. По окончании школы навсегда уехал из дома и учился долго, заочно и по большому счету безуспешно ненужным в нормальной жизни джентльмену вещам. Со школы научился любить старые книги, новые идеи и ждать подкрепления с Фурием Камиллом во главе, высшие учебные заведения ничего не добавили к этому списку. В «Репное» попал по совету жены, супруга увидела в кино рекламу Школы. Экзамены и обучение были захватывающими и изменили мою жизнь драматически.

Александр Пиперски

Родился 9.10.1989 в Москве. Я хотел быть футбольным вратарем или машинистом метро – это более привлекательные для ребенка профессии, чем изучение языка. С другой стороны, у меня многоязычная семья: папа серб, а мама русская. Думаю, вполне закономерно, что меня заинтересовала лингвистика. Я с большим сомнением выбирал между математикой и языками. Мне хотелось заниматься германистикой и поучиться в немецкоязычных странах, поэтому я выбрал немецкое отделение на филфаке МГУ. В итоге мне вполне удается сочетать разные интересы. Я активно применяю математические методы в лингвистике, так что ничего особенно не потерял.

КОММУНИКАЦИЯ

ИНТЕРЕСНО НАБЛЮДАТЬ ЗА ТЕМ, КАК ТЕХНОЛОГИИ ВЛИЯЮТ НА РАЗВИТИЕ НАУКИ – КАК ПОМОГАЮТ ЕЙ РАЗВИВАТЬСЯ, КАК ВИДОИЗМЕНЯЮТ УСТОЯВШИЕСЯ ПРИНЦИПЫ ИЛИ ПОДВИГАЮТ НА НОВЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ. ЭТО ПРОИСХОДИТ И В ЛИНГВИСТИКЕ. О ТОМ, КАК ТЕХНОЛОГИИ МЕНЯЮТ ЯЗЫК, ПОЧЕМУ ВОЗНИКАЮТ ИДЕИ ОБ УНИВЕРСАЛЬНОМ ЯЗЫКЕ, СКОЛЬКО В ЯЗЫКЕ БИОЛОГИЧЕСКОГО, А СКОЛЬКО – СОЦИАЛЬНОГО И ВОЗМОЖНА ЛИ ЭФФЕКТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ БЕЗ ЛЖИ, ПОГОВОРИЛИ ЛИНГВИСТ АЛЕКСАНДР ПИПЕРСКИ И ВЫПУСКНИК ШЭК «РЕПНОЕ» ЮРИСТ АЛЕКСАНДР МАЗАЛОВ. БЕСЕДА СОСТОЯЛАСЬ В РАМКАХ СЕРИЙНОГО ПРОЕКТА ФОРМАТА «ЭКСПЕРТ-ВЫПУСКНИК», ПОСВЯЩЕННОГО 10-ЛЕТИЮ ШКОЛЫ.

ЯЗЫК: БИОЛОГИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ

Александр Мазалов (А.М.): Можно ли сказать, что у человеческого языка есть цель? Если такая цель есть, то что это за цель?

Александр Пиперски (А.П.): Думаю, что нет. Цели есть у людей, а язык — это инструмент, который позволяет этих целей добиваться. Я не воспринимаю язык как самостоятельно существующий в отрыве от человека.

А.М.: А можем ли говорить о том, что язык как социально-культурное или биологическое явление может быть присвоен или создан человеком, но может существовать без человека? Или все-таки язык — это биологическое свойство человека?

А.П.: Это непростой вопрос, сколько в языке биологического и сколько социального, потому что разные направления лингвистики на эту тему спорят довольно активно. Есть генеративная грамматика Хомского, которая утверждает, в первую очередь, что у языка есть биологическая основа. Это универсальная грамматика, какие-то врожденные свойства, которые помогают нам выучивать язык в детстве по неполным данным. А есть, с другой стороны, более функциональные подходы, которые исходят из того, что язык формируется тем, как мы его употребляем, что роль врожденных способностей гораздо меньше.

Я все-таки склонен думать, что какая-то врожденность есть. Очень сложно оценить ее масштабно. Думаю, что есть сразу несколько разных вопросов: могут ли другие виды пользоваться человеческим языком, может ли компьютер пользоваться человеческим языком, может ли вообще никто не пользоваться человеческим языком, может ли он существовать в отрыве от человека. Судя по тому, что другие биологические виды пока что

не научились говорить по-человечески, то, наверное, мы не увидим в ближайшее время каких-то достижений в этой сфере.

Что касается компьютера, то тут, я думаю, мы будем видеть все больше. Мы видим все больше компьютеров, которые разговаривают, как люди, которые кажутся нам человекоподобными, вызывают у нас какую-то оторопь, когда мы видим, что это машина, а не человек.

А про то, что язык может существовать отдельно от людей, в это я совсем не верю. Если мы представим себе какую-то странную, фантастическую картину, где человека нет, то, я думаю, что оставшиеся существа если и будут общаться, то какими-то совершенно другими способами, которые мы даже себе представить не можем. Но это уже так, из разряда фантастики.

А.М.: Если предположить, что язык — комплексное явление, то у него есть биологическая и культурная части. Культура имеет свойство развиваться. Конечно, есть разные мнения на этот счет, но тем не менее исторически мы принимаем некую иерархию, согласно которой есть древние, примитивные культуры — неандертальцы, кроманьонцы — и есть изысканные культуры. Возможно, это будет не прямая линия, а волнообразная, история падения и возвышения, но она, тем не менее, указывает вверх.

Сейчас мы обладаем некой изысканной культурой, которая, условно говоря, находится иерархически выше, чем культура неандертальцев. Поскольку у языка есть культурная часть, мы можем говорить, что у него тоже есть какая-то иерархия, и есть «плохой» язык, некачественный, старый, который плохо выполняет свою функцию, и есть язык текущий, который лучше, чем старый. Можем ли мы предположить, что в некотором будущем появится язык, который относится к нашему языку так же, как наш язык — к языку

неандертальцев? Есть ли такая иерархия, и как бы мог выглядеть этот язык, который будет в будущем?

А.П.: Мне кажется, такой иерархии нет. Точнее, она есть, но язык уже вышел на некоторое своего рода плато. Понятно, что когда язык только появлялся, это была примитивная коммуникативная система, которая давала возможность только о внешних опасностях предупреждать или рассказывать о еде. Судя по тому, что мы видим в документированных письменных языках последних 4000 лет и самых древних европейских памятниках, нет ничего, что показывало бы, что язык становится выразительнее, что в нем становится больше каких-то идей — сверх того, что появляются какие-то новые культурные вещи, а какие-то забываются.

Даже в XIX веке, например, считалось, что вершиной языкового развития были языки древние: санскрит, латынь, греческий. Потом стало понятно, что все остальные языки, в общем, могут выполнять те же самые функции. Если мы на таком временном отрезке не видим существенного развития языков, то, думаю, сколько-то тысяч лет назад некоторый необходимый человечеству пик коммуникационной возможности был достигнут, и дальше языки просто меняются в этих пределах.

А.М.: В книге Умберто Эко «Поиски идеального языка» описываются поиски совершенного языка, которые предпринимались на протяжении всего исторического периода в Европе. В частности в книге описывается курьезный случай: шведский король

решил выяснить, какой язык внутренне присущ человеку сам по себе. Он собрал детей, посадил их в изолированное помещение, в котором они должны были вырасти, чтобы потом посмотреть, на каком языке они будут говорить. Поскольку это было шведское исследование, дети говорили по-шведски.

Если мы развиваем вторую составляющую языка, не культурную, а биологическую, можем ли мы говорить, что существует некий естественный язык?

Язык, который появится у людей, если мы лишим их научения, который они установят сами? И если, действительно, такой же эксперимент провести, но провести его с большей тщательностью, чем шведский король, возможно ли будет выявить в разных изолированных группах некие элементы или некий язык, который просто возникает из нашей биологической программы?

А.П.: Это повторяющийся сюжет в мировой истории, потому что первый рассказ такого рода, видимо, зафиксирован у Геродота — про египетского фараона, которого звали, кажется, Псамметих, который делал то же самое, каких-то детей попытался изолировать от общества. А дальше утверждается, что они заговорили по-фригийски, а не по-шведски вовсе.

Но совершенно неясно, как эти эксперименты ставятся, насколько удастся обеспечить изоляцию — видимо,

ни на сколько. Ведь были случаи с детьми-маугли, которые вырастают среди животных. Когда мы наблюдаем их, то видим, что они человеческим языком в полном объеме после какого-то возраста не могут уже овладеть. Если ребенок прожил в джунглях примерно лет до 10–12, то дальше уже без шансов. Это примерно такое же владение человеческим языком, как у приматов.

Думаю, это показывает, что какая-то биологическая основа у языка все-таки есть, но другое дело, что непонятно, как именно она устроена, почему это так существенно отличается от всяких других умений. С другой стороны, мы понимаем, что ребенок осваивает много всего в детстве, много чему научается, кроме языка. Мы, может быть, недооцениваем то, сколько информации способен усвоить детский мозг. Например, ребенку надо понять, что, скажем, если я сейчас уроню чашку, то она разобьется, и будут всякие осколки, а если я уроню вилку, то ничего не произойдет. Научиться предсказывать это, глядя на предмет, может быть, и не проще, чем научиться говорить на языке. Язык — это просто одна из многочисленных когнитивных способностей, которые ребенок приобретает в этом возрасте.

КОМУ И ЗАЧЕМ НУЖНЫ ИСКУССТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ

А.М.: Вы написали целую книгу, посвященную конструированию искусственных языков, начиная от наивных попыток и заканчивая идеалистическими порывами — создать некую форму совершенного языка и более приземленными мотивами — составить вымышленный язык для кино и книг. Тем не менее, как вы относитесь к попыткам создать язык совершенный, — например, такой, в котором ложное высказывание будет невозможно, поскольку не будет предусмотрена его структура?

А.П.: Я отношусь к этому довольно скептически. Мне близка идея, что человеческий язык — это продукт

эволюции, инструмент, который выполняет свои функции, который нужным образом обеспечивает человеческое общение. Говоря про совершенный язык, люди обычно выдвигают на первый план какое-нибудь одно свойство и забывают про все остальные. Этим одним свойством может быть, например, то, что в этом языке должна быть идеальная регулярная грамматика. Тогда люди забывают, что язык должен быть избыточным.

Если мы говорим про совершенный язык, язык, на котором нельзя выразить ложную мысль, будет ли он совершенным? Я не уверен, потому что если мы с вами начнем говорить на таком языке, мы быстро просто друг друга поубиваем. В человеческом языке есть такая прекрасная вещь, как вежливость. Я могу быть очень недоволен человеком, но я ему говорю: «Простите, пожалуйста, не могли бы вы...». Если я начну говорить прямо: «Пошел вон отсюда, дурак», то дальше, думаю, коммуникация будет гораздо хуже удаваться, хотя я уже не буду скрывать свои чувства.

То, что мы умеем, например, врать, это выдающееся достижение человеческого интеллекта. Это даже ино-

гда перечисляется среди признаков человеческого языка, которые отличают его от языков животных. Утверждается, что животные не умеют врать. Тот факт, что мы умеем рассказывать о несуществующих событиях, позволяет нам сочинять художественные произведения, например, что тоже довольно ценно. Будет ли совершенный язык языком, на котором нельзя соврать? Думаю, что нет. Любой проект совершенного языка почти всегда однобокий, а человеческий язык — это очень сложная система, которая соблюдает баланс между всеми нашими интересами, и это, по-моему, очень сложно видоизменить.

А.М.: А эффективная коммуникация возможна без лжи?

А.П.: Думаю, что невозможна, потому что, как я уже говорил, если мы начнем выражать все наши мысли прямо, то мы очень быстро перестанем нравиться друг другу. Ты должен постоянно думать о том, что ты говоришь. Можно называть это лицемерием, но все-таки я считаю, что не зря человечество это выработало — умение говорить неправду, немножко скрывать свои чувства. Если бы это было эволюционно не нужно, то человек такой навык просто не развил бы.

А.М.: Встречается такое мнение: язык тем совершеннее, чем совершеннее человек, который его использует. Например, если мы рассматриваем просвещение и просветительские проекты, предполагается, что для них язык должен быть особенным. Можно предположить, что если условный просвещенный человек, обладающий высоким уровнем интеллекта, обращается к кому-то менее просвещенному, им в такой степени не обладающему, то он должен максимально эффективно донести это знание. А для этого нужно облачить его в некий доступный язык.

Это описывает феномен научно-популярной литературы, когда сложные понятия намеренно упрощаются и намеренно описываются в форме беллетристики, специально вводятся какие-то художественные приемы в научно-популярную книгу, чтобы поддерживать некую интригу. Можем ли мы говорить, что такой язык просвещения существует, что есть некая особая форма языка для передачи сложного знания?

А.П.: Я бы, во-первых, усомнился в том, что правильно делить людей на более совершенных и менее совершенных. Из того, что кто-то умеет вещи, которые более высоко ценятся в культуре, еще не вытекает, что другие люди ниже этого человека и надо с ними разговаривать снисходительно. Я, например, что-то умею рассказывать про лингвистику, а кто-то умеет готовить вкусный суп, чего я совершенно не умею. И это тоже по-своему прекрасное занятие, которое ничем не ниже моего. Когда мы говорим про формы языка, у нас есть представление, что существуют более высокие и более низкие формы, которые связаны с сообщением скорее снизу вверх. Мы говорим человеку, что если ему надо подняться на социальный уровень выше, он должен освоить некую специальную форму языка, как в знаменитых примерах вроде Элизы Дулитл в «Пигмалионе», которая для того, чтобы стать приличной девушкой, осваивала некий специально принятый в высоком обществе язык. И в этом смысле мне кажется, что люди, которые стоят на более высоком уровне социальной иерархии, они не очень склонны снисходить, это скорее исключение, чем правило. А в обратную сторону движение очень сильное, хотя, опять-таки, никакая разновидность языка по своим свойствам не лучше никакой другой разновидности. Это уже просто оказывается привязано к людям, которые ими пользуются.

А.М.: В свете вышесказанного универсальный язык в современных условиях кажется какой-то совсем уж утопичной идеей, и совершенно непонятно, кому и зачем он нужен. Если мы говорим о том, что нужно упростить коммуникацию между носителями разных языков, то в любом случае те универсальные языки, о которых вы, например, пишете в своих книгах, это набор универсалий, которыми можно общаться только на примитивные темы. Можно что-то друг другу сообщать, но вряд ли речь может идти о какой-то глубокой коммуникации, о попытке понять человеческие чувства, например. А с учетом того, что есть те же компьютерные переводчики, проблема и вовсе теряет актуальность. Так почему эта идея время от времени продолжает появляться, и кому этот универсальный язык может быть нужен?

А.П.: Универсальный язык может быть нужен в частности потому, что он оказывается нейтральным. Это одна из важных идей, которая лежит в основе многих проектов искусственного всемирного языка. Какие-то языки действительно используются как языки для международного общения, сейчас это в первую очередь английский, раньше французский. Но английский язык в этом

Когда мы говорим про формы языка, у нас есть представление, что существуют более высокие и более низкие формы, которые связаны с сообщением скорее снизу вверх.

плане плох тем, что кому-то он достается бесплатно, с детства, а кто-то вынужден его мучительно учить, и все равно не достигает тех же высот, что и те, кто с детства на нем говорит. И может возникнуть мысль о том, что нужен какой-то специальный универсальный язык, чтобы все были в равном положении. Но это равенство достигается сейчас другим путем. Сейчас дети в любой стране мира могут смотреть мультики на английском, и оказывается, что сегодня английский язык гораздо проще осваивать, чем, скажем, в XIX веке. Откуда у какого-нибудь крестьянина в России мог быть доступ к французскому языку? Ниоткуда. Технологии побеждают необходимость в универсальном языке.

Даже если мы не видим пока что универсального переводчика, то доступ к единому языку, какой бы это язык ни был, оказывается настолько простым, что универсальный язык уже не нужен.

А.М.: То есть, вряд ли есть какая-то вероятность того, что мы вернемся к единому языку, несмотря на то, что в целом языковое разнообразие уменьшается.

А.П.: Да. В среднем говорят, что раз в две недели умирает язык, это минус 25 языков в год. Если считать, что мы можем линейно экстраполировать, тогда за 100 лет минус это 2500 языков. Думаю, что если так пойдет и дальше, то человечество останется с каким-то небольшим по современным меркам количеством крупных языков, если, конечно, не произойдет каких-то глобальных катаклизмов и какого-то глобального переустройства мира. Вряд ли 7000 дойдут до одного, естественно, но думаю, что 7000 превратятся в несколько сотен.

ДИАЛЕКТЫ: ИСПОРЧЕННЫЙ ЯЗЫК ИЛИ ПОВОД ДЛЯ ГОРДОСТИ?

А.М.: Видимо, исторически так сложилось, что в Советском Союзе был некий эталон языка, и отхождение от этого эталона воспринималось как испорченный язык. Например, я хорошо помню, что у нас в школе в Старом Осколе (Белгородская область. — Прим. ред.) были дети из приграничных с Украиной сельских территорий, которые говорили на невероятно красивом, текучем и певучем языке. Но было стыдно говорить на диалекте русского языка. Ровно так же нам запрещали «окать» или «гэкать».

При этом нам известно,
что некоторые региональные диалекты
в европейских странах являются
предметом для гордости.

Люди, которые обладают региональным диалектом от рождения, пестуют его, чтобы подчеркнуть, что они не просто, допустим, немцы, а баварцы, и поэтому разговаривают именно так. Они не стесняются на своем баварском диалекте немецкого языка разговаривать, потому что это обогащает язык, а не делает его хуже. В современной России уже, наверное, нет такого тоталитарного давления на язык, но это отношение к диалектам почему-то сохраняется. А как вы относитесь к диалектам?

А.П.: Это все, конечно, сложная производная социальных отношений. Отношение к разным региональным вариантам языка, — например, та же самая немецко-итальянская ситуация с огромным количеством диалектов, — думаю, очень во многом связано с историей

соответствующих государств. Что объединенная Германия, что объединенная Италия были образованы во второй половине XIX века. А российская ситуация похожа на ситуацию французскую, где тоже есть очень престижный парижский вариант языковой нормы, а все остальное уже не так престижно. Поэтому тут даже не столько советская власть является причиной, сколько, во-первых, долгая история централизации, во-вторых, большой уровень социологического неравенства между регионами. Условно говоря, если в стране есть несколько преуспевающих городов — это уже случай, например, Англии, которая более равномерно экономически устроена, — то никакого презрительного отношения к людям, скажем, из Манчестера или из Бирмингема уже не будет, потому что это тоже большие, богатые города. В европейской части России долгое время были и остаются два основных экономических центра. И, конечно, выработалось ощущение, что все, что за пределами Москвы и Петербурга, это будто бы ниже по статусу. И это очень сложно остановить, перебороть, потому что люди вырастают с этим ощущением и дальше сами его поддерживают. Например, когда люди начинают обсуждать региональные различия между вариантами русского языка, все считают, что московский язык — это правильно, и только петербуржцы говорят: «Что за ерунда, я говорил «греча» и буду говорить». А, например, люди из Новосибирска, если им говоришь: «Вы употребляете слово «маленько» там, где я говорю «немного», как это интересно», отвечают: «Ой, какой ужас, я больше так не буду». Мне как лингвисту всегда интереснее разнообразие, хотя в однообразии есть свои преимущества. Тот факт, что разные формы русского языка очень похожи,

позволяет социальные аспекты неравенства быстро сглаживать. Приезжая из Новосибирска в Москву, ты выучишь, что не надо говорить «маленько» и «мультифора», а надо говорить «немного» и «файлик», и все, ты уже полностью ассимилировался. В более уважающем диалекты обществе, где этих различий больше, было бы гораздо сложнее.

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОММУНИКАЦИЙ

А.М.: «Репное» называется Школой эффективных коммуникаций, позвольте вопрос об этой самой эффективности коммуникаций. Она часто оценивается по тому, насколько манипулятивным становится твой язык, то есть, насколько ты с помощью своего языка можешь заставить человека выполнить то или иное действие. Какие, на ваш взгляд, еще есть критерии эффективности языка?

Лингвист Алексей Шмелев

О лжи в русской
языковой картине

О языке как ключе к понима-
нию культуры

Александр Пиперски
О цифровизации языка

Психолог Алексей Котов
О лингвистической
относительности

А.П.: Здесь, видимо, имеет смысл прибегнуть к материалистическому объяснению. Да, иногда язык и языковые изменения описывают в терминах теории игр — присваивают тебе очки, если тебя поняли, или лишают очков, если ты потратил энергию, а тебя не поняли и не сделали то, что ты хочешь. Другое дело, что цели могут быть самые разнообразные. Можно оценивать эффективность по тому, удалось мне вам что-нибудь продать или нет, но, на самом деле, например, когда мы разговариваем, то я продаю вам еще и себя. Я произвожу какое-то впечатление, которое, возможно, когда-нибудь пойдет мне на пользу. Я получаю удовольствие от приятного времяпрепровождения — еще плюс 10 баллов полезности от того, что мы с вами приятно поговорили, и так далее. То есть, сложно выразить эту эффективность количеством, потому что функций языка очень много. Одна функция — убедить, другая функция — получить информацию, третья функция — получить удовольствие, и как это все выразить количественно, никто не знает.

А.М.: А можно ли учить владеть языком эффективно? Есть наука риторика. Считается, что риторика учит эффективно выражать свои мысли. Но исторически так сложилось еще с древнегреческих времен, что создавалась риторика как инструмент влияния в демократическом обществе и продолжала развиваться как инструмент для судебной работы. И сейчас тоже во многом она используется для того, чтобы, скажем, убедить в чем-то совет директоров, убедить членов команды последовать за тобой, убедить избирателей за тебя проголосовать. Это обращение одного человека к некому множеству. При этом предполагается, что сама по себе риторика должна пониматься более широко. Существует ли некое понимание того, как этим инструментом владеть, как его нужно изучать? И стоит ли этому учить?

А.П.: Думаю, что стоит. Какие-то аспекты коммуникации можно оптимизировать, чтобы полезность была больше. Можно человека научить производить более благоприятное впечатление, например, или научить его выражаться чуть более логично, коротко доносить информацию. В основном, риторика, конечно, нацелена именно на создание благоприятного впечатления о говорящем.

Это важный аспект, но таких аспектов можно привести много и за пределами риторики. Например, можно учить людей хорошо одеваться, правильно держать вилку и нож, и это тоже будет приносить им какие-то очки.

А.М.: Риторика — это, условно говоря, набор правил. Многие говорят, что риторика — это искусство, но, исходя из того, что пишут в учебниках по риторике в течение двух тысячелетий, можно сказать, что это набор правил. И они касаются даже того, какие слова и в какой последовательности произносить, какие синтаксические конструкции лучше использовать.

Если мы говорим о том, что этому можно обучить человека, можно говорить и о том, что этому можно обучить этому машину. Мы можем научить машину играть в шахматы, и через 5–7 лет, постоянно обучаясь, она будет играть лучше, чем человек, потому что вберет в себя все человеческие игры. Если мы предложим машине обрабатывать человеческими риторическими правилами текст, то мы можем сделать некую сверхубедительную машину. Она будет законные или незаконные требования облекать в некие сверхриторические формы и придавать им ту убедительную мощь, которой человек не может достигнуть самостоятельно. Можем ли мы сказать, что в этом случае некий человек получит сверхпреимущество за счет того, что у него эти мощности есть?

А.П.: Я думаю, что один человек или одна группа людей не получают этих преимуществ. Если мы предполагаем,

что такая машина появилась, то она вряд ли долго продержится в руках одной группы людей. Это будет некоторый новый уровень конкуренции, но не думаю, что кто-то один сумеет поработить всех людей. Та же самая история с развитием машинного перевода начиналась как военный проект. И каждой стороне казалось, что она сейчас научится переводить и всех победит. Как показывает практика, машинный перевод в итоге становится всеобщим достоянием.

А.М.: У этого вопроса есть продолжение. В последнее время технологических гигантов обвиняют в том, что они своими вариативными алгоритмами создали метаязык, который позволяет им, получая некие знания о человеке, подбирать специальные слова для этого человека, которые изменяют его поведение. И в этом, опять же, обвиняют забывших о своей профессиональной этике людей, занимающихся, как правило, лингвистикой. Они якобы создают некие паттерны, которые недобросовестные социальные сети продают не менее недобросовестным политикам, чтобы невинного человека переманить и сделать из него, к примеру, избирателя Трампа. То есть, можно сказать о том, что некие риторические свойства можно максимизировать?

А.П.: Максимизировать, я думаю, можно, но я не вижу существенной неприятности в том, что происходит. Люди всегда получали информацию из тех каналов, которые им приятны. Когда Facebook не было, был телевизор. Кто хотел, тот смотрел Первый канал, кто хотел, смотрел НТВ или Муз-ТВ. И в этом смысле Facebook ничем не отличается, потому что точно так же подсовывает человеку то, что ему нравится, Facebook точно так же пойдет за человеком, у которого изменятся предпочтения, потому что человека надо не только в чем-то убеждать, ему надо что-то продавать, ему надо показывать то, что ему приятно, интересно сейчас. А идея, что

мы можем получать какую-то нейтральную информацию, никогда в человеческой истории не работала.

А.М.: Можем ли мы говорить о том, что наиболее эффективный язык нужно использовать в просветительских целях, и каким он должен быть для того, чтобы побуждать человека не купить шляпу новую, а совершить действие, требующее усилия, например, пройти курс математики? Видите ли вы, что люди, занимающиеся научным просвещением, используют такое в своих работах?

А.П.: Люди, которые занимаются научным просвещением, конечно, все время используют какие-то манипулятивные приемы, поскольку если реципиенту не будет интересно, то в ситуации, когда нет принуждения, он просто выберет себе какое-нибудь другое развлечение, это неизбежно. Конечно, надо делать так, чтобы твой слушатель не засыпал у тебя на лекции, надо говорить понятным языком, общаться с аудиторией, а не просто говорить в пространство. Формат школьного образования — это не то же самое, что научно-популярные лекции для взрослых, где человек может прийти, может не прийти, может уйти в середине. Можно, наверное, пытаться у разных просветителей обнаруживать разные стратегии: кто-то привлекает к себе простотой, а кто-то, наоборот, сообщает какие-то научные рафинированные истины, познав которые, слушатель окажется «принадлежащим к высшим сферам». Стратегий много, каждая захватывает свою часть аудитории.

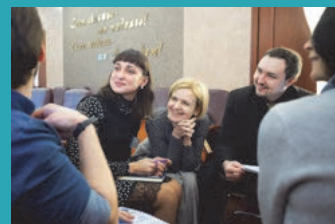
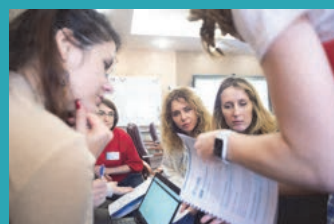
А.М.: Мне кажется, существуют, условно говоря, некие науки с тяжелой точкой входа и некие науки с легкой точкой входа. Эти легкость и тяжесть могут быть для разных людей разными. Понятно, что заниматься ядерной физикой, сидя дома, значительно сложнее,

чем заниматься математикой. Если мы представим, что такая градация есть, где, по вашему мнению, находится лингвистика? Что бы вы советовали человеку, который хотел бы выполнять какие-то исследовательские задачи по лингвистике самостоятельно?

А.П.: В лингвистике очень много разных поднаправлений с разными уровнями входа. Как в медицине: бывает участковый врач, который лечит всякие насморки, гриппы и простуды, а бывает человек, который разрабатывает лекарство от рака. Оба вида деятельности очень полезны. Так же и в лингвистике: если вы, например, хотите заниматься исследованием языковых особенностей своего города, то можете ходить и слушать, а затем издавать словари регионализмов. А если вы, например, хотите изучать происхождение индоевропейских языков, пытаться понять, как был устроен язык 8000 лет назад, то вы должны изучать древнегреческий язык, санскрит, латынь, древнеирландский. Это требует больших вложений и времени. Если вы хотите заниматься компьютерной лингвистикой на начальном уровне, то сначала вам не нужно ничего, кроме готовых ресурсов своего персонального компьютера. А если вы хотите это делать уже более профессионально, то тогда нужны какие-то специальные сервера.

Лингвистика хороша тем, что каждый может найти в ней что-то свое.

2019/20 ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ГОД ✨

В решениях ЕСПЧ можно встретить цитаты из Монтескье, Локка, Канта, Жан-Жака Руссо с обоснованиями тех или иных вещей, то есть, задача этого суда – подводить фундаментальные основания под те или иные решения в таких вещах, как права человека. Это и есть практическая философия.

Иван Микиртумов

Философы и философия современного мира

Иван Микиртумов
эксперт Школы «Репное»,
профессор, доктор философских
наук, заведующий кафедрой логики
института философии Европейского
университета в Санкт-Петербурге

Юрий Долгих
выпускник Школы «Репное»
2012–2013 просветительского года,
заместитель генерального директо-
ра ОАО «Воронежпроект»

Лия Ищенко
выпускница Школы «Репное»
2011–2012 просветительского года,
менеджер Школы «Репное», помощ-
ник руководителя группы компаний,
специалист по рекламе и PR

2010-
2020

Лия Ищенко

Родилась 02.04.1981 в Харькове (Украина), в возрасте 3 лет вместе с родителями переехала в Воронеж. По образованию – учитель английского и французского языка по специальности; обучалась по президентской программе «Менеджмент» государственного плана подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства РФ (ВГУ). Проходила практику и стажировалась в Германии, изучая менеджмент в Exportakademie Baden-Württemberg. О Школе «Репное» случайно услышала от знакомого, поступила, как только появилась возможность. Я и подумать не могла, что спустя год обучения в школе и затем участия в проекте Фестиваля научного актуального кино «360 градусов» руководство Школы предложит мне стать менеджером и куратором образовательных проектов «Репного». Для меня это было очень большим достижением.

Юрий Долгих

Я родился в Тульской области 5.05.1980, затем последовали неоднократные переезды. В итоге 11 класс я заканчивал в Воронеже и здесь же поступил в ВГУ на экономический факультет: бакалавриат, магистратура, законченная диссертация, но незаконченная, увы, аспирантура. Существенным итогом вузовского этапа образования стало понимание того, что аккуратность при формулировке проблемы и неравнодушие Учителя – это, пожалуй, столь же важные факторы в решении исследовательских или профессиональных задач, как и компетентность. Именно один из Учителей – Марк Зиновьевич Берколайко – познакомил меня с «Репным». Школа и ее выпускники стали для меня редкого качества собеседником, встречи с которым от предложения «Давайте усложним» традиционно становятся интереснее.

Иван Микиртумов

Родился 5.03.1971 в Ленинграде. «Философ вечно является непрощенный. ... Говорит не то, ... объявляет все нынешние ценности неправильными. Спрашивает: дайте обоснование. Кошмар для авторитетов властных, религиозных, в сфере культуры. Это очень опасная фигура. Поэтому всегда философов не любили», – говорил он в одном из интервью. В 1993 году окончил философский факультет Санкт-Петербургского государственного университета по специальности «Философия». Там же в 1996 году закончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию «Бикомпонентная семантика и интенциональная логика (проблемы логики смысла и денотата)». В 2007 году защищает докторскую диссертацию «Теория смысла в общей интенциональной логике: от принципа композициональности к эпистемическим установкам». Автор газеты «Ведомости» и ряда других СМИ.

ИССЛЕДОВАНИЕ

ВРЕМЕНА, КОГДА ФИЛОСОФИЯ ЯВЛЯЛАСЬ ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЙ НАУКОЙ И, ПО СУТИ, СОДЕРЖАЛА В СЕБЕ ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ НАУКИ, ДАВНО ПРОШЛИ. СЕГОДНЯ, ГОВОРЯ О ФИЛОСОФИИ В ОБЫДЕННОМ СМЫСЛЕ, МЫ ЧАСТО ПОДРАЗУМЕВАЕМ РЯД ОБЩИХ ЭТИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ, НОСЯЩИХ ЗАЧАСТУЮ УМОЗРИТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР. ОДНАКО В УСЛОВИЯХ ОБИЛИЯ ПОСТУПАЮЩЕЙ ИЗ МИЛЛИОНОВ ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ НАВЫКИ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ОСОБЕННО ВАЖНЫ, ФИЛОСОФИЯ СТАНОВИТСЯ ВОСТРЕБОВАННОЙ НЕ СТОЛЬКО КАК ФОРМА ПОЗНАНИЯ МИРА, СКОЛЬКО КАК ЖЕЛАНИЕ И УМЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЬ ЯВЛЕНИЯ СО ВСЕХ СТОРОН. ИМЕННО ФИЛОСОФЫ ФОРМУЛИРУЮТ НОВЫЕ ВОПРОСЫ И ОПИСЫВАЮТ НОВЫЕ ФЕНОМЕНЫ И ПРОБЛЕМЫ, ВСТАЮЩИЕ ПЕРЕД ОБЩЕСТВОМ. О ТОМ, ЧТО ЭТО ЗА ВОПРОСЫ И КТО ЭТИ ФИЛОСОФЫ, ПОБЕСЕДОВАЛИ ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК ИВАН МИКИРТУМОВ И ВЫПУСКНИКИ «РЕПНОГО» ЮРИЙ ДОЛГИХ И ЛИЯ ИЩЕНКО В РАМКАХ ИТОГОВОЙ БЕСЕДЫ В ЧЕСТЬ 10-ЛЕТИЯ ШКОЛЫ.

«ФИЛОСОФ ВСЕГДА РАЗОЧАРОВАН ТЕМ, ЧТО ОН НИГДЕ НЕ ПОЛУЧАЕТ ПРИЗНАНИЯ»

Л.И.: Вы говорили в одном из своих выступлений, что философы — неудобные люди. Почему?

И.М.: Не будем преувеличивать неудобство философов сегодня. Они были неудобными, когда оказывались конкурентами другим авторитетам в сфере ценностей и в сфере власти разума, например, Господу Богу, или когда они своими рассуждениями ставили под вопрос какой-нибудь сословный, классовый уклад, привилегии аристократии, что-нибудь говорили о равенстве или, наоборот, критиковали демократию, и от их мнения что-то зависело, к ним прислушивались. В этих случаях они, конечно, раздражали, были неудобны. Но сказать, что сегодня философы могут на что-то сильно повлиять, я бы не рискнул. Профессиональные философы утилизированы системой образования (у нас только высшей школой, а в других странах и средней), и тем, что называется «философия как наука», и общаются внутри этих сред. Можно было бы подумать, что, работая со студентами, они формируют у них какое-то миропонимание, умонастроение, но не стоит переоценивать. Массовое образование порождает и массовую философию и массовых философов, то есть в той или иной степени профессионалов преподавания, иногда знатоков, реже — остроумцев и оригиналов, в исключительных случаях — настоящих мыслителей. Это как с музыкой, спортом, наукой, политикой или любыми другими вещами, которыми занимаются тысячи людей. Если брать сферу того, что дает понимание общества в разных аспектах и масштабах, то в последние 100 лет на первом месте находится социальное знание, где важнее всех экономическая наука, поскольку вопрос о богатстве и его распределении является ключевым, а за ней идут уже социология, политология, соци-

альная психология. Все остальное получает право на существование, а, значит, на финансирование, лишь тогда, когда институты власти считают то или иное знание нужным для общества в рамках той его модели, которую они считают верной и которую им дают науки социальные. Интерес к «мозгам», который мы сегодня наблюдаем, — это следствие интереса к человеку как к существу, которым нужно научиться эффективно управлять. Изучают не мозг ради него самого, а мозг экономического и политического человека. В него пытаются забраться, чтобы прочитать там наши дурацкие мысли, стереть их и вставить на их место другие, более подобающие нам с точки зрения элиты. Философы причастны к созданию моделей общества в социальных науках, они подбрасывают полезные метафоры, но они не знают деталей и не участвуют в процессе власти, их идеи есть, прежде всего, оружие идеологическое, которое может поменять картину мира миллионов людей, если для этого складываются обстоятельства. Идеи здесь — это, скажем так, качество, знание, описание мира, а вот принятие идей, да еще и массовое — это сложнейшее явление, чудо из чудес, которого никто не знает, как добиться. Люди вдруг начинают думать так-то и так-то, хотя их до этого столетиями могли учить чему-то противоположному. Поэтому, когда общество меняется, что в последние 200 лет происходит регулярно, мы всегда можем обратить взор назад и найти мыслителя, который лет за 50 до изменений, когда все было суперстабильно, предрекал крах то тому, то сему и возвещал неизбежное наступление нового порядка. Над ним смеялись современники, поверившие ему революционеры терпели поражение за поражением, а потом вдруг раз — и старый режим однажды рушится. Сказать, что это мыслители напридумывали чего-то такого, что обрушило, скажем, старый режим во Франции, прямо нельзя. Просветители много чего верного и важного

сказали, но скорее случайно попали в ту логику, по которой шли потом события. То же самое можно сказать и про русскую революцию. Вообще же всегда существует огромная палитра мнений. Мы выхватываем в прошлом только то, что нам близко, что реализовалось, не замечая несбывшиеся прогнозы одних и неадекватный анализ ситуации другими.

За 50 лет до события 10 мыслителей дают прогнозы на будущее, сбывается один, и его автора мы объявляем провидцем, между тем как наблюдения за социальными процессами, которые он делал, были не лучше и не хуже, чем такие же наблюдения оставшихся девяти. Этот один, повторю, более или менее случайно шел своим путем. Карл Маркс и Алексис де Токвиль — современники. Первый шумел и гремел, писал тома, но, по меткому наблюдению моего коллеги историка Дмитрия Панченко, никакие его прогнозы не сбылись, тогда как Токвиль, которого никто не воспринимал как пророка, в своих работах дал множество точных прогнозов относительно развития европейской цивилизации. Анализ трудов первого и второго не позволяет сказать, кто более прав, оба наблюдательны, остроумны, глубоки. Мозги философа поэтому мало интересны современникам, потому что поведение философа определяется не тем, что он экономический человек, а...

Ю.Д.: Чем-то совсем другим.

И.М.: Конечно. Как потребитель он ведет себя так же, как все, в этом аспекте его мозги такие же, а все остальное не так существенно. И поэтому философия, на мой взгляд, конечно, не в фокусе внимания, хотя, в общем, это обычное ее состояние. Она редко когда попадает в центр — мысль философа либо запаздывает, либо опережает события. Лишь в очень редкие моменты она оказывается на пике. Последний такой момент был в 1968 году — французские события, студенческая

революция, Жан-Поль Сартр, Герберт Маркузе. Это, прежде всего, интеллигентская революция, поскольку заводицы действовали, скажем так, не как социальные преобразователи, имевшие конкретную повестку, а как теоретики, улучшатели мира, исходящие из абстрактных принципов в большей мере, нежели из знания социальной практики. С тех пор я не припомню, чтобы что-то подобное происходило.

Ю.Д.: Это тот случай, когда неудобство философов было на руку обществу, получается?

И.М.: В целом, если говорить обо всем долгом процессе обновления общества, который стартовал в 1968-ом, то, конечно, философы сыграли свою позитивную роль. Так же, но без революций, было в Германии, когда в 50-е годы началось формирование того нового немецкого общества, которое мы сегодня знаем. Французы не придумали фашизма и Холокоста, не были инициаторами Второй мировой, это, в общем, немецкие достижения (итальянцев вычеркнем, они настоящими злодеями стать не смогли), поэтому и проблема иначе стояла — не социальное равенство, не антиколониализм, не эмансипация меньшинств, а построение общества, которое осознавало бы свою историческую вину и строило бы свое будущее в рамках этого осознания. Идеи проработки прошлого в послевоенной Германии были озвучены среди других гуманитариев, например, философом Карлом Ясперсом, а позже дискуссия о немецкой национально-государственной идентичности шла с участием социолога и философа Юргена Хабермаса.

Тут не было исключительной роли философии, так как вовлечены были историки, теологи, писатели, но философская «свобода» ума сказала, и заслугу ее нельзя не видеть. Если вернуться к французам, то непосредственно во время решительных событий

1968 года и позже доминирующие в обществе группы считали философов-леваков врагами — подстрекателями и агентами КГБ, и надеялись всех этих сартров поместить в места не столь отдаленные. Но потом оказалось, что абстрактные основания протеста «приземляются», что государство всеобщего благосостояния, антиколониализм, права и свободы — это определяющие идеи политики, а деятели студенческого движения конца 60-х повзрослели, стали министрами.

Помните, был министр иностранных дел в Германии Йошка Фишер? Сохранились кадры телевидения ФРГ, где стоят демонстранты с плакатами, напротив полицейские со щитами, пока никто никого не трогает, и тут из толпы демонстрантов выскакивает молодой человек, хватает что-то и кидает в полицейских, после чего начинается свалка. Это был Йошка Фишер.

Роль свободной мысли в социальной жизни велика, но сегодня в этом практическом своем применении она используется не философом, а юристом или политиком.

Например, расовая сегрегация в США длилась очень долго, а какие-то нормы, ограничивающие права черных, существовали чуть ли не до XXI века.

Известно, что большую роль в ликвидации сегрегации сыграл Верховный суд. Например, власти штата говорят: «Да, правильно, черных не записывать в эту школу, на для белых». Судебное дело доходит до верховной инстанции, и там выносят решение: «Никакие ограничения по цвету кожи не могут быть законными». Это были юристы, но какие юристы? Люди исключительно продвинутые, видящие задачу защиты прав и свобод своей главной функцией. Так сейчас рабо-

тает ЕСПЧ (Европейский суд по правам человека. — Прим. ред.), — они оперируют понятиями сущности человека, свободы, разума и так далее на философском уровне, когда рассматривают дела и выносят решения.

Ю.Д.: На базовых категориях.

И.М.: Да, на базовых категориях с цитатами. В решениях ЕСПЧ можно встретить цитаты из Монтескье, Локка, Канта, Жан-Жака Руссо с обоснованиями тех или иных вещей, то есть, задача этого суда — подводить фундаментальные основания под те или иные решения в таких вещах, как права человека. Это и есть практическая философия. Занимаются ею судьи верховных судов, конституционных судов, ЕСПЧ — это философы в полном смысле слова. Иногда таковыми оказываются и политики, и военные. Достаточно посмотреть инструкции, которые в армии, например, Израиля даются на предмет возможности или невозможности применения того или иного оружия в той или иной ситуации, где все вращается вокруг возможных жертв среди мирного населения. И это так не только в Израиле. Я не знаю, есть ли такие инструкции у военных в России, возможно они тоже написаны, но едва ли к ним относятся серьезно.

Л.И.: Получается, что философ должен всю цикличность историческую иметь в виду и предлагать какие-то решения с учетом существующих концепций. А как, допустим, современному философу можно привнести

что-то новое в философское знание, причем что-то, что было бы полезно для современного общества?

Ю.Д.: Превращение в прагматическое философского какого-то знания?

И.М.: Оно редко когда возможно. Надо заметить, что философы всегда не согласны друг с другом — это и Кант отмечал. Но тут дело даже в другом: нельзя быть очень сильно завязанным на историю. Исторический опыт — это интересно и полезно, но мы не верим в метафизические доктрины старых мыслителей, основанные на каком-нибудь абсолютном творце мира, абсолютном разуме или субстрате. Разные тонкие наблюдения

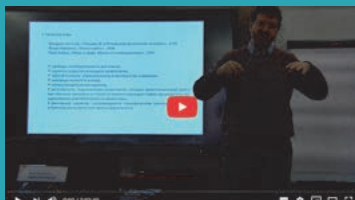
ИВАН МИКИРТУМОВ

О многообразии знания
Часть 1

О многообразии знания
Часть 2

Об игре в свободу

О себе и других в сообществе
будущего

в трудах классиков на каждом шагу, но все могучие системы и доктрины поблекли. Полезно их изучать, чтобы знать, какими путями мысль уже ходила.

Философы и в старину обычно были маргиналами, они критикуют и власть, и народ: власть имущие для них неприятны, потому что они философов не замечают, денег им не платят и желают, чтобы те их славили, а народ для мыслителя туп, груб, находится в рабстве своих вождельней, разговаривать с ним бесполезно. Философ — это такой инфантильный взрослый, он всегда разочарован тем, что ни у кого не получает ожидаемого признания. Только уже в Новое время, в XVIII-XIX веках, когда начинается эмансипация, когда на уровне институтов государства идет борьба за права и свободы, философская глубинная система аргументации становится важной для многих, например, для буржуазных классов, с которых все и началось. «Что такое человек?», «Что такое человеческое счастье?», «Что такое право?», «Мужчина, женщина: кто это такие, разные существа или одно?» — все эти вещи стали интересны, потому что ответы на эти вопросы есть орудие в борьбе как за контроль, так и за эмансипацию, наконец, уже миллионов людей.

И поэтому опираемся мы не на историю, а на текущее. Если, не обязательно будучи философом, но будучи писателем, поэтом или кинорежиссером, ты сумел внести какое-то новое понимание в эти вопросы, то это сдвигает и остальных. Сначала сдвигает каких-то интеллектуалов, и людей практически вовлеченных — юристов, политиков, так что политик о себе однажды расскажет: «Прочитал «Хижину дяди Тома» про угнетение рабов и понял, как это ужасно».

Это может быть и будничной практикой. Вы пришли к врачу, он с вами побеседовал, выразил вам сочувствие, потом вы вышли в коридор и сидите там выписку ждете, он проходит мимо вас, и вы хотите эту коммуникацию продолжить, но вдруг понимаете, что о вас уже

не думают. Вы как-то даже обижены, но потом понимаете, что это объективация, — вы для врача, в общем-то, тело. Старая медицина лечила больного, а не болезнь, а современная медицина лечит именно болезнь, и важны ваши симптомы, анализы, ваше тело. И вам это не очень приятно, потому что тело ваше оказывается под контролем и надзором социальных институтов, объектом биологической политики и власти, как это явление назвал Мишель Фуко. Так, впрочем, было всегда, ведь когда-то и неудачливых самоубийц наказывали, ибо считалось, что жизни своей ты не господин, на то есть Господь Бог и его величество король, жизнь твоя и тело твое в их юрисдикции. В общем, некомфортно чувствовать, что твое тело и ты сам — не более чем средства, инструменты для других людей и социальных институтов. Тут подоспела и критика, восходящая к Канту, — про цель и средства. Я все жду, когда, наконец, идеи отрезвляющие на этот счет как-то проникнут в массы. И тогда мы скажем честно друг другу, что друг для друга мы все и всегда какое-то средство, и что в этом нет ничего обидного, и что пора с этим смириться. Более трезвый взгляд на такого рода отношения может сделать приемлемым для нас не концепция, развитая философом,

Философ — это такой инфантильный взрослый, он всегда разочарован тем, что ни у кого не получает ожидаемого признания.

но литературное произведение, а еще лучше — сериал, который покажет, как с реализацией таких отношений можно жить. Я думаю, что сегодня сдвиги в состояниях наших нравов происходят именно так.

Получается, что практическая философия в сфере искусства и массовой культуры на своем месте.

Философ же профессионал — преподаватель и ученый, боюсь, весьма далеко от всего от этого, потому что он сидит, вооружившись Аристотелем, Платоном, Гуссерлем и Хайдеггером, занят своими бисерными играми, которые хороши тем, что культивируют разум, воспитывают интеллектуальность, но выход на практику, о которой вы меня спросили, скорее, будет у писателя, у кинорежиссера, у политика, у судьи.

Ю.Д.: То есть, получается немного обратная история: сейчас, когда философы утратили свой статус неудобства, точнее, не статус, а качество неудобства, они наоборот начинают искать вокруг себя эти неудобства для того, чтобы их сделать содержанием или предметом в своей работе.

И.М.: У философов предмет работы и повестка дня ничем не определены, это и есть свобода ума. Есть хорошие специалисты в разных специфических вопросах философии, которые знают все мелочи, все детали, всю литературу. Но если нас интересует повестка дня более человеческая, цепляющая за суть жизни, волнующая многих, то она, конечно, в другом, она в реалиях жизни. Так было всегда.

Один из главных философов современности — это кинорежиссер Ларс фон Триер, и последний его фильм «Дом, который построил Джек» — это философское-

социологическое исследование психопата-маньяка. Оно намного превосходит голливудские аналоги, в которых доминируют примитивизированные психоаналитические причинно-следственные связи: мол, если ребенка в детстве били, то он станет маньяком и отомстит всему человечеству. У Триера мы находим тонкое симптоматическое исследование персонажа, ненавидящего людей, лишенного способности сочувствовать, деструктивного.

Таких психопатов немало, мы со школы знаем одного, поданного нам в рамочке романтической иронии, — это гоголевский Ноздрев, черты которого можно найти, например, у Лукашенко. Подумайте об этом герое, например, о том, каким он может быть мужем, отцом, начальником, подчиненным. Психопаты хорошо себя чувствуют в политике и в бизнесе, особенно в тоталитарных государствах, где все основано на подавлении, на издевательствах над здравым смыслом и доброй волей. У Триера блестящий финал, который показывает, с какими именно силами эти люди соотносят себя. И вот это соотношение себя с чем-то — я не буду говорить, с чем, чтобы не испортить впечатление тем, кто

не смотрел, — оно является центральным, без этого образ психопата и маньяка не понять.

«ОН ХОЧЕТ НАС УБИТЬ, А ПОЧЕМУ, НЕ ЯСНО»

И.М.: У нас до сих пор нет внятного кинематографического, литературного и философского анализа терроризма, хотя последние 20 лет нас все время пугают террористами. Трамп (еще один Ноздрев) недавно попытался закрыть эту тему, — сказал, что их, наконец, победили. Трампу все по плечу. А до этого подерживалось ощущение постоянной опасности.

В России это началось даже раньше, чем на Западе, во время первой Чеченской войны. Можно вспомнить слова Бориса Ельцина на саммите в Галифаксе в 1995 году, как он объясняет западным коллегам, что происходит в Чечне, стремясь снять все упреки в отношении страданий населения. Он включает примитивную риторику и заявляет: «Это оголтелые бандиты с черными повязками». Это издевательское объяснение кровопролитной войне в Чечне, неизбежной войне, в которой мы помним, что происходило.

Один из главных философов современности — это кинорежиссер Ларс фон Триер, и последний его фильм «Дом, который построил Джек» — это философское- социологическое исследование психопата-маньяка.

Что за объяснение дает Ельцин? Он подразумевает следующее: «Я произношу некие слова, в которых я ничего не объясняю, я не говорю, кто эти люди — наши враги, чего они хотят, кто их поддерживает, кто не поддерживает. Я предъявляю образ, — страшный и непонятный, чтобы вы не сомневались, что ответом на него может быть только огонь по площадям». Все. Это как будто ты монстра увидел, с которым в коммуникацию вступить не можешь. Между тем, как мы понимаем, в тот момент воевали с национально-освободительным движением чеченским, да еще и подпитанным религиозным возрождением. Этих слов российские власти не сказали и не скажут, потому что сказать их означает признать в противнике субъекта, имеющего право на существование, на свою собственную волю, а себя, следовательно, признать душеителем этих прав. И одно из них — это право ...

Ю.Д.: На возможность диалога...

И.М.: ...да, это само по себе очень важно. Если в тебе не видят субъекта для диалога, то где уж там право на определение своей судьбы. Нет, это как бы нас не интересует, и мы суем вам вот этого террориста, который мотивирован непонятно чем, действует, не зная, кто он, откуда взялся и чего он от нас хочет. Он хочет нас убить, а почему, не ясно. И это оказалось очень удобно, потому что потом были башни-близнецы 11 сентября, и в таком же духе абсолютно уже американские власти интерпретировали своих врагов. И это дало им возможность воевать с Саддамом Хусейном. Можно было хоть Антарктиду завоевывать, тут без разницы, потому что твой противник находится неизвестно где и хочет неизвестно чего. Его киношно персонифицировали в виде Бен Ладена, который также совершенно непонятен, держали до поры до времени, чтобы убить в нужный момент.

Это умышленная стратегия: мы создаем миф, которым пугаем общество. Это дает нам свободу рук, мы мощно финансируем спецслужбы, создаем много-много спецслужб, они все записывают, прослушивают.

Ю.Д.: Торгуем угрозами.

И.М.: Конечно. А хорошего анализа того, что это за люди, кто такие террористы, откуда взялись, что у них за судьба индивидуальная, нет. И я ожидаю от Триера, что он займется этой темой, потому что она следующая, по логике. У него до «Джека» был фильм «Нимфоманка». Это мощное исследование феномена, на который никто не обращает внимания, потому что традиционно в истории он считался элементом безумия. Сейчас в сумасшедшие не записывают, но это абсолютно на краю культуры, и даже нет слов для описания этого состояния. Он все описал, показал и генезис, и несчастье, и трагизм положения такого человека. Дальше было про маньяков, теперь надо ожидать про террористов, потому что террористы — это интересная реальность. Нас беспокоит и само это явление, и то, как власти разных стран используют это в своих интересах. Надо вывести тему из тени.

Это умышленная стратегия: мы создаем миф, которым пугаем общество. Это дает нам свободу рук, мы мощно финансируем спецслужбы, создаем много-много спецслужб, они все записывают, прослушивают.

Л.И.: Получается, что философы могут объяснить причину терроризма, понять, откуда он, что это, какие у него предпосылки. Вы в своем интервью на «Эхо Москвы» сказали, что терроризм — это как акт отчаяния.

И.М.: Это довольно поспешная, может быть, версия того, кто такие террористы. Мы помним революционные движения в России: это меньшинства, которые никаким другим способом, кроме терактов, не могут ни на что повлиять, и которые взогнали в себе гнев, негодование и стремление к борьбе до такой степени, чтобы начать действовать.

Революционность — это романтическая идея. Возьмем последние события — дело террористической организации «Сеть» (запрещена в России) и расследование Медузы, которое показывает, что вполне возможно, что в России таки есть революционное подполье. Мы не уверены, мы не знаем. Но социально-эмоциональные компоненты для его формирования имеются.

Мысли обладают удивительными чертами: они формируются в наших головах без нашего участия и желания.

Потому особенно трудно не иметь греховных мыслей, за которые могут покарать либо силы высшие, либо тутошние, как у Оруэлла. Это я не говорю про озвучивание или записывание мыслей, просто про то, что они пришли в голову и мыслятся. Революционная идея в наше время, вовсе не романтическое, когда никто не идет биться «за народ», никто не верит в «идею» и какую-то «правду», выглядит странно. Откуда же она берется? А непосредственно из рабочих метафор, с помощью которых мы осмысливаем социальную реальность вне зависимости от того, нравится она нам или нет. Вот любит кто-то текущую реальность России, чувствует себя в ней пре-

красно — богат, счастлив, но как подумает о том, каким путем она, если что, сможет трансформироваться (а то, что это рано или поздно произойдет, про это известно из истории), как немедленно является в эту благонамеренную голову идея революции. Что тут поделаться! Есть у Андрея Белого в гениальном его романе «Петербург» такие шутейные стихи:

*Уехали фон Сулицы,
Уехал Аблеухов...
Проспекты, гавань, улицы
Полны зловецких слухов!..
Исполненный предательства,
Сенатора ты славил...
Но нет законодательства,
Нет чрезвычайных правил!
Он — пес патриотический —
Носил отличий знаки;
Но акт террористический
Свершает ныне всякий.*

Здесь, на мой взгляд, это проникновение революционно-террористической идеи великолепно схвачено. Если обратиться к тексту, то станет понятно, что она гуляет в головах революционеров, охранителей, военных, шпиков, барышень и так далее.

Практика каких-то террористических атак, нападений и прочего — она многовековая, и это всегда какие-то подавленные группы, с которыми не ведется никакого диалога, субъектность которых отвергается, так что они абсолютно отчуждены от соучредительства общества и государства, на которое каждый имеет право. Доминирующее меньшинство надеется обычно этих радикалов силовым путем подавить — их даже в плен, для допроса и следствия у нас никогда не берут, ни в «Норд-Осте», ни в какой-нибудь квартире, которую гранатами закидывают. Так всегда и везде делали, начиная с какого-то момента, а потом вдруг происходит натуральная революция.

Нынешний терроризм, который существует примерно 20 лет, исламского происхождения. Если он вырос на полярностях «атеизм — религиозность», «Запад — Восток», «информированность — неинформированность», то, на мой взгляд, с распространением интернета и, условно говоря, «Аль-Джазиры», конечно, питательная среда для этого терроризма должна исчезнуть, и видимо, он приходит в упадок, как и вообще религия. Но вся его история должна быть описана, восстановлена, мы должны понять, что это было. Точно так же и вопрос с Чечней остается. Мы не знаем и не понимаем того, что происходит там сейчас, это нехорошо.

Философ может пытаться «высматривать» такого рода вещи интуитивно, поскольку они по понятным причинам не видны журналистам и социологам. Кто-то их и не хочет видеть, а другие делают так, чтобы нельзя было увидеть.

«СТРАШНЕЕ НАС И НЕМЦЕВ В ЭТОМ МИРЕ НИКОГО НЕТ»

И.М.: Нынешняя модель жизни сверстана под прогресс и рост, и для этого заложены мощные механизмы конкуренции. А между тем, если мы сейчас сталкиваемся с жизнью без роста, то это существенно меняет экономическую модель, и в какую сторону, пока не очень понятно. Что надо сделать, чтобы привыкнуть к жизни без роста? С 1980-го года до 2008-го — считайте, 30 лет роста непрерывного, а потом заминка. И сейчас период застоя более чем 10-летний, рост в мире минимальный, а у нас с 2013 года нет его.

Драйверы роста закрываются
и в Восточной Азии,
каким будет дальше капитализм?

Не будем драматизировать, но в целом есть установка масс на постоянный прирост богатства материального, и ожидания эти не оправдываются все в большей мере. Надо привыкать к тому, что сложилась такая вот реальность, потому что вообще-то тысячелетиями люди жили без прогресса и без роста. Да, сильно разбогатели за последние 300 лет, но, может, эта динамика сейчас замедлится, потому что выше определенного уровня не прыгнуть.

Главная функция критического ума, уровень которого сегодня довольно низок, — предотвращать ошибки. Надо все время задавать вопросы: «А надо ли?», «А стоит ли?», «А не будет ли здесь хуже?». Это в целом повысит нашу безопасность, каких-то ошибок мы не совершим.

Ю.Д.: Скользящая дорожка.

И.М.: На этой скользкой дорожке мы где-нибудь посыпем песочек. У нас две мировых войны, ГУЛаг и холокост случились в первой половине XX века на базе невероятного развития и цветения европейской культуры. В течение предшествующих трех веков, начиная с XVII века, у нас был рост наук, искусств, правосознания, политической динамики, образования. Как можно было на фоне бурного роста культурности все эти катастрофы породить? А оказывается, что критическое — оно было минимальным, вот этот бешеный рост всего, он...

Ю.Д.: Концентрируется на небольшой группе, по сути.

И.М.: Это так — и не так. Активисты-двигатели — да, это всегда какая-то элита, но внедрение достижений культуры в жизнь, непрерывное обновление жизни — это дело масс. Но и там, и там возможность критического, альтернативного взгляда практически отсутствовала, слишком все хорошо шло, был энтузиазм,

Когда мы говорим про такое несовпадение хронологическое или несовпадение по скорости, когда философы говорят: «Ребят, помедленнее, давайте над этим вопросом подумаем немножко», прогресс, если он не на уровне экономики, хотя бы в научном знании все-таки ускоряется, как ощущается.

подъем, увлечение. Очередная эпоха культурная сменяла предшествующую, один стиль сменял другой, одна мода сменяла другую, но без того, чтобы как-то фундаментально менялся порядок жизни, ориентированной на прогресс во всех аспектах. Получалось, что все это были лики одной и той же европейской культуры. А в середине XX века обнаружился ее провал: на словах она вся была про гуманизм, про человека, а кончилось тем, что я назвал выше.

Были люди, которые сомневались, иронизировали, хотя, конечно, им в головы не могло прийти, до какой степени маразма можно докатиться: Фридрих Ницше, Лев Толстой, Федор Достоевский. Но их слушали плохо, и высказывались они мутно, и было не очень понятно, что они имеют в виду, и они сами, может быть, не до конца понимали, что они имеют в виду.

И это очень интересное явление — критическое самоосознание прогресса. Восток этого не знает, на Востоке не было больших прогрессов, но не было и больших такого рода провалов. Это мы, европейцы, научили китайцев коммунизму, японцев — милитаризму.

Ю.Д.: Камбоджийцев тоже.

И.М.: Да. А так бы они спокойно себе жили. А ведь наши несчастные ближневосточные страны, из которых террористы-то исходят, они ничего подобного даже представить себе не могли, что мы себе устроили. Там у них никогда не было даже крестовых походов. В смысле, наши там были крестовые походы...

Л.И.: Своих не было.

И.М.: Да. Они еще пытаются с Европой тягаться — террористы. Не знают истории. Через интернет и «Аль-Джазиру» про Вторую мировую им нужно рассказать, чтобы они поняли, с кем имеют дело, что страшнее нас и немцев в этом мире никого нет.

«КОНТРОЛЬ РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ ОТ ФИЛОСОФОВ ДАВНО УШЕЛ»

Ю.Д.: Когда мы говорим про такое несовпадение хронологическое или несовпадение по скорости, когда философы говорят: «Ребят, помедленнее, давайте над этим вопросом подумаем немножко», прогресс, если он не на уровне экономики, хотя бы в научном знании все-таки ускоряется, как ощущается. Кто в этих условиях сейчас является основным источником проблем, противоречий, над которыми хотелось бы подумать? И есть ли какая-то научная дисциплина, которая может сказать: «Все, давайте все-таки притормозим и подумаем»?

И.М.: В античной Греции и еще долго после нее философы и ученые были одними и теми же людьми. Метафизическая картина мира предопределяла и то, что мыслит Галилей, и то, что мыслит Ньютон. И у Лейбница тоже, математика и философа, все переплетено и едино. А с XIX века дорожки расходятся в разные стороны. Начинается уже взаимное обогащение метафорами. Скажем, Дарвиновская идея конкуренции за существование почерпнута из газет, в которых пишут об этом же, но в социальных реалиях, Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Герберт Спенсер и прочие.

А в конце XIX века Дарвиновская теория перетекает уже в социологию и становится социальным дарвинизмом. Модели переходят туда-сюда. Они и в древности переходили, когда все знание было едино, а тут наука дает модель для социального знания. Контроль развития научного знания от философов давно ушел, хотя и заманчиво вслед за Хайдеггером назвать науку внутрифилософским явлением, которое может иметь место лишь тогда, когда сформирована метафизическая картина мира. Я, впрочем, так не думаю, — как раз в силу непрерывного взаимообмена объясняющими моделями и метафорами внутри знания в целом. Тут концов не найти, откуда что взялось.

Но в социальном пространстве за науку сегодня отвечает государство. Бурное развитие науки начинается с XVII века в тех странах, которые заняты колониальными захватами.

Ю.Д.: Потребность.

И.М.: Да, им нужен порох, поэтому главная наука — химия. Еще им нужны лаки, краски — корабли прома-

зывать, еще им нужна навигация, картография, чтобы знали, где втыкать флажки на глобусе. В этот момент отменяются все ограничения для размышлений о том, какой формы Земля, уже в каждом кабинете каждого царя-государя-папы римского стоит глобус, уже понятно, что она круглая. И вопрос, вокруг кого кто вращается, тоже перестает быть важным, уже соглашаются, что вокруг Солнца мы все вращаемся, и это как-то сходится с данными людей, которые говорят, что Земля круглая. Еще в начале XVII века Галилею выговоры делали, а уже к середине — все, снят вопрос. Когда власти понадобилась эта модель, власть тут же ее легитимировала. Дальше им стали нужны пилорамы, чтобы делать большие корабли, подъемные краны, чтобы поднимать большие пушки и грузить их на эти корабли. Вся эта машинерия колониального освоения заморских земель и военно-промышленный комплекс, в смысле флот. А дальше уже промышленность оживляется, поэтому машины, механизмы пошли в ход.

Ю.Д.: Урбанизация болезней, физиология, здоровье, появление микробиологии.

И.М.: А до этого появляются гигиенисты: мыть руки, проветривать, пить чистую воду. Скученность населения в городе заставляет искать пути нахождения общественного здоровья, потому что эпидемии происходят, болезни, высокая детская смертность остается. И что с этим делать? Общество ставит вопрос перед властями, а власти вынуждены об этом думать. И когда появляются какие-то ответы, они это все финансируют, интересуются. Генералы тоже проявляют большую заинтересованность.

Тут интересно, что до середины XX века за наукой все еще можно было не признавать автономии. Сталин поправляет биологов, коммунистическая партия учит, что есть правильная биология и неправильная биология,

а Гитлер поправляет физиков, говорит, что еврейская физика не может быть правильной. Это были последние вожди, которые вторгались в естествознание, опираясь на свои суперправильные идеологические теории.

Ю.Д.: А естествознание в философию вторгается?

И.М.: В XVIII-XIX веках успехи естествознания, казавшиеся тогда колоссальными, определяли философскую повестку дня, как ни странно. Английские эмпирики во главе с Локком и Кант — все вращается вокруг вопроса о теоретической науке.

Ю.Д.: Кто сейчас поставщиком такой повестки является?

И.М.: Если мы смотрим на философов и говорим, в какой мере естествознание снабжает философов повесткой дня, то обнаруживаем аналитическую философию и в ней философию сознания, которые заинтерегованы сегодня «нейро». Но мы понимаем, что в нейро ничего не понятно, и, как говорит Татьяна Владимировна Черниговская, «мозг морочит нам голову».

В античной Греции и еще долго после нее философы и ученые были одними и теми же людьми. Метафизическая картина мира предопределяла и то, что мыслит Галилей, и то, что мыслит Ньютон.

Я не могу сказать, что мне нравится это направление размышлений по поводу данных естествознания, которые даже еще четко не определены. Это ставит новые вопросы, но неясно, в какой степени они осмысленны, то есть могут получить ответ. Есть риск насоздавать псевдопроблем. В целом зависимость от научной повестки дня, ориентация на науку в целом, конечно, прошли. Последним, наверное, таким всплеском был логический позитивизм.

«ИНОГДА НЕДЕЯНИЕ ЛУЧШЕ, ЧЕМ ДЕЯНИЕ»

Л.И.: Гипотетически возможно в современных условиях государство с главой исполнительной власти, который скажет: «Философы — отличные люди, я посажу их к себе советниками и буду руководствоваться этими советами, выстраивая государственную политику». И парламент скажет: «И мы будем». Это возможно, или это ситуация из области фантастики?

И.М.: Давайте рассмотрим два смысла слова «возможно». Советская власть, как известно, руководствовалась идейным учением Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, и за это отвечала целая армия идеологов. То есть, это возможно. Но приводит ли это к хорошим результатам? Те, кто там сидел, к философии никакого отношения не имели. А бывает и так, что человек, который реально что-то понимает в чем-то и может дать дельный совет, он никакой и не философ.

Ю.Д.: Крепкий хозяйственник.

И.М.: Он может быть крепким, хозяйственным прагматиком или матерью-одиночкой без ноги — кем угодно. Важна способность увидеть проблему, свободно подумать о ней. Современная массовая культура и общее образование дают возможность каждому

продвинуться в этом направлении. И если у тебя есть способность, вкус и желание мыслить философски, то есть, свободно доводить мысль до конца, ничего не принимать на веру без вопроса, все время дифференцировать подлинное и мнимое, то совершенно не важно, кто ты, какой у тебя диплом, возраст, пол.

А теперь вы говорите: «Такого человека поди найди, да еще и привлекли куда-то, чтобы он официально сидел». Это институционально не решаемо. Мы начали с того, что такие организации, как ЕСПЧ, функционируют как центры практической философии, и ЕСПЧ сильно озабочен своим статусом. Это международный суд, его статус всегда под вопросом, и он вынужден быть таким образом и показательным. Дальше все зависит от того, какие у нас институты складываются в стране: если они требуют от политиков очень ответственного поведения, то они волей-неволей превращаются в практических философов и начинают не только соображать, но и думать; если им не хватает собственных мыслей, они привлекают кого-то и задают вопросы.

Ну, а если все наоборот, и можно ни о чем не думать? Тогда можно предаваться грезам, фантазиям. Потому что если ты политик, то ты уже обязательно думаешь, что неспроста сидишь на этом посту, и любые мысли, приходящие тебе в голову, ты охотно воспринимаешь как правильные, особенно если они тебя радуют, руководствуясь принципом «то истинно, что мне нравится». Ты начинаешь обольщаться ложными идеями, ты в уверенности плодишь мифы, веришь мифам, которые сам сочинил, и совершаешь ошибки.

А вот такой человек, как Трамп, хотя бы он и был отчасти Ноздрев, вполне себе президент-философ, в совет-

никах по этой линии не нуждается точно. Его, кажется, никто не любит, голосовали за него как за терминатора-разрушителя-мстителя, который погромит надоевшие элиты и порадует «простых парней», но цену ему знают хорошо. И поэтому он вынужден действовать исключительно рационально, и за все свое президентство он не совершил ни одной ошибки. Мудрость Трампа состоит в понимании того, что делать-то ничего и не надо, если не считать говорения тех или иных слов в нужное время и в нужном месте, с тем, чтобы продолжать нравиться своим избирателям. Для него недеяние лучше, чем деяние.

И мы скажем после этого, что он не философ?

АБРАМОВ ЕВГЕНИЙ АВРАМОВА МАРИЯ АДАМСКИЙ ПАВЕЛ АЗИЗОВА-ПОЛУЭКТОВА АННА АКИНЬШИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВ БОРИС АЛЕКСЕЕВ ДМИТРИЙ АЛЕСКЕРОВ ФУАД АЛЕХИНА ЕЛЕНА АНДРЕЕЩЕВА АННА АНДРИЯНОВ КИРИЛЛ АНДРУЩЕНКО ДМИТРИЙ АНИЧКИН АЛЕКСАНДР АНИЧКИНА КРИСТИНА АНОХИН ИЛЬЯ АНУЧИНА АННА АПЕТЬЯН СТАНИСЛАВ АРИСТОВ АНДРЕЙ АРИСТОВА ЮЛИЯ АРНАУТОВА ЕКАТЕРИНА АРХАНГЕЛЬСКИЙ АЛЕКСАНДР АСТАФУРОВ ИВАН АФОНЦЕВ СЕРГЕЙ БАБЕНКОВА АНАСТАСИЯ БАГУНЦ ЮЛИЯ БАЖЕНОВА СВЕТЛАНА БАКУНЕЦ ОКСАНА БАРДИН ГАРРИ БАРМИНА ЕЛЕНА БАРЫНИНА КСЕНИЯ БАСОВСКАЯ НАТАЛИЯ БАТИЩЕВ ПАВЕЛ БАТИЩЕВ СЕРГЕЙ БЕЛАЯ ВИКТОРИЯ БЕЛОВА НИНА БЕЛОВОЛЕНКО ЯНА БЕЛЬКЕВИЧ ДЕНИС БЕЛЬКОВ ДМИТРИЙ БЕЛЬКОВА ЖАННА БЕРКОЛАЙКО АРТЕМ БЕРКОЛАЙКО МАРК БИРЮКОВА ДАЛЬМИРА БОГАЧЕВА АЛЕКСАНДРА БОЙКО ЕВГЕНИИ БОЙКО ОЛЕГ БОЙКО ПАВЕЛ БОКЛАШОВ ЮРИЙ БОЛЬШУНОВА ИРИНА БОРИСОВ АРТЕМ БОРОВИКОВ АНТОН БРИЧЕНКО ЕВГЕНИЙ БРОСКО ЮЛИЯ БУГРОВ ОЛЕГ БУКРЕЕВ ВЛАДИМИР БУТУРЛАКИНА ЕКАТЕРИНА БУТУРЛАКИНА ЮЛИЯ ВАЛЬТЕР НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВ ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВА РАИСА ВАСЬКО РОМАН ВАХШТАЙН ВИКТОР ВДОВИЧЕНКО АННА ВЕЛИЧКО ЮРИЙ ВЕНДИНА ОЛЬГА ВЕРТЕННИКОВА МАРИЯ ВИЗГАЛОВ ДЕНИС ВИНОКУР ТАТЬЯНА ВЛАСЮК ВИКТОРИЯ ВОЕЙКОВ ВЛАДИМИР ВОЛКОВА ПОЛИНА ВОРОБЬЕВА МАРИНА ВОРОБЬЕВСКИЙ ВЛАДИСЛАВ ГАВРИЛОВ ЕВГЕНИЙ ГАВУСОВА АНГЕЛИНА ГЕТАШВИЛИ НИНА ГИЛЬ АЛЕНА ГЛАДНЕВ АЛЕКСАНДР ГЛАДСКИХ ПАВЕЛ ГЛАДЫШЕВА ЕЛЕНА ГЛОТОВА МАРГАРИТА ГОЛУБЕВА ЮЛИЯ ГОЛУБОВИЧ КСЕНИЯ ГОРБОВ ИЛЬЯ ГОНЧАРОВА ЕЛЕНА ГОРБОВ СЕРГЕЙ ГРИГОРЕНКО ОЛЕГ ГРИГОРЬЕВА ЕЛИЗАВЕТА ГРИГОРЬЕВА НАТАЛЬЯ ДАВЫДОВА ЕЛИЗАВЕТА ДАЛЕВСКАЯ ЕЛЕНА ДАНИЕЛЯН АНТОН ДАНКОВ АЛЕКСАНДР ДЕМИДОВА ЮЛИЯ ДЕНЕЖКИНА ЕЛЕНА ДЕНИСОВ АЛЕКСАНДР ДЕРКАЧЕВА СВЕТЛАНА ДЕСЯТОВА ИРИНА ДИКАРЕВ МАКСИМ ДМИТРИЕВ ПАВЕЛ ДОЛГИХ ЮРИЙ ДОНДУРЕЙ ДАНИИЛ ДРОБЫШЕВСКИЙ СТАНИСЛАВ ДУБЕЙКОВСКИЙ ВАСИЛИЙ ДУБЫНИН ВЯЧЕСЛАВ ЕВГРАФОВ ДЕНИС ЕЛЕЦКАЯ ЮЛИЯ ЕЛИСЕЕВА АНЖЕЛА ЕДФИМОВА АННА ЕРМАКОВ РОМАН ЖУКОВА ОЛЬГА ЗАГОНОВА ВИКТОРИЯ ЗАДОРИН ИГОРЬ ЗАЙЦЕВ ПАВЕЛ ЗАКАРЯН НАРЕК ЗАЛОЖНЫХ НИКИТА ЗАХАРОВ ДЕНИС ЗНОВА ОКСАНА ЗУБАРЕВИЧ НАТАЛЬЯ ИБАТУЛЛИН ТИМУР ИВАНОВ ДМИТРИЙ ИВАНОВ ДМИТРИЙ ИВАНОВА АНТОНИНА ИВАНОВА НАТАЛЬЯ ИЩЕНКО ЛИЯ КАВТАРАДЗЕ ДМИТРИЙ КАВТАРАДЗЕ СЕРГЕЙ КАДЕТ АЛЕКСЕЙ КАЗАКОВА АНГЕЛИНА КАЗНАЧЕЕВ ИЛЬЯ КАЛАШНИКОВ СЕРГЕЙ КАЛИНИН ЮРИЙ КАЛИНИНА ВИКТОРИЯ КАМЫНИН ДМИТРИЙ КАНДАУРОВА ЛЯЛЯ КАПЛАН АЛЕКСАНДР КАРА-МУРЗА АЛЕКСЕЙ КАРПАЧЕВ МИХАИЛ КАРПОВ СЕРГЕЙ КАРЧЕНКО АЛЕКСАНДР КЕВХИШВИЛИ ЕКАТЕРИНА КИРЕЕВ ВЛАДИМИР КИРИЛЛОВА МАРИНА КИРИЧЕНКО СЕРГЕЙ КИСЕЛЕВ МАКСИМ КИСЕЛЕВ СЕРГЕЙ КИСЕЛЕВА ЛЮДМИЛА КЛЕЙН ЛЕОНИД КЛЕПОВ ПАВЕЛ КЛЮЧАРЕВ ВАСИЛИЙ КНЯЗЕВА ЛИДИЯ КОБЛЯКОВ АРТЕМ КОБЫЛКИН АНДРЕЙ КОЗЛОВА АЛЛА КОКОТКИН ЕВГЕНИЙ КОЛЕСНИК АЛИНА КОЛМАНОВСКАЯ ЕЛЕНА КОМАРОВА СОФЬЯ КОНДРАШОВ МИХАИЛ КОНСТАНТИНОВ ГЕННАДИЙ КОРЕЛЬСКАЯ ЕЛЕНА КОРЕНЕВА-ВОДЯНЫХ ЛАРИСА КОРОБЬИНА ИРИНА КОРОТКИХ НАДЕЖДА КОРОТКИХ ЮЛИЯ КОРОТКОВА ЛЮДМИЛА КОРОТКОВА ОЛЬГА КОРЫСТИНА АННА КОСТРЫКИНА ЕЛЕНА КОСТРЮКОВА ВИКТОРИЯ КОТЕЛЬНИКОВ СТАНИСЛАВ КОТОВ АЛЕКСЕЙ КОЦЮБА СЕРГЕЙ КРОНГАУЗ МАКСИМ КУЗНЕЦОВ РОМАН КУЗНЕЦОВА ЕЛЕНА КУКСЕНОК АЛЕКСЕЙ КУРГАНОВА ЕКАТЕРИНА КУРЫЛЕВ ИЛЬЯ КУЧЕРЕНКО АЛЕКСАНДР КУШМАНОВА АННА КЫЗЫМА НИКОЛАЙ ЛАВЛИНСКИЙ РОМАН ЛАВРУХИН ЕВГЕНИЙ ЛАВРУХИНА МАРИЯ ЛАЗУКИН ИЛЬЯ ЛАРИН ФЕДОР ЛАШКОВА ЛЮБОВЬ ЛЕВИТИАН КОНСТАНТИН ЛЕВОНТИНА ИРИНА ЛЕЩЕВА АЛЕКСАНДРА ЛИБАКОВА-ЛИВАНОВА МАРИНА ЛИТВИНОВ НИКОЛАЙ ЛОЩИЛИН МИХАИЛ ЛУКЬЯНОВ ВЛАДИМИР ЛУПАРЕВА ЕКАТЕРИНА ЛУСТИНА КРИСТИНА ЛЫСОВ ИГОРЬ ЛЬВОВ АНДРЕЙ ЛЬВОВ ДМИТРИЙ МАЗАЛОВ АЛЕКСАНДР МАКЕЕВ ВЛАДИМИР МАЛЕЕВ ДЕНИС МАЛИНЕЦКИЙ ГЕОРГИЙ МАЛЬЦЕВ ДАНИЛА МАРКЕДОНОВ СЕРГЕЙ МАРКИН МАКСИМ МАРТЫНОВ КИРИЛЛ МАРФЕНИН НИКОЛАЙ МАТВЕЕЧЕВ АЛЕКСАНДР МАТЫЦИН ДМИТРИЙ МАЦИХ ЛЕОНИД МЕЙЛИЦЕВА МАРИНА МЕЛИХОВ АЛЕКСАНДР МЕНЬШИКОВА ЕЛЕНА МЕНЬШИХ АНАСТАСИЯ МЕРЖВИНСКИЙ АЛЬБЕРТ МИКИРТУМОВ ИВАН МИЛОВАНОВ АЛЕКСАНДР МИЛОСЛАВСКИЙ ИГОРЬ МИЛЬЧИН КОНСТАНТИН МИЛЬЧИНА ВЕРА МИНАКОВ ВЯЧЕСЛАВ МИНАКОВА ОЛЬГА МИХАЙЛОВСКАЯ НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВСКИЙ ДЕНИС МОЛОДЫХ МАРИНА МОРЕВ БОРИС МОРОЗОВ СТАНИСЛАВ МОРОЗОВА ЕВГЕНИЯ МУЗАЛЕВСКИХ СЕРГЕЙ МУРУНОВ СВЯТОСЛАВ МУСАТОВА СВЕТЛАНА МУХИМОВ ЕЛЕГ МЯЛКИНА МАРИНА НЕДОЛУЖКО ИГОРЬ НЕКЛЕССА АЛЕКСАНДР НЕКРАСОВ ДМИТРИЙ НЕМИРОВА МАРИЯ НЕМЦОВА МАРИНА НЕСТЕРОВ ФЁДОР НЕСТЕРОВА ГАЛИНА НЕКРАТИН ВИКТОР НИКОЛАЕВ АЛЕКСЕЙ НИСНЕВИЧ ЮЛИЙ НОСИК ЕЛЕНА ОБРАЗЦОВА ВИКТОРИЯ ОБУХОВА АННА ОКУНЕВА ОЛЬГА ОМИГОВ МИХАИЛ ОРИЩЕНКО ДМИТРИЙ ОРЛОВ ВЯЧЕСЛАВ ОСОВСКАЯ ТАТЬЯНА ОХРИМЕНКО ТАТЬЯНА ПАЛЬЧИКОВ ВЛАДИМИР ПАНОВ ПЕТР ПАНОВА НАТАЛЬЯ ПАНФИЛОВА ЕЛЕНА ПАСТУХОВ ВАСИЛИЙ ПЕРЕСЛЕГИН СЕРГЕЙ ПЕТРОВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВ ВЛАДИМИР ПЕТРОВА ДАРЬЯ ПЕТРОВА ЕКАТЕРИНА ПИЛЮГИНА АНАСТАСИЯ ПИМЕНОВ ДЕНИС ПИНЧУК ЭЛЛЕН ПИПЕРСКИЙ АЛЕКСАНДР ПЛЕТНЕВ АНДРЕЙ ПЛЕХАНОВА ЕЛЕНА ПОДКОПАЕВА ЕЛЕНА ПОДОСЁНОВ ЕВГЕНИЙ ПОДШИВАЛОВА МАРИНА ПОЖИДАЕВ АНДРЕЙ ПОЛДУШЕВА ЮЛИЯ ПОЛУНКИН СЕРГЕЙ ПОЛУЭКТО ВЛАДИМИР ПОЛЬСКАЯ ЛИЛИЯ ПОЛЯНСКИЙ МАКСИМ ПОПОВ АЛЕКСЕЙ ПОПОВ АЛЕКСЕЙ ПОПОВ ЕВГЕНИЙ ПОПОВ СЕРГЕЙ ПОТАНИН ВАЛЕРИЙ ПРИВАЛОВ АЛЕКСАНДР ПРИВАЛОВА МАРИЯ ПРОШУНИНА ЮЛИЯ ПУЛЬВЕР НАТАЛЬЯ ПЫЩЕВ НИКОЛАЙ ПЫЩЕВА ОКСАНА ПЯДУХОВА ГРЕТА РАДЧЕНКО НАТАЛЬЯ РАДЬКО ПАВЕЛ РАЗНОВИЛЬСКАЯ НАТАЛИЯ РАППОПОРТ АЛЕКСАНДР РОГОЖКИН ИВАН РОДИОНОВ АЛЕКСАНДР РОДИОНОВА СВЕТЛАНА РОЖНЕНКО ИГОРЬ РУКИН КОНСТАНТИН РУСАН ОЛЬГА РУЩЕНКО СЕРГЕЙ САВЕНКОВ РОМАН САЛИКОВА ЕКАТЕРИНА САТАНОВСКИЙ ЕВГЕНИЙ САФИУЛИН ИГОРЬ СВАРНИК ОЛЬГА СВЕРЧКОВ ЕВГЕНИЙ СВЕТЛЯКОВ КИРИЛЛ СЕЛЕЗНЕВА ОЛЕСЯ СЕЛИВАНОВА НИНА СЕМЕНОВ ДМИТРИЙ СЁМКА АРТЕМ СЕРТАКОВ АЛЕКСАНДР СИЗЕНЕВА НАТАЛЬЯ СИРОТИН ПАВЕЛ СКРЫПНИКОВ АЛЕКСЕЙ СМИРНОВА МАРИЯ СМИРНОВА НИНА СОБОЛЕВА ЕЛЕНА СОГОМОНОВ АЛЕКСАНДР СОКОВА ВЕРА СОКОЛОВ АЛЕКСАНДР СОЛОВЬЁВ ДМИТРИЙ СОЛОВЬЕВ НИКОЛАЙ СОУСТИН НИКОЛАЙ СТАРИКОВА МАРИЯ СТАРОДУБЦЕВ СЕРГЕЙ СТЕПАНОВ РОМАН СТЕРНИН ИОСИФ СТОЛЯРОВ АРТЕМ СТРЕЛЬНИКОВА ЛЮБОВЬ СТРУКОВ ЮРИЙ СУРДИН ВЛАДИМИР СУРНЕНКОВА СВЕТЛАНА СУТУГА ЮЛИЯ СУХОЧЕВ АЛЕКСЕЙ СУШЕНЦОВ АНДРЕЙ СЫСОЕВ МАТВЕЙ СЫЧЕВА ЕЛЕНА ТАРАСОВ ИГОРЬ ТЕРЕХОВА ЛЮДМИЛА ТИМОШИНОВ ЕВГЕНИЙ ТИТОВ КИРИЛЛ ТОЛСТЫХ НАТАЛЬЯ ТОПУНОВ АЛЕКСЕЙ ТРОФИМОВА ИРИНА ТРОФИМОВА МАРИНА ТУГАЙ ЕКАТЕРИНА ТУМАКАЕВ ДЕНИС ТУРИЩЕВА ЕЛЕНА ТЮРКИН ИГОРЬ УДОВИЧЕНКО НАТАЛЬЯ УСТИНОВА ВАЛЕРИЯ ФЕДОСЕЕВ АЛЕКСАНДР ФИЛАТОВ ДАНИЛА ФИЛОНОВИЧ СЕРГЕЙ ФУРСОВ АНДРЕЙ ХАЙДАРОВ АЛЕКСАНДР ХАЛИТОВА ЕКАТЕРИНА ХАРИТОН СЕМЕН ХАХАНОВ ПАВЕЛ ХВАН НАТАЛИЯ ХОДАКОВСКИЙ ВЛАДИСЛАВ ХОЗИКОВА ИРИНА ХОЛМОГорова ВИКТОРИЯ ХОХЛОВ АНДРЕЙ ХОХЛОВА АННА ХОЦ МАРИЯ ХРИПУШИН ДЕНИС ЦАРИЩАНСКАЯ НАТАЛЬЯ ЦВЕТКОВ АНДРЕЙ ЦИРЯНИДИ ВИКТОР ЦИРЯНИДИ ГАЛИНА ЧЕРНИГОВСКАЯ ТАТЬЯНА ЧЕРНИКОВ ВЯЧЕСЛАВ ЧЕРНИКОВА АННА ЧЕРНИЦЫНА СВЕТЛАНА ЧЕРНУШКИН ВАДИМ ЧЕРНЫШЕВ ВАЛЕРИЙ ЧЕСНОКОВ ВЛАДИМИР ЧЕЧИК ЛИЯ ЧУБИРКО ИРИНА ЧУВАРОВ МИХАИЛ ЧУВИКОВ РОМАН ЧУКАЕВА ЮЛИЯ ЧУФРИНОВА ЕЛЕНА ШАЛАМОВА ЕКАТЕРИНА ШАМАРИН ВЯЧЕСЛАВ ШАПАУСКАС ВИКТОР ШЕВЕЛЕВА СВЕТЛАНА ШЕВЕЛЮХИНА ИННА ШЕВЦОВА ОЛЬГА ШЕЛУДЯКОВ АЛЕКСЕЙ ШИШЛОВ РОМАН ШМЕЛЕВ АЛЕКСЕЙ ШОСТАК ЕКАТЕРИНА ШТЕРН БОРИС ШУЛЮПИН ИВАН ШУРУПОВА АСЯ ШУРХОВЕЦКАЯ АННА ЩЕДРИН ИВАН ЩЕДРИНА АННА ЩЕКИНА ИВЕТА ЭЙТИН-ГОН ВЛАДИМИР ЭРЛИХ ГЕНРИХ ЮРШИНА МАРИЯ ЯКОВЛЕВ АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВА ЕКАТЕРИНА ЯМОВА ЕКАТЕРИНА ЯНОВСКАЯ ЮЛИЯ

Просвещение – это выход человека
из состояния своего несовершеннолетия,
в котором он находится по собственной вине.
Иммануил Кант

Автор идеи – Ирина Карпова

Редактор, корректор – Мария Старикова

Фото – Олег Бойко, Евгения Морозова, пресс-службы
ШЭК «Репное» и книжного фестиваля «Читай-Болтай»

Видео – Александр Маньков, Екатерина Батурина,
Сергей Пиляев

Верстка – Станислав Дитятев

Фирменный стиль к 10-летию Школы – IT-компания
MITLabs, Александр Кук

Сайт – IT-компания MITLabs, Константин Маляров